

**ТРУДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

ВЫПУСК II

90-летию
Музея Старого Петербурга
посвящается

Издание сборника осуществлено при финансовой поддержке
ОАО «Акционерный Банк «Промрадтехбанк»»

Открытое акционерное общество «Акционерный Банк «Промрадтехбанк»» зарегистрирован 17 января 1990 года (Генеральная лицензия № 228).

В настоящий момент «Промрадтехбанк» является одним из наиболее динамично развивающихся банков России, решает важные задачи в области финансового обеспечения государственных программ, сохраняет традиционно тесные связи с государственными предприятиями и организациями. В основе стабильности работы банка — глубоко продуманная стратегия развития, доминантой в которой являются интересы клиента. В рамках этой стратегии банк успешно сочетает операции на финансовых рынках и кредитование реального сектора экономики.

Наиболее крупным и перспективным подразделением АБ «Промрадтехбанк» является С-Петербургский филиал «Радуга», который был создан в 1993 году для обслуживания предприятий военно-промышленного комплекса и финансирования конверсионных программ. Филиал работает в режиме самостоятельного банка, осуществляя весь спектр банковских операций. Являясь петербургским не только по наименованию, но и по духу, филиал «Радуга» активно участвует в решении городских проблем, оказывает содействие работе городской Администрации, всячески стремясь внести свою лепту в сохранение исторического, творческого и культурного наследия Санкт-Петербурга, что способствует возрождению великого города как северной столицы России, обновлению его духовной и общественной жизни. Это и участие в работе благотворительного движения «Золотой Пеликан», в реализации социально-значимых городских программ, направленных на оказание помощи инвалидам и малоимущим семьям, и выделение средств на реконструкцию церкви «Кулич и Пасха», и постоянное оказание финансовой поддержки Дому ребенка №16 Калининского района, и организация в своих помещениях персональных выставок работ петербургских художников, и успешное сотрудничество с Международной экологической организацией «Зеленый Крест» в рамках реализации экологических программ на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Исследования и материалы

Выпуск II

От Музея Старого Петербурга
к Государственному музею истории
Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург
1997

Издание подготовлено Научно-редакционным отделом ГМИСПб

Составитель В. А. Фролов

Сборник посвящен 90-летию учреждения Музея Старого Петербурга. В него вошли ранее не публиковавшиеся исследования и материалы, подготовленные сотрудниками ГМИСПб. Приводятся малоизвестные сведения и документы о Музее Старого Петербурга, Музее Города, Музее истории и развития Ленинграда — предшественниках ГМИСПб. Материалы по истории крепости Орешек, рассказы о поисках и находках дополняют многоплановую картину работы музейных специалистов.

Издание продолжает выпуски ГМИСПб, которые с настоящего времени будут выходить под общим заглавием «Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга».

Сборник рассчитан на историков, искусствоведов, краеведов и читателей, интересующихся историко-культурным наследием Санкт-Петербурга.

© Государственный музей истории
Санкт-Петербурга, 1997
© НРО, оформление, 1997

Предисловие

Второй выпуск сборника «Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга»¹ выходит к вам, дорогие читатели, осенью 1997 года. Он посвящен 90-летию Музея Старого Петербурга — организации, целью которой были сбор материалов, изучение и пропаганда истории города на Неве.

Много лет прошло с тех пор, но современные исследователи нашего города, работающие в ГМИСПб, продолжают плодотворную деятельность своих замечательных предшественников — основателей Музея Старого Петербурга: В. Н. Аргутинского-Долгорукова, А. Н. Бенуа, П. П. Вейнера, Н. Н. Врангеля, А. Ф. Гауша, В. Я. Курбатова, Н. Е. Лансере, В. А. Покровского, И. А. Фомина, В. А. Щуко; сотрудников ГМИЛа: Т. И. Авраамовой, А. И. Барабановой, Л. Н. Беловой, Т. П. Кулешовой, А. М. Никитина, А. М. Павелкиной, М. Н. Петровой, А. В. Повелихиной, Н. А. Рыжова, Р. А. Соминой, О. А. Чекановой, Р. И. Шпиллер, Е. Н. Элькин и многих других. О некоторых из них вы сможете прочитать на страницах нашего издания.

Говоря о юбилеях, начинаешь вспоминать о прошлом вообще. И первое, что вспоминается, — осень 1987 года.

¹ Первый выпуск имел подзаголовок «Музей, школа, семья» (СПб., 1996) и включал в себя разнообразные сведения о работе ГМИСПб со школьниками. — Ред.

Перемены в стране внесли существенные коррективы в жизнь учреждений культуры города. Впервые им было предоставлено право выбора руководителей. И наш музей не остался в стороне от этих событий. 24 ноября 1987 года общее собрание коллектива музея удостоило меня чести стать во главе одной из крупнейших в городе научно-просветительных организаций — Государственного музея истории Ленинграда.

Все, кто сегодня работает в музее, а основные научные и хранительские кадры сохранились, имеют свои воспоминания о событиях тех лет. И я, подводя 10-летний итог своей работе в музее, часто заглядываю в программу, которую предложила в день выборов со сцены ДК им. Шелгунова. Этот документ краток по своему содержанию, но за каждой его строкой стоит наша общая интересная и творческая работа.

Я рада за своих коллег, получивших за эти годы почетное звание «Заслуженный работник культуры». Приятно сознавать, что увенчались успехом усилия многих поколений музейных работников, и в апреле 1993 года решением Правительства Российской Федерации Петропавловская крепость получила статус музея-заповедника и была официально признана главным объектом Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Ныне крепость обретает новую жизнь. Благодаря реставрационным работам, горожане увидели во всем блеске один из символов города — Ангела на шпиле Петропавловского собора, воссоздается Великокняжеская усыпальница, реставрируется Невская куртина. Интересным явлением в музейной практике стало открытие «Печатни», совместившей историческую экспозицию с графической мастерской. Однако, несмотря на большой объем

работ, сделанных за последние годы, заповедник требует постоянной заботы. Ждут своей очереди реставрация Нарышкина бастиона и Екатерининской куртины. Хотелось бы максимально воплотить в жизнь также планы научного коллектива по музеефикации крепости. Поэтому в настоящее время при отсутствии бюджетного финансирования становится необходимым поиск партнеров, привлечение инвесторов для совместных программ, которые позволят создать в Петропавловской крепости единый музейный комплекс.

Значительно увеличилась за последние годы детская аудитория музея, успешно реализуются новые проекты, охватывающие с каждым годом все большее число юных петербуржцев. Более разносторонними стали международные контакты музея.

Был в программе и пункт о сокращении числа филиалов, но не путем формального отторжения их от музея, а создания объектов, способных к самостоятельной жизни. С уверенностью можно сказать, что краеведческие музеи Царского Села и Ораниенбаума, ставшие самостоятельными учреждениями, прочно стоят на ногах.

Долгие годы музей не имел издательских прав. Публикации наших специалистов в отдельных изданиях не могли удовлетворить потребность общения с более широкой аудиторией. Понимая это, я дала обещание, что музей будет издавать свои научные труды. Однако выполнить его смогла только после возвращения в музей Б. М. Кирикова, который наладил этот трудный процесс. К сборнику «Краеведческие записки», первый номер которого вышел в свет в 1993 году, прибавились другие издания, и даже находятся спонсоры для их финансирования.

Мне приятно отметить, что этот юбилейный сборник издан при финансовой поддержке ОАО «Акционерный Банк «Промрадтехбанк». Мы благодарны нашему спонсору и отмечаем его решающий вклад в подготовку настоящего выпуска.

Десять лет пролетели незаметно. Они были так насыщены событиями, что, кажется, прошло больше, чем десять. И здесь невольно всплывают в памяти строки поэта: «Я знаю, время растяжимо... Оно зависит от того, какого рода содержимым Вы наполняете его...» Желаю своим коллегам-музейщикам плодотворного труда, направленного на развитие всего того, чего мы достигли за это время.

Директор Государственного музея
истории Санкт-Петербурга

Н. Л. Дементьева

А. М. Павелкина

От Музея Старого Петербурга к Государственному музею истории Санкт-Петербурга

«Современный маленький музей <...> является фундаментом того большого института, который должен вырасти с течением времени. Фундамент же заложен с знанием дела, с истинной любовью к художественному Петербургу. Нет оснований сомневаться в дальнейшем успехе»¹, — так заканчивался отзыв о первой большой экспозиции Музея Старого Петербурга, открытой в 1920 году. С полным правом можно считать, что слова эти оправдались. Музей, пережив многое вместе со всей страной, выжил, расширился и встал в ряд крупнейших научно-просветительных учреждений города по ценности собранной коллекции и популярности.

Девяносто лет назад, в конце 1907 года, был создан на общественных началах Музей Старого Петербурга. Его организовали архитекторы, художники, исследователи искусства, члены Общества архитекторов-художников, избранные в специальную Комиссию по изучению и описанию Санкт-Петербурга, которую возглавил А. Н. Бенуа. Он стал первым директором музея, а среди основателей и сотрудников были И. А. Фомин, В. А. Покровский, А. Ф. Гауш, П. П. Вейнер, Н. Н. Врангель, В. Н. Аргутинский-Долгоруков, Н. Е. Лансере, В. Я. Курбатов, В. А. Щуко². Многие из них посвятили музею долгие годы жизни.

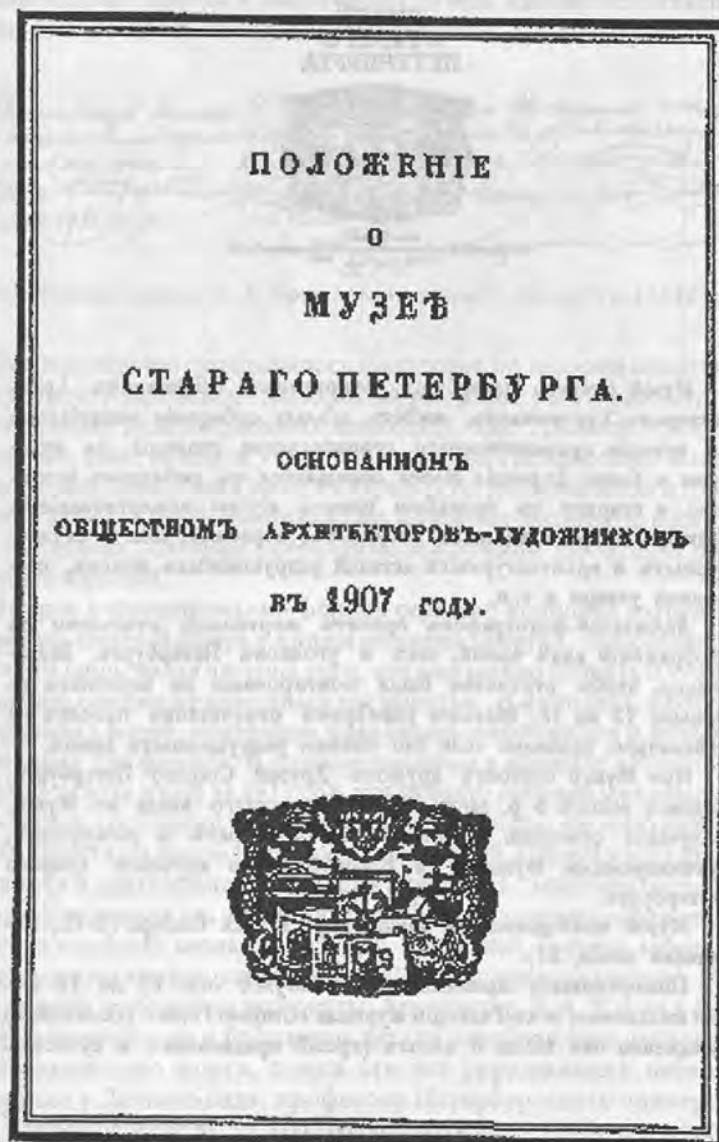
Основанию музея предшествовали годы нарастающего интереса к культурному и художественному наследию XVIII — первой трети XIX века. Возникла потребность собирать произведения искусства, предметы ушедшего быта, старинные документы, книги. Создавались крупные частные художественные коллекции. Выходило в свет много изданий, посвященных искусству и старине. Особое внимание привлекала история Петербурга, наиболее ярко воплотившая художественные устремления тех времен.

«Эрой культа нашей петербургской старины»³ назвал Бенуа конец XIX — начало XX века. «Мы <...> не устанем твердить, что Петербург — удивительный город, имеющий себе мало подобных по красоте»⁴, — писал Г. К. Лукомский; «самым красивым городом Европы»⁵ назвал его И. Э. Грабарь.

Огромную помощь и поддержку в организации и становлении Музея Старого Петербурга оказал председатель Общества архитекторов-художников граф П. Ю. Сюзор. Он же был среди первых, принесших ценные дары новому музею. Кроме этого, он предоставил музею помещение в собственном доме (Кадетская линия, 21). В доме Сюзора Музей Старого Петербурга находился около десяти лет.

Официальный статус и утвержденный устав Музей Старого Петербурга получил в конце 1908 года, а в 1909 году была избрана дирекция. С 1910 сведения о музее начали регулярно публиковать в справочнике «Весь Петербург». В периодический же печати, особенно в журнале «Старые годы», информация о задачах, стоявших перед музеем, его нуждах и замыслах появлялась с конца 1907 года. Деятельность сотрудников началась с момента принятия решения о создании музея. Буквально в первые же месяцы было положено основание музейной коллекции. Устроители музея, энтузиасты приносили в дар ценные экспонаты: гравюры с видами Петербурга, фотографии, документы, книги. В сохранившихся инвентарных книгах музея декабрем 1907 года отмечены поступления первых экспонатов. Среди них — два великолепных увража по строительству Александровской колонны (1836) и Исаакиевского собора (1845), Устав столичного города Санкт-Петербурга (1798). Преподнес их музею Сюзор. Красивое издание 1818 года «Достопримечательности С. Петербурга и его окрестностей» с гравированными видами города подарил Курбатов. Тогда же музей получил план Петербурга, изданный Академией наук в 1753 году к пятидесятилетию столицы; раскрашенную гравюру на четырех листах — панораму центра Петербурга, исполненную на рубеже XVIII–XIX веков художником Дж. Аткинсоном; картину 1835 года с видом Измайловского собора и многое другое.

В формировании фондов принимали активное участие все сотрудники музея и «лица, сочувствующие целям, положенным в основание Музея». Первоочередной же задачей основателей Музея Старого Петербурга было «собираание материалов по истории художественного строительства столицы, ее культуры и быта». Это слова из обращения, составленного членами дирекции музея к широкой общественности⁶. Среди производителей строительных работ была распространена листовка с просьбой передавать в музей художественные детали архитек-

Положение о Музее Старого Петербурга. 1908 г.

МУЗЕЙ СТАРАГО ПЕТЕРБУРГА

Основанъ Обществомъ Художниковъ
24 1907 года

Музей Старого Петербурга, основанный Обществомъ Архитекторовъ-Художниковъ, имѣетъ цѣлью собираніе матеріаловъ по исторіи художественнаго строительства столицы, ея культуры и быта. Дирекція Музея обращается къ любящимъ искусство и старину съ просьбою помочь музею пожертвованіемъ гравюръ и оригинальныхъ рисунковъ, чертежей, книгъ, скульптурныхъ и архитектурныхъ деталей разрушаемыхъ домовъ, старинной утвари и т. п.

Любителей-фотографовъ просятъ жертвовать отпечатки съ изображеній какъ зданий, такъ и уголковъ Петербурга. Желательно, чтобы отпечатки были монтированы на картонахъ не меньше 13 на 18. Малыми размѣрами отпечатковъ просятъ не стѣсняться, особенно если это снимки разрушенныхъ зданий.

При Музее состоитъ кружокъ Друзей Старого Петербурга. Годовой взносъ 5 р. даетъ право бесплатнаго входа въ Музей, полученія отчетовъ и участія въ осмотрахъ и экскурсіяхъ, организуемыхъ Музеемъ и Комисіей по изученію Старого Петербурга.

Музей помѣщается въ домѣ графа П. Ю. Сюзора (В. О., Кадетская линія, 21).

Пожертвованія принимаются въ Музей отъ 10 до 12 час. дня ежедневно, и въ Редакціи журнала «Старые Годы» (Соляной, 7) ежедневно отъ 10 до 6 часовъ (кроме праздниковъ и субботы).

.....

Листовка Музея Старого Петербурга. 1909 г.

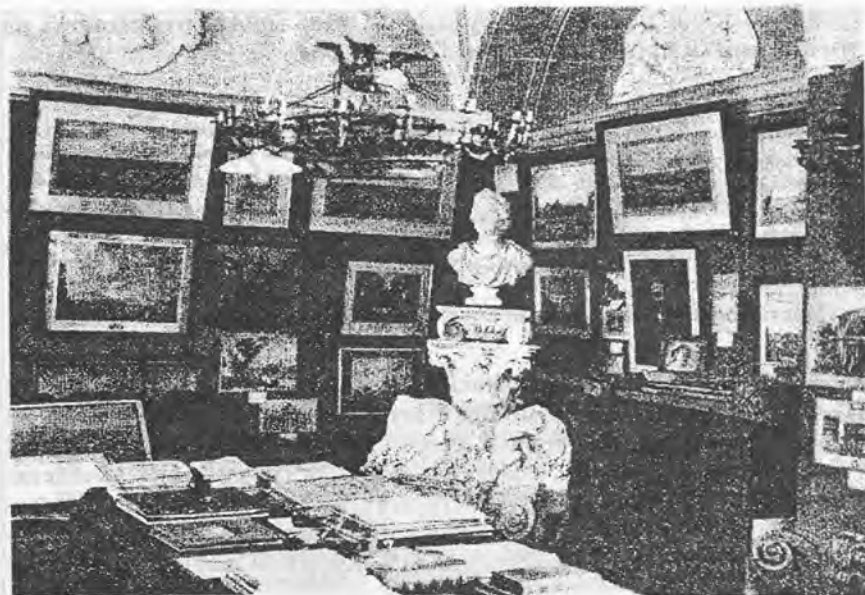
турной отделки зданий и сооружений. Очень многие откликались на эти призывы и приносили ценные материалы.

*Историческая выставка 7. Петербург на фламант-татарск
материалы, собранные в 1828 году, и другие интересные
фрагменты (из русских и французских альбомов) приложены к журналу
Музея Старого Петербурга. Издательство Императорского
Бюро 1912 года.*

Дарственная надпись В. А. Брюллова на плане С.-Петербурга 1828 года.

Так постепенно складывалась коллекция по истории архитектуры Петербурга, и еще совсем молодой музей, наряду с такими крупными хранилищами художественных ценностей, как Эрмитаж и Академия художеств, смог принять участие в создании грандиозных выставок: «Историческая выставка архитектуры» (1911), «Ломоносов и Елизаветинское время» (1912). Выставлялись музейные экспонаты и на камерных выставках, которые устраивались Кружком любителей русских изящных изданий.

Вопрос о формировании фондов серьезно волновал сотрудников. Секретарь музея Лансере в одном из писем заметил, что коллекция — «<...> это лишь малая частица того, что еще можно собрать и что может бесследно, никому не известным погибнуть»⁷. В журналах, с которыми сотрудничал музей, постоянно появлялась информация о новых приобретениях для фондов. В опубликованном в журнале «Русский библиофил» отчете музея за 1911 год, когда было собрано уже свыше 1000 экспонатов, сообщалось о новых ценных вкладах: «В минувшем году музей обогатился рядом интересных коллекций. Первое место занимает обширная и драгоценная коллекция князя В. Н. Аргутинского-Долгорукова. Коллекция эта представляет собою блестящее собрание оригинальных чертежей великих мастеров, акварелей, гравюр, между которыми имеются крайне ценные и редчайшие по красоте листы»⁸. Приносили в музей и объемные экспонаты. Архитектор Л. А. Ильин в 1908 году передал чугунные и бронзовые детали разобранного цепного Пантелеймоновского моста, почти сто лет украшавшего небержную Фонтанки у Летнего сада; профессор Петербургского университета Д. Д. Grimm передал чугунную тротуарную плиту 1832 года; поступали декоративные элементы внешнего и внутреннего убранства петербургских зданий, предназначенных к сносу, мебель, художественные бытовые вещи.

Музей Старого Петербурга в зале дома П. Ю. Сюзора. Фото. 1912 г.

Одновременно с поисками экспонатов, пополнением фондов сотрудники занимались их систематизацией, составлением каталогов, готовили музей для приема посетителей. С 1912 года публика могла его посещать ежедневно. Скорее всего, эти посещения имели характер встреч «за круглым столом» — помещения не позволяли создать развернутую экспозицию. Тем не менее музей был популярен. Даже в годы первой мировой войны в прессе отмечали, что «<...> интерес в широких слоях общества [к музею] отнюдь не упал, а, напротив, подымается с каждым годом, об этом свидетельствуют все более и более учащающиеся посещения его публикой. Музей был посещаем и иностранцами-специалистами»⁹. Даже в эти годы количество экспонатов в фондах музея росло.

События 1917 года вызвали беспокойство за уже сложившуюся ценную коллекцию молодого общественного музея. Важно было сохранить ее цельность и своеобразие. Судьба Музея Старого Петербурга определилась к концу 1918 года. Он как самостоятельный отдел был придан основанному в октябре 1918 года в Аничковом дворце Музею Города, который занимался изучением проблем развития городских

Музей Старого Петербурга в зале дома П. Ю. Сюзора. Фото. 1912 г.

поселений всех времен и народов. Для размещения фондов и построения экспозиции Музею Старого Петербурга отдали дом № 35 по набережной Фонтанки, рядом с Аничковым дворцом. Два года шел ремонт здания, подготовка выставки, и в конце 1920 года двери музея распахнулись для публики. Впервые стало возможным представить результат десятилетних трудов музейщиков. Была создана историко-архитектурная экспозиция. В восемнадцати залах была показана картина развития петербургской архитектуры в предыдущие столетия.

В 1920-е годы фонды музея значительнополнились. Из брошенных квартир, национализированных имуществ, ликвидированных учреждений в запасы музеев потекли художественные и исторические ценности. Наиболее значимые частные собрания, принадлежавшие ранее высшей аристократии, были превращены в историко-бытовые музеи. Музеями стали дворцы Шереметевых и Шуваловых на набережной Фонтанки, Строгановых на Невском проспекте. В Аничковом дворце включили в экспозицию личные комнаты императора Александра III и его супруги. Был музеефицирован и передан Музею Города особняк графини Н. Ф. Карловой (наб. Фонтанки, 46). Богатая, худо-

жественная обстановка особняка позволила создать там экспозицию «Внутреннее убранство жилья», тематически дополнившую основной раздел Музея Старого Петербурга.

Время процветания музеев было очень непродолжительным. На их судьбе отразилась политическая борьба, развернувшаяся в стране в 1920–1930-х годах. Музеи оказались в ряду идеологических учреждений, их деятельность ставилась на службу пропаганды социалистических идей. Началась кампания по закрытию и «чистке» музеев, травле и увольнению сотрудников, разбазариванию коллекций. О драматических годах, пережитых Музеем Города и вместе с ним Музеем Старого Петербурга, рассказывает публикация Г. А. Поповой¹⁰. Следует только немного подробнее остановиться на дальнейшей судьбе петербургской коллекции. Она так же горестна и печальна, как и судьба многих людей, ее собиравших и хранивших.

Решениями разных комиссий, предписаниями партийных органов экспозиции Музея Города и Музея Старого Петербурга были закрыты. Началось «освобождение» фондов от «ненужных» экспонатов. В лучшем случае художественные вещи передавались в другие музеи. Очень много экспонатов, в том числе произведения живописи, фарфор, предметы прикладного искусства и мебели, костюм, было передано Русскому музею. Живописные полотна из Музея Старого Петербурга попали и в Эрмитаж, и в пригородные дворцы-музеи. Однако это была только незначительная часть коллекции. Гораздо больше вещей шло на продажу, уничтожалось и просто расхищалось. Старые инвентарные книги пестрят множеством пометок: «к изъятию», «передано в Антиквариат», «передано в Рудметаллоторг», «на уничтожение», «списано», «похищено». В эти годы музей «освободили» от образцов ажурного чугунного литья, элементов художественной лепки. Списано было много объемных и живописных уличных вывесок, домовых номерных знаков разных эпох, фонарей и т. д. На продажу пошли изделия прикладного искусства: художественная посуда, люстры, бра, канделябры, мебель. Фонды музея были разорены. Оставшаяся часть коллекции, в основном графические экспонаты, была законсервирована.

Однако идея собирания и сохранения исторического наследия города на Неве, изначально сформулированная организаторами Музея Старого Петербурга, оказалась жизнеспособной. Музей, пережив целый ряд реорганизаций, переподчинений, переименований, эвакуацию в годы войны 1941–1945 годов, в апреле 1953 года возродился с новым названием — Государственный музей истории Ленинграда (с 1991 года — Санкт-Петербурга). Снова стали пополняться фонды музея. Значительно обогатились старые коллекции фотографий, архитек-

турных проектов, видовой и портретной графики, живописи. Фактически заново созданы фонды мебели, архитектурных деталей, предметов декоративно-прикладного искусства, костюма, бытовой техники, петербургской археологии и др. Все эти очень разные, интересные и ценные по художественным и историческим достоинствам предметы хранятся в запасниках. Сейчас в фондах насчитывается более миллиона предметов. Постоянные тематические экспозиции и временные выставки не позволяют широко представить объем и разносторонность музейного собрания. Необходимо было найти такой прием, который дал бы возможность шире показывать накопленное музеем в течение многих лет.

Выставка «Возвращение в Петербург» (1992) была первой попыткой построения экспозиции на основе демонстрации отдельных комплексов фондовых коллекций. Она понравилась и хорошо посещалась. Срок ее работы продлевался. В итоге она функционировала целых пять лет и не пустовала до последнего дня. Это убедило коллектив сотрудников фондов в возможности продолжить устройство подобных выставок. Сейчас на материалах фондов подготовлена новая выставка «Музей Старого Петербурга». Она приурочена к 90-летней годовщине музея и будет данью памяти подвижникам, положившим ему начало. Основная цель выставки — ознакомление публики с культурным наследием. В связи с этим следует привести замечательные слова Александра Бенуа, одного из основателей музея: «Для новой жизни нужно новое искусство. Но образовывать свой вкус полезно на изучении искусства прошлого <...>»¹¹.

¹ В. С. К. «Старый Петербург» // Известия. 19 ноября 1920.

² Об истории организации Музея Старого Петербурга см. подробнее: Блинов А. М. «Эти люди были подвижниками...» // Ленинградская панорама. 1988. № 9. С. 38–39; Марголис А. Д. Музей Старого Петербурга // Архитектура Петербурга. Материалы исследований. Кн. 2. СПб., 1992. С. 140–146; Павелкина А. Музей Старого Петербурга // Музей и Город / Российский журнал искусств. Тематический выпуск. СПб., 1993. (№ 2). С. 10–15.

³ Бенуа А. Возникновение «Мира искусства». Л., 1928. С. 45.

⁴ Лукомский Г. К. Старый Петербург. Свободное искусство. Пг., 1917. С. 21.

⁵ Грабарь И. Э. Моя жизнь. М.–Л., 1937. С. 65.

⁶ Старые Годы. 1909. № 2. Приложение.

⁷ Оль Г. Лансере Н. Н. Е. Лансере. Л., 1986. С. 43.

⁸ Русский библиофил. 1912. № III. С. 99.

⁹ Архитектурно-художественный еженедельник. 1915. № 2. С. 14.

¹⁰ Попова Г. Музей Города // Музей и город. СПб., 1993. № 2. С. 16.

¹¹ Бенуа А. Историческая выставка архитектуры. Каталог. 1911. С. 3.

Е. В. Минкина

Музей Старого Петербурга. По страницам литературно-художественных журналов 1907–1917 годов

Общественная жизнь предреволюционной России характеризовалась интересом к отечественной старине. Многие петербургские журналы уделяли большое внимание проблемам сохранения и изучения национального культурно-исторического наследия. Деятельность Музея Старого Петербурга чаще всего освещалась на страницах журналов «Старые годы», «Золотое руно» и «Аполлон». Эти издания были связаны с музеем не только общностью целей, но и людьми, участвовавшими в их работе. Журнал «Старые годы» с Музеем Старого Петербурга сближала и дата основания — 1907 год.

Редакция журнала, в которую входили А. Н. Бенуа, В. А. Верещагин, Н. Н. Врангель, И. И. Леман, С. К. Маковский, С. Н. Тройницкий, А. А. Трубников и П. П. Вейнер (редактор-издатель), считала главными задачами глубокое и всестороннее изучение искусства прошлого, его оценку, восстановление забытого и борьбу за охрану памятников. В основе журнальных публикаций лежала строгая научность. В разные годы со «Старыми годами» сотрудничали В. К. Арсеньев, Ф. Г. Беренштам, И. Я. Билибин, И. Э. Грабарь, С. П. Дягилев, В. Я. Курбатов, Н. Е. Лансере, Э. Э. Ленц, Э. К. Липгарт, В. К. Лукомский, П. И. Нерадовский, Н. К. Рерих, А. А. Ростиславов, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, И. А. Фомин, С. Р. Эрнст, С. П. Яремич и многие другие. Эти авторы способствовали поддержанию высокого общественного авторитета издания.

Первое упоминание в «Старых годах» о Музее Старого Петербурга встречается в статье, подписанной «Б.Н.В.» Автор рассказал о деятельности Комиссии по изучению и описанию старого Петербурга, в которую входили члены Общества архитекторов-художников. Од-

ной из задач Комиссии было создание музея по типу парижского *Sag-navalet*. Предполагалось, что коллекции нового учреждения будут включать в себя разнообразные предметы: фотографии, гравюры, книги, рисунки, литографии, барельефы, фрагменты чугунных решеток — все, что может рассказать об истории города и его ближайших окрестностей. Крайне затруднительно оказалось найти подходящее помещение для музея. Этот вопрос решил известный архитектор и общественный деятель, председатель Общества архитекторов-художников граф П. Ю. Сюзор. Он предложил временно разместить коллекции Музея Старого Петербурга в его доме на Кадетской линии Васильевского острова, 21. Кроме того, Сюзор безвозмездно передал музею свое собрание чертежей, рисунков и предметов архитектурно-декоративного убранства. Журнал сообщал: «Некоторые петербургские коллекционеры уже предложили в дар музею свои собрания. Если бы прибавить к этому те бесчисленные, интереснейшие виды столицы, которые находятся в Зимнем дворце, в Большом Царскосельском дворце и в папках Эрмитажного собрания, можно бы образовать действительно редкую и драгоценную коллекцию старого Петербурга»¹.

С 1909 года сообщения о деятельности Музея Старого Петербурга появляются на страницах популярного художественного ежемесячника «Аполлон». Кроме статей, освещавших цели журнала, как «чисто эстетические, независимо от тех идеологических оттенков (общественных, эстетических, религиозных), которые может получить символ Сребролукого бога — в устах отдельных авторов», журнал, по словам его редактора С. К. Маковского, определял в качестве одной из своих задач борьбу с нечестностью во всех областях творчества, со всяким посягательством на хороший вкус, «будь то выдуманное ощущение, фальшивый эффект, притязательная поза или иное злоупотребление личинами искусства»². Статьи Бенуа, Столпянского, Курбатова возрождали интерес к красоте классических архитектурных ансамблей города. Они обычно сопровождались большим количеством фотоснимков и «петербургской» графики.

В первом номере журнала «Золотое руно» за 1908 год Ростиславов подчеркивал, что открытие при Обществе архитекторов-художников Музея Старого Петербурга — это крупное, пока еще мало оцененное и замечательное событие в художественной жизни. В музей с момента его открытия поступали пожертвования в виде старинных гравюр, литографий, чертежей, редких книг от князя В. Н. Аргутинского-Долгорукова, А. Н. Бенуа и ряда других лиц. Ростиславов указал на необходимость основания Общества друзей «Старого Петербурга» для обеспечения жизнеспособности музея: «В настоящее время помещение

и средства для содержания Музея дает Общество архитекторов-художников, и, разумеется, ему вечно будет принадлежать честь основания и открытия, но желательно все-таки было бы, чтобы Музей имел в конце концов вполне самостоятельное положение, независимое от возможного в будущем колебания симпатий Общества; где сейчас может быть случайно очень силен элемент поклонников старины. Существование подобного музея кажется обеспеченным только тогда, когда он именно в руках «друзей», исключительно преданных и заинтересованных»³. В следующем номере журнала вновь была затронута тема о желательной независимости Музея Старого Петербурга от общественных учреждений и было указано, что 7 февраля учрежден предварительный, но вместе с тем детально разработанный Устав музея.

С первых дней своей деятельности сотрудники Музея Старого Петербурга стремились защитить памятники города. Так, уже «на заседании 30 января в Музее комиссией (дом гр. Сюзора, Кадетская линия, 21) обсуждался вопрос о предполагаемой засыпке Лебяжьей канавки (около Летнего сада) с разрушением двух красивейших мостов, украшающих один из самых живописных уголков Петербурга», — сообщается в статье Маковского⁴. В марте 1908 года обсуждался вопрос о передаче так называемого «дворца Бирона» для художественных целей, устройства выставочных помещений, музеев, в том числе и Музея Старого Петербурга. К сожалению, он был решен не в пользу музея. 19 марта членами Комиссии по изучению и описанию старого Петербурга был подписан проект Положения, в котором высказывалась надежда на то, что вскоре музей устроит свое хранилище и откроет экспозицию. Тем временем коллекции разрастались и не только благодаря частным пожертвованиям. Сотрудники музея следили за перестройкой города и при разборке зданий детали, представлявшие интерес для истории: карнизы, барельефы, маски и тому подобное — старались поместить в фонды. «Старые годы» сообщали: «В недалеком будущем этому Музею предстоит аналогичная задача: перевезти из уничтожаемого театра Таврического дворца части плафонной живописи, капители, деревянные резные бра и пр., обещанные управлением дворца для Музея».

В Музей Старого Петербурга, в течение минувшего строительного сезона, поступило еще несколько деталей со старинных уничтожаемых или перестраиваемых зданий, в том числе несколько резных деревянных кронштейнов от балконов Императорского Университета⁵.

Октябрь 1909 года был знаменательным для истории Музея Старого Петербурга. «Старые годы» и «Аполлон» сообщали в обзорах художественной жизни города о том, что под председательством Сюзора состоялось собрание учредителей музея и произведены выборы дирек-

ции. Председателем избрали А. Н. Бенуа, товарищами председателя — В. Н. Аргутинского-Долгорукова и В. А. Покровского, секретарем — И. А. Фомина, членами дирекции — П. П. Вейнера, В. Я. Курбатова, А. В. Щуко и Н. Н. Врангеля, хранителем музея — А. Ф. Гауша. На заседании, состоявшемся 7 октября, был утвержден Устав музея, основная цель деятельности которого состояла в том, чтобы «а) собирать предметы, относящиеся к истории Петербурга: его основанию, застройке и расширению, а также истории его окрестностей; б) представить возможно полную картину жизни Петербурга во все последующие эпохи. <...> Лица, сочувствующие целям, положенным в основание Музея, могут оказывать свое содействие его развитию и преуспеянию, внося ежегодно по 5 рублей. Эти лица, а равно внесшие одновременно 100 рублей, приобретают звание друзей Музея Старого Петербурга и пользуются правом бесплатного входа в Музей и получения годовых отчетов»⁶.

Число друзей музея росло, и это дало средства для приведения в порядок экспозиционных материалов, постепенно обустроивалось хранилище музея, появилось необходимое оборудование⁷.

В 1910–1912 годах все более значительной становилась научно-исследовательская деятельность музея. Помимо годовых отчетов, в журналах того времени публиковались сообщения о коллекциях музея. Так, в февральском номере «Старых годов» за 1910 год был помещен текст доклада на тему «Петербургские театры в XVIII столетии», сделанного незадолго перед этим В. Н. Всеволодским (Гернгроссом). В этом же выпуске представлены фотографии, запечатлевшие петербургскую старину и знаменитые усадьбы⁸. О старинных планах Петербурга сделал доклад Курбатов. Столпянский предпринял попытку издать по частям план всего города, дом за домом, с обозначением истории каждого из них. В совете музея были показаны планшеты с планами одной из центральных частей Петербурга. На этом же заседании состоялись выборы товарища председателя и секретаря, которыми стали И. А. Фомин и Н. Е. Лансере.

Важным событием в жизни музея стала Историческая выставка архитектуры, организованная Обществом архитекторов-художников в залах Академии художеств в 1911 году. Как свидетельствует каталог, большинство представленных на выставке вещей перешло после ее окончания в Музей Старого Петербурга⁹. Весной 1912 года в «Старых годах» был помещен отчет музея за предыдущий год, из которого следует, что его фонды быстро пополнялись все новыми пожертвованиями: Аргутинский-Долгоруков подарил коллекцию из 77 оригинальных произведений и 143 гравюр, литографий и других произве-

дений, среди которых были работы Ф. Б. Растрелли, Дж. Кваренги, Ч. Камерона, А. Д. Захарова, Ж. Тома де Томона и других знаменитых зодчих. Кроме того, поступили пожертвования от Ф. Ф. Нотгафта, Л. И. Жевержеева, П. П. Вейнера, А. Ф. Гауша и других. В начале 1912 года в музее было 1457 единиц хранения, но он по-прежнему не имел своего помещения. В статьях журнала «Старые годы» неоднократно ставился об этом вопрос. На помощь музею пришли художники, которые предоставили свои произведения для распродажи в его пользу. Среди них были Александр и Альберт Бенуа, И. Я. Билибин, О. Э. Браз, А. Ф. Гауш, М. В. Добужинский, Д. Н. Кардовский, Евгений и Николай Лансере, Г. К. Лукомский, В. В. Матэ, Г. И. Нарбут, П. И. Нерадовский, А. П. Остроумова-Лебедева, К. С. Петров-Водкин, Н. К. Рерих, А. А. Рылов, З. Е. Серебрякова, К. А. Сомов, И. А. Фомин, В. Я. Чемберс, князь А. К. Шервашидзе, В. А. Щуко, А. Е. Яковлев, С. П. Яремич и другие¹⁰.

В музее был установлен режим работы: по понедельникам и пятницам с двух до пяти часов дня до начала летних каникул. Проводились выездные экскурсии с осмотром старинных зданий.

В 1910-х годах петербургские журналы вели борьбу с актами вандализма. Особенно остро эта тема поднималась на страницах «Старых годов», где публиковался реестр, фиксировавший случаи порчи, уничтожения наружной и внутренней архитектурной отделки столичных зданий. Так, в февральском выпуске журнала за 1913 год сообщалось, что на одном из собраний Общества архитекторов-художников Т. Л. Вторжецкий сделал сообщение о сломе старого Гостиного двора, возведенного первоначально по проекту Д. Трезини, и показал рисунки и обмеры здания¹¹. В том же году октябрьский номер «Аполлона» и декабрьский выпуск «Старых годов» сообщили о заседании Совета музея, на котором Курбатов сделал доклад «Скульптурные украшения петербургских зданий». Тревожась об утрате скульптурных украшений при перестройке зданий, докладчик высказал мысль о передаче их в Музей Старого Петербурга¹². Номером ранее «Старые годы» сообщили о реставрации стенной живописи в доме Полякова, приобретенном Сенатом, на что было ассигновано 5000 рублей¹³. Рассказал журнал и о том, как рассматривался вопрос об окраске этого здания. Предложение произвести ее под цвет, свойственный сооружениям Ж. Тома де Томона, а не Сената — постройки более позднего времени и иного характера, было отклонено, хотя с ходатайством по этому поводу выступали Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины и Музей Старого Петербурга. Автор статьи писал: «Казалось бы, можно поверить на слово двум столь компетентным

учреждениям и не приносить художества в жертву ранжиру и едва ли все-таки существенным экономическим соображениям»¹⁴. Деятельности музея по спасению старых зданий способствовало и то, что председателем дирекции музея стал с 1912 года Вейнер — редактор «Старых годов». Он передал в музей коллекцию чертежей и рисунков Дж. Кваренги и рукопись зодчего — автобиографическое письмо к графу Л. Лупи, семье которого первоначально принадлежала эта коллекция. В 1913 году в музей поступили новые пожертвования от Аргутинского-Долгорукова, А. А. Половцова, Курбатова, Жевержеева, среди которых было 97 фотографий петербургских домов, их интерьеров и деталей убранства.

Из года в год на страницах столичной прессы обсуждался вопрос о месте размещения Музея Старого Петербурга, в связи с чем предлагалось предоставить ему один из старых городских домов¹⁵. Доклад по этому вопросу был заслушан на заседании Городской Думы, но дальнейшего хода не получил.

Согласно последнему из опубликованных отчетов музея, его посещаемость в 1915–1916 годах увеличилась; число единиц хранения возросло до 2273. Среди новых приобретений были пять обмерных чертежей Сального буяна, выполненных архитекторами Г. П. Любарским и Н. А. Любимовым, более тридцати акварельных видов Петрограда, рисунки и чертежи (решетки, карнизы, архитектурные детали зданий), пожертвованные художником К. Э. Гефтлером. Из наследия Н. Н. Врангеля поступил чрезвычайно интересный сборник газетных вырезок и альбомных портретов 1850–1860-х годов, Гауш подарил коллекцию фотографий дачи Эбсворт в Лигове¹⁶.

После Февральской революции положение музея изменилось. Часть дворцов была объявлена музеями, в том числе и Зимний. Начало было положено размещением в нем коллекций Музея Старого Петербурга, ряда ценных в художественном отношении предметов из Аничкова дворца, а также музея и архива Капитула орденов¹⁷. В журнале «Аполлон» давалась этому следующая оценка: «Величайшего одобрения заслуживает предложение совета по делам искусства и Музея Старого Петербурга Временному правительству — ассигновать 500 000 рублей на приобретение коллекции картин, эскизов и рисунков А. А. Иванова, принадлежавшей М. П. Боткину. В депутацию к министру финансов были избраны члены совета М. И. Ростовцев, А. И. Таманов и Н. И. Кардовский»¹⁸. Дальнейших упоминаний о Музее Старого Петербурга как самостоятельном учреждении в вышеуказанных журналах нет.

Весной 1918 года музей переехал из Зимнего дворца в дом Мятлевых (Исаакиевская площадь, 9), однако уже к осени выяснилось, что

для содержания этого здания нет средств. Совет музея обращался в различные инстанции с просьбой о необходимых ассигнованиях, хотя бы на отопление помещения, зарплату низшим служащим и одному хранителю. Музейный отдел Наркомпроса в помощи отказал, и Совет Музея Старого Петербурга принял предложение Музея Города войти в его состав на правах автономного отдела¹⁹. Во главе Музея Старого Петербурга остался Вейнер, хранителем — Гауш, а от Музея Города свой новый отдел опекали давние «друзья Музея Старого Петербурга» — Л. А. Ильин и В. Я. Курбатов.

¹ Старые годы. 1907, ноябрь. С. 578.

² Маковский С. Аполлон. 1909, октябрь (№1). С. 4.

³ Ростиславов А. Золотое Руно. 1908, N 1. С. 85.

⁴ Маковский С. Старые годы. 1908, февраль. С. 94.

⁵ Н. Ф. В комиссии по изучению и описанию старого Петербурга // Старые годы. 1908. № 9. С. 573.

⁶ Старые годы. 1909, ноябрь. С. 628–629.

⁷ Аполлон. 1910. № 4. С. 59; № 5. С. 27.

⁸ Старые годы. 1911, февраль. С. 63.

⁹ Там же.

¹⁰ Старые годы. 1912, март. С. 56.

¹¹ Старые годы. 1913, февраль. С. 55.

¹² Аполлон. 1913. № 10. С. 74; Старые годы. 1913, декабрь. С. 57.

¹³ Старые годы. 1913, октябрь. С. 47.

¹⁴ Старые годы. 1913, октябрь. С. 47.

¹⁵ Старые годы. 1913, декабрь; 1914, апрель; Аполлон. 1914. № 2.

¹⁶ Старые годы. 1916, январь-март. С. 56.

¹⁷ См.: Аполлон. 1917, № 2–3.

¹⁸ Аполлон. 1917. № 6–7. С. 75.

¹⁹ ГМИСПб Научный архив. Папка 5. Оп. I. № 7.

Е. В. Минкина

П. П. Вейнер — музейный работник

Среди имен, связанных с историей музейной жизни Петербурга, имя Петра Петровича Вейнера заслуживает особого внимания. Он был крупным коллекционером, редактором и издателем журнала «Старые годы», одним из создателей и директором Музея Старого Петербурга.

П. П. Вейнер родился 3 октября 1879 года в Санкт-Петербурге в обеспеченной семье. Его отец — Петр Петрович Вейнер, владелец астраханских пивоваренных заводов — в 1883 году был пожалован дворянством. Он стремился дать своим детям — Аркадию, Петру и Николаю — хорошее образование и с этой целью перевез семью в Санкт-Петербург. Девизом Вейнеров было: «Труд, знание, честь, слава».

Все трое сыновей Вейнера закончили Александровский лицей. Аркадий Петрович впоследствии стал вице-директором II департамента Министерства иностранных дел, служил консулом в США. Он не эмигрировал, а вместе со многими пережил аресты, ссылки, лишения и умер в 1965 году. Николай Петрович покинул Россию с войсками Юденича, умер в Париже в 1950 году.

Петр Петрович был выпускником LIV курса Лицея 1898 года. Девизом этого престижного учебного заведения, отличавшегося строгим подбором профессуры, служил призыв: «На общую пользу!» Слушателей готовили как для гражданской службы, так и военной. Полученные знания пригодились Вейнеру во время Русско-японской войны 1904–1905 годов. Он принимал участие в работе Красного Креста, был награжден медалью¹.

Впоследствии Вейнер стал активным участником заседаний Общества архитекторов-художников, Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, а также Кружка любителей русских изящных изданий. Из всех этих увлечений выросло два главных дела его жизни: журнал «Старые годы» и Музей Старого Петербурга.

П. П. Вейнер. 1910-е гг.

ской колонны 1834 года и другие»³. В 1909 году его избрали членом дирекции Музея Старого Петербурга, а с 1912 он сменил А. Н. Бенуа на посту председателя дирекции.

За самоотверженную деятельность по охране старины и издание журнала «Старые годы» Академия наук присудила Вейнеру золотую Пушкинскую медаль⁴. Осенью 1912 года он был выдвинут на соискание звания действительного члена Академии художеств и получил среди представленных к этому званию наибольшее число голосов. 28 ноября 1912 года коллежского советника Вейнера, состоявшего старшим делопроизводителем Государственной канцелярии в Марининском дворце, утвердили действительным членом Академии художеств. Лица, получившие это звание, не пользовались правами государственной службы, им не присваивалось какого-либо класса на социальной иерархической лестнице, им не полагалось содержания⁵.

В 1910-х годах Вейнер принимал активное участие в организации и проведении ряда выставок: памяти В. А. Серова, Исторической в Академии художеств, Юбилейной художественно-исторической, посвященной 300-летию Дома Романовых. С последней выставкой организаторов постигла неудача. Первоначально планировалось собрать художественные произведения, которые иллюстрировали бы важней-

шие события в России за три столетия, произошедшие при участии членов императорской семьи, выразить дух каждого царствования, представить личности государей. Предполагалось разместить все собранные предметы по эпохам и отдельным царствованиям. В комиссию по подготовке к выставке входили Бенуа, Вейнер, Н. Н. Врангель, В. В. Матэ, С. Ф. Ольденбург, С. Н. Тройницкий и другие. Комитет выставки из представителей всех ведомств возглавлял П. Ю. Сюзор «под высшим смотрением» великой княгини Марии Павловны. Устроители посылали запросы в губернии по всей стране, чтобы выявить наличие или отсутствие материалов. Постепенно выставка стала требовать все большее число организаторов. Работа комитета сводилась в основном к заседаниям. Многие искусствоведы, откликнувшиеся с большим желанием и интересом на создание выставки, видя явное бездействие, вышли из комитета. В связи с этим Сюзор предложил взять на себя роль распорядителя Вейнеру, который писал об этом в своих заметках: «Усомнившись в возможности справиться в положенный срок, я сначала переговорил со своей группой и, увидав в ней, с одной стороны, нежелание для Сюзора тащить каштаны из огня, а с другой — уверенность, что время уже упущено, решительно отказался <...> Словом, Романовская выставка оказалась лопнувшим пузырем»⁶.

С большим энтузиазмом Вейнер занимался также редактированием юбилейного справочника «Академия художеств за 150 лет». В комиссию по подготовке издания входили: Л. Н. Бенуа, А. Н. Бенуа, В. А. Беклемишев, Н. Н. Врангель, В. Е. Маковский, В. В. Матэ и другие. Прежде чем приступить к этой работе, он изучил состав авторов и их подход к теме⁷.

Из переписки с гофмейстером двора, конференц-секретарем Академии художеств В. П. Лобойковым, известно, что в 1913 году Вейнер побывал в Италии, которая, как он писал, «имеет все права на моё сердце»⁸. Там он лечился и осматривал достопримечательности, попутно редактировал статьи для журнала «Старые годы», не забывая и свою собирательскую деятельность. В переписке с А. Н. Бенуа можно найти адреса, по которым Вейнер приобретал работы. «Сейчас веду в Милане переговоры о покупке массы рисунков и чертежей, оставшихся после Кваренги, — конечно, для Музея»⁹. В письмах он делился впечатлениями об итальянских музеях, рассказывал о работе над переводом иностранных фамилий художников на русский язык, поручил Бенуа посмотреть заинтересовавшие его картины: «Затем, полупросьба: есть здесь господин Sadislao de Yasienski (18, via Plinnio), реставратор, через которого я купил для Музея папки Кваренги. У него есть Бассано, Magnaschi и др. вещи»¹⁰. По возвращении Вейнер подарил Музею Ста-

рого Петербурга ценнейшую коллекцию рисунков и чертежей Кваренти (всего 245 листов)¹¹.

Высокий профессионализм Вейнера подчеркивает следующий эпизод его биографии. В 1913 году семья Бенуа решила предложить Эрмитажу приобрести картину «Мадонна» работы Леонардо да Винчи. Некоторые искусствоведы в те годы высказывали сомнения по поводу подлинности картины. Узнав об этом, Вейнер посчитал необходимым высказать свое мнение в письме В. П. Лобойкову¹², и его отзыв о картине был приложен к «Мнению Академии художеств».

В 1915 году Вейнер принял участие в подготовке заседания памяти Н. Н. Врангеля. Выступил с докладом «Биографические сведения о бароне Врангеле», посвятил ему весь выпуск журнала «Старые годы».

Вейнер имел широкий круг знакомых. Среди коллекции визитных карточек, подаренных им музеем, встречаются имена не только ближайших соратников по спасению памятников старины и собирательству: кн. В. Н. Аргутинского-Долгорукова, М. В. Добужинского, Э. К. фон Липгарта, гр. П. Ю. Сюзора, А. П. Семенова-Тян-Шанского, но и Николая П., гр. А. А. Бобринского, А. Я. Вагановой, гр. С. Ю. Витте, Н. Е. Врангеля, академика А. А. Шахматова, Ф. И. Шаляпина и других.

В недавно опубликованных воспоминаниях создатель музея «Старая Москва» И. Е. Бондаренко рассказал о помощи, которую оказал Вейнер при организации московского музея. Совместно с Вейнером он подготовил статью «Москва XVII века» для журнала «Старые годы». Посещая Петербург, Бондаренко бывал на Сергиевской улице в доме петербургского коллеги «<...> в особняке, где особенно интересным был один из трех кабинетов, стены которого во всю высоту были покрыты превосходными, старыми фламандскими гобеленами с их мягкой, чарующей глаз гармонией зеленоватых и темно-коричневых тонов»¹³.

Дирекцию Музея Старого Петербурга постоянно волновал вопрос о помещении музея. По этому поводу Вейнер обращался к общественности через печать, выносил вопрос на заседание Городской Думы. Однако решение так и не было принято.

Стремление спасти историко-культурное наследие привело многих представителей интеллигенции к сотрудничеству с советской властью. Сам Вейнер так писал об этом: «Когда тотчас после Октябрьского переворота мы начали работать по охране памятников искусства и старины, мы не задумались пойти на сотрудничество с чуждой нам партией, т.к. задачи этого дела считали стоящими вне политики и знаем, с другой стороны, что здесь ошибки неисчислимы: в экономической жизни страны разорение еще поправимо, но здесь никакая после-

дующая творческая деятельность, никакой самый напряженный труд не вернут погибшего»¹⁴.

Вейнер включился в работу группы экспертов под руководством А. В. Луначарского и был назначен членом художественной комиссии по Гатчинскому дворцу¹⁵. В своих воспоминаниях об этих днях А. Н. Бенуа высоко оценил его деятельность. «Оказались тогда налицо и те люди, которые захотели и смогли взять на себя трудные обязанности возглавить на местах охранительные аппараты этих дворцов, превратившихся в музеи. Имена их — Верещагина, Надеждина, Половцова, Зубова, Ятманова, Ерыкалова, Вейнера, Вл. Макарова, Бернштама, Телеповского и др. — останутся памятными в истории русского музейного дела, ибо все они <...> оказались на высоте поставленной задачи»¹⁶.

Работая в экспертных комиссиях, Вейнер не прекращал свою деятельность в Музее Старого Петербурга, которому довелось в 1918 году трижды переезжать с места на место. Совет Музея обращался в различные инстанции, прося ассигнований, но Музейный отдел Наркомпроса в помощи отказал. При таких обстоятельствах было принято решение войти в состав Музея Города, среди создателей которого были Л. А. Ильин, В. Я. Курбатов — давние друзья и основатели Музея Старого Петербурга. 14 декабря 1918 года был составлен документ о слиянии музеев: «Рабочая Комиссия Музея города настоящим имеет удовольствие сообщить, что журналом Комиссии, утвержденным Председателем Коллегии Музея города В. Р. Менжинской, Музей Старого Петербурга принимается в состав Музея Города на правах Отдела, причем в деятельности своей должен руководствоваться особой инструкцией, выработанной им самим, утверждаемой Коллегией, и имеет титул: «Музей Города». Отдел «Музей Старого Петербурга»¹⁷. Отдел занял в составе Аничковой усадьбы отдельный дом, принадлежавший ранее купеческой семье Серебряниковых (наб. реки Фонтанки, д. 35). Вейнер работал над созданием первой экспозиции, а также осуществлял экспертизу всевозможных предметов, предлагавшихся к приобретению или к передаче из общественных хранилищ в Музей Города. В июле 1919 года рабочая коллегия Музея Города заслушала его отчет о задачах и деятельности Музея Старого Петербурга и постановила открыть его для обозрения публике к концу месяца. Петр Петрович хлопотал об издании каталогов Музея, «имеющих целью возбудить в населении внимание и заботу к облику родного города, а также интерес к остаткам его былой истории»¹⁸.

Большое значение Вейнер придавал собирательской работе, пытаясь пополнить имеющиеся материалы так, чтобы ни одно крупное яв-

ление петербургской жизни не было забыто. Он участвовал в закупочных комиссиях, на которых Музей Города целенаправленно покупал предметы для этого отдела. Весной 1919 года были приобретены гравюры на дереве А. П. Остроумовой-Лебедевой, чертежи из коллекции А. Н. Бенуа, портреты из Сергиевского дворца, часть экспонатов из Музейного фонда, предметы мебели и т.д.¹⁹ Петр Петрович читал лекции по истории искусства, принимал участие в заседаниях ученых советов Музея Города, Эрмитажа и т.д.²⁰

Столь интенсивная научная и общественная деятельность Вейнера прерывалась тяжкими испытаниями, выпавшими на его долю. С 1918 по 1925 годы его неоднократно арестовывали под разными предлогами. Будучи владельцем дома на Сергиевской, 38, в котором и проживал, а также являясь крупным коллекционером и потомственным дворянином, он вызывал повышенный интерес у новой власти. Ее представители, постепенно занимая принадлежавшие ему жилые помещения, подбирались к коллекциям. В ответ на притеснения в феврале 1919 года Вейнер зарегистрировал вещи, находившиеся в квартире, в Отделе охраны. В перечне были упомянуты картины Рубенса, часы Людовика XVI, люстра бронзовая XVIII века, «фарфоровый сундук» и другие ценные вещи, всего 82 предмета²¹. Друзья пытались помочь Вейнеру в эти трудные времена. В письме к В. В. Воинову он писал: «<...> Я нездоров, уже несколько дней вылеживаюсь и высиживаюсь, а между тем над моей головой занесен меч; отводит его добрейший Александр Васильевич Суслов, но снести с ним я не имею способа. Поэтому спросите его завтра в Эрмитаже, как обстоит дело с моей отсрочкой и — буде она прошла — что мне надлежит по сему учинить»²². Дирекция Музея Города тоже стремилась предотвратить арест ценного специалиста. С этой целью в сентябре 1923 года Вейнера командировали в Севастополь для сбора материалов по коммунальному хозяйству, садовому делу и благоустройству Крыма²³. Через год его арестовали, обвинив в агитации против существующего советского строя, в направленной помощи международной буржуазии. Согласно двум имеющимся протоколам, Вейнера допрашивали о существовавшем до 1918 года на Мойке, 24, Клубе под названием «Собрание Лицеистов», членом которого он являлся, а также об участии в 1922 году в панихиде по лицеистам в церкви Кузьмы и Дамиана, на которой произносились имена царствующего дома, начиная от Александра I и кончая Николаем II»²⁴. 2 декабря 1924 года дело прекратили за недоказанностью обвинения, но через полгода Вейнера осудили к высылке на Урал сроком на три года за принадлежность к контрреволюционной организации. 8 июля 1925 года он уехал в ссылку. На музейном совете сообщили о том, что Петра

Петровича выслали из Петрограда, а в августе 1925 года отстранили от должности заведующего отделом «Музей Старого Петербурга». Тогда же все его вещи, хранение которых осуществляли мать М. В. Вейнер и сестра З. П. Тизенгаузен, были изъяты в пользу государства, а также Товарищества жильцов в счет квартплаты. От имени Главнауки ходатайство перед Музейным фондом о необходимости изъятия предметов подписали Г. С. Ятманов и М. П. Кристи²⁵.

23 декабря 1926 года Петру Петровичу отказали в просьбе о досрочном освобождении, но в марте 1928 года срок наказания сократили на одну четверть. В это время он проживал в городе Любани Новгородской губернии. По заключению Военной прокуратуры ЛВО 16 февраля 1929 года Постановление Коллегии ОГПУ от 22 июня 1928 года было отменено и дело в отношении Вейнера прекращено. Находясь вдалеке от семьи, друзей и любимых занятий, Вейнер писал воспоминания об истории и критике журнала «Старые годы», как он их называл: «Плод трехлетней ссылки!»²⁶. В них анализируются статьи, рост творческих замыслов постоянных авторов журнала, его оформление, даются критические оценки себе и своим соратникам. Вернувшись из ссылки, Вейнер служил в Эрмитаже, где составлял списки музейной мебели и ее описание, работал над каталогами. Работа отвлекала от гнетущей обстановки вне музея. Современники вспоминали, что его «лишили права голоса, по обвинению в спекуляции, за попытку продать черную шубу матери, которую торговал у него подставной покупатель ГПУ. К счастью для него, однако, в результате успешных хлопот и помощи людей <...> ему удалось сбросить с себя проклятую печать «лишенца» и на время обрести сравнительное спокойствие»²⁷. Вейнер и его родственники подвергались неоднократным обыскам. В результате последнего, перед самым арестом, у него конфисковали практически все, лишив надежды на будущее.

22 июня 1930 года Петра Петровича вновь арестовали и вместе с другими 28 лицами, проходившими по делу, обвинили в том, что он был активным участником контрреволюционной монархической группировки, которую возглавляла, дочь принца К. П. Ольденбургского графиня Е. К. Зернекау, связанная с монархическим центром в Париже. Согласно обвинению, Вейнер участвовал в нелегальных совещаниях, получая через Зернекау от монархистов в лице великого князя Гавриила Константиновича и принца А. П. Ольденбургского денежные средства. Вейнер вину свою не признал. В своих воспоминаниях М. А. Коваленская утверждала, что слышала от матери Вейнера, что он в глубине души не допускал казни. По странной случайности сосед по дому Коваленской оказался в одной камере с Вейнером и был свидетелем того, как его повели на казнь²⁸.

Постановлением Тройки ППОГПУ в ЛВО 2 января 1931 года Вейнер по статье 58-11 УК РСФСР был осужден к расстрелу с конфискацией всего принадлежавшего ему имущества. 7 января 1931 года в 23 часа 30 минут приговор был приведен в исполнение.

Постановлением Президиума Ленинградского суда от 26 октября 1988 года Постановление от 2 января 1931 года в отношении П. П. Вейнера было отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления²⁹.

¹ РГИА. Ф. 790. Оп. 1. Д. 161.

² ГРМ ОР. Ф. 117. Ед. хр. 190. Л. 3.

³ Старые годы. 1913, январь. С. 56.

⁴ ГРМ ОР. Там же. Л. 1.

⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 13 (1912 г.). Д. 182.

⁶ ГРМ ОР. Там же. Л. 20.

⁷ Неясность в вопросе об авторе первой части «Истории Академии художеств» (вторую писали А. Н. Бенуа и С. П. Яремич) удерживала Вейнера от решения принять на себя редактирование всего труда. Если же Грабарь был бы склонен написать ее, то это совершенно изменило бы, по словам Вейнера, его личное отношение «ко всему делу и внушило надежду, что дело будет исполнено и исполнено так хорошо, как только можно было бы желать <...>». Цит. по письму П. П. Вейнера И. Э. Грабарю от 17 апреля 1913 г. Отдел рукописей Гос. Третьяковской галереи. Ф. 106. См.: *Грабарь И. Письма. 1891–1917. М., 1974. С. 288.*

⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 13. Д. 47. Л. 1.

⁹ ГРМ ОР. Ф. 137. Ед. хр. 787. Л. 23.

¹⁰ Там же. Л. 27.

¹¹ Впоследствии выяснилось, что среди подлинных чертежей оказались и гравированные листы, копии с проектов Дж. Кваренги и чертежи других авторов. В настоящее время в собрании ГМИСПб находятся 201 чертеж и 21 рисунок Кваренги, два альбома гравированных чертежей, 22 разрозненных гравированных листа с его проектов. Из инвентарных книг Музея Старого Петербурга стало известно, что в 1915 г. из дара Вейнера изъято шесть, а потом еще 10 листов «как не относящиеся к Петербургу». Сведения представлены научным сотрудником ГМИСПб А. М. Павелкиной на основании подготовленной ею вступительной статьи к каталогу «Графическое наследие Дж. Кваренги в собрании ГМИСПб». Каталог не опубликован. РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1913. Ед. хр. 477; Аполлон. 1914. № 3. С. 61.

¹² «За отсутствием из Петербурга, лишенный возможности высказаться на этом заседании Академии художеств, спешу обратиться к Вам с просьбой, не признаете ли Вы возможным к протоколу присоединить и мое мнение.

Зная, что вопрос о так называемой «Мадонне Бенуа» волнует художественный мир, я, будучи теперь в Италии, говорил об этой картине с рядом выдающихся историков искусства и слышал от всех только самые твердые отзывы в пользу ее подлинности. Особенно заслуживает внимания мнение профессора А. Вентури и директора флорентийской галереи

Дж. Подори. Первый, хорошо знающий картину, узнав от меня, что покупка ее подвергается сомнению, со слезами на глазах умолял меня поднять в печати голос за ее покупку, видя в таковой заслугу не только перед Россией, но и перед всей Европой, так как, едва картина попадет в руки торговца, цена ее достигнет размера, доступного только американским собраниям. Второй, лично не видевший картину, но являющийся в настоящее время весьма крупной величиной в ученом и музейном мире, находил все о ней обнаруженное настолько доказательным, что не остается места сомнениям в авторстве Леонардо.

При этом все мне определенно указывали, что возражения против достоверности картины объясняются, по-видимому, такими особыми родами расчетов, которые письменно излагать неудобно, но которые должны лишь особенно побудительно не поддаваться их внушению и не выпускать картину из рук.

Все изложенное, слышанное мною из первых уст, заставило бы меня особенно определенно высказаться за исключительную желательность приобретения картины для Императорского Эрмитажа и за умеренность обсуждавшейся темы.

Буду Вам весьма благодарен, если Вы признаете еще возможным и своевременным включить такое мое мнение в протокол». РГИА. Ф. 789. Оп. 13. Ед. хр. 59. Л. 116.

¹³ Бондаренко И. Е. Записки коллекционера // Памятники Отечества. 1993. № 29. С. 24–25.

¹⁴ Кузина Г. А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Сб. научных трудов НИИ культуры. М., 1991. Т. 1. С. 155.

¹⁵ Лапшин В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 416.

¹⁶ Александр Бенуа размышляет. М., 1968. С. 71–72. Фамилия В. Н. Талепоровского в указанной книге приведена с ошибкой.

¹⁷ ГМИСПб. Научный архив. П. 5. Оп. 1. Л. 5.

¹⁸ Там же. П. 2. Оп. 1. Л. 4.

¹⁹ Там же. П. 3. Оп. 1. Л. 34, 37, 40, 54, 57, 60, 63, 83.

²⁰ Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. V. Ч. II. Д. 71. Л. 52.

²¹ Там же. Ф. IV. Оп. 1. Д. 350, 351.

²² ГРМ ОР. Ф. 70. Ед. хр. 82. Л. 1. [1921 г.]. Суслов Александр Васильевич служил в архиве Эрмитажа. См.: Эрмитаж. История и современность. М., 1990. С. 301.

²³ ЦГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 116. Л. 4.

²⁴ См. ответ на запрос № 157 от 23 февраля 1994 г. ФСР РФ Управление по СПб и области от 15 февраля 1995 г. ГМИСПб. Документ находится в обработке. Имя Козьмы в документе приведено с ошибкой.

²⁵ ГЭ. Архив. Ф. IV. Оп. 1. Д. 350–351.

²⁶ ГРМ ОР. Ф. 117. Ед. хр. 190.

²⁷ Там же. Ф. 137. Ед. хр. 608. Оп. 2. Л. 2.

²⁸ Коваленская Мария Андреевна — сестра Верещагина Василия Андреевича, соредатора Вейнера в журнале «Старые годы». В письме к А. Н. Бенуа от 19 сентября 1935 г. приводится неточная дата расстрела — 9 января

1931 вместо 7 января 1931 года. «И, вот 9 января, роковое свершилось. В 12 ночи замок двери камеры скрипнул и раздался приказ появившихся: "Гр. Вейнер, одевайтесь!" <...> У него не хватило сил двинуться. <...> Тогда ни в чем неповинного агнца посадили на кресло, к которому его привязали!! и таким образом понесли на лобное место! Вероятно, в подвалах дома ГПУ, заменившего бывший Сергиевский Собор. Потрясающее впечатление пришлось мне пережить, когда 10 января Михайлов сообщил мне, что: "Петр Петрович казнен!"» ГРМ ОР. Ф. 137. Ед. хр. 608. Оп. 2. Л. 4.

²⁹ Ответ на запрос ГМИСПб № 157 от 23 февраля 1994 г. в ФСК РФ Управление по СПб и области от 15 февраля 1995 г. Запрос о реабилитации был сделан Кириллом Петровичем Вейнером в 1988 г.

Л. А. Аксенова

Современники о последних годах жизни А. Ф. Гауша (записки музейного работника)

Сложна и многообразна работа музейного хранителя: изучение коллекций, атрибуция предметов, поиск вещей и, наконец, пополнение фондов. В самом начале своей деятельности в должности хранителя историко-бытовой коллекции Государственного музея истории Ленинграда для атрибуции музейных предметов мне часто приходилось обращаться к архивным инвентарным книгам Музея Старого Петербурга. Хотя в наследство от Музея Старого Петербурга нам досталось немного вещей, но инвентарные книги сохранились полностью. Они были написаны первым хранителем музея А. Ф. Гаушем. Постепенно у меня накопился большой объем материалов о музее и его коллекции, в комплектовании которой, безусловно, большую роль сыграл ее первый хранитель.

Александр Федорович (Александр Густав Адольф) Гауш родился 30 августа 1873 года в семье купца I-й гильдии, почетного гражданина Санкт-Петербурга, главы фирмы оптовой торговли и владельца завода кожи для подошв к обуви. Семье принадлежал дом № 74 на Английской набережной. Окончив школу при Реформатской церкви (наб. р. Мойки, 38), молодой Гауш два года брал уроки живописи у П. П. Чистякова и в 1893 году поступил вольнослушателем в Академию художеств, где обучался в пейзажной мастерской А. А. Киселева, а затем снова у Чистякова. В 1899 году за картины «Под вечер» и «Ветер» он был удостоен звания художника. Много путешествовал за границей, совершенствуя свое мастерство, много работал и выставлялся. При жизни его работы на выставках висели рядом с полотнами Н. К. Рериха, К. А. Сомова, А. Н. Бенуа, А. П. Остроумовой-Лебедевой и других мастеров «Мира искусства».

В доме Гауша на Английской набережной, в мастерской, собирались и знаменитые, и молодые, тогда еще неизвестные художники. Алек-

сандр Федорович был меценатом и покровительствовал не только потому, что был богат, но и по душевному влечению и великой доброте.

Как и многие «мирискусники», Гауш вел активную подвижническую деятельность в сфере культуры. Он был одним из инициаторов и, как уже говорилось, первым хранителем Музея Старого Петербурга. О нем и его коллегам мы обязаны хранить добрую память, потому что они первыми на рубеже XIX–XX веков осознали исключительное значение северной столицы в истории России, оценили необыкновенную красоту города на Неве, наконец, именно они во многом определяли ту среду, в которой так обильно распустились яркие цветы «серебряного века» русской культуры.

Иногда получается так, что человек, деятельность которого приходится изучать, вдруг перестает быть посторонним, чужим. Из сухих документов, протоколов заседаний и особенно из личных писем Гауш вырисовался для меня как личность необычайная, тонкая, аристократичная, но, видимо, не очень практичная. Вчерашний богач и меценат, за несколько лет советской власти он превратился в нищего. В 1924 году он покинул Ленинград и отправился на юг для восстановления здоровья жены Любови Николаевны (урожденной Миллиоти), где оказался вынужденным зарабатывать кусок хлеба, как он сам говорил, «халтурой». Сейчас его имя почти забыто и известно только специалистам-искусствоведам и музейщикам.

В сентябре 1980 года, направляясь в очередной отпуск в Крым, я запаслась необходимыми письмами и «отношениями» в разные организации, предполагая поработать там в поисках материалов об Александре Федоровиче. В Крыму, в Симферополе, Гауш провел более двух десятков лет. Из всех лиц, упомянутых Александром Федоровичем в его переписке с Е. С. Деммени¹, к 1980 году в Симферополе уже никого не осталось. Но в фондах Симферопольской картинной галереи и Союза художников мне дали несколько адресов и телефонов лиц, которые знали или могли знать Гауша и что-либо о нем рассказать.

А. Ф. Гауш

Улица Карла Маркса. На месте дома, в котором Гауш жил последние месяцы жизни, стояло построенное в 1950-х годах новое здание под тем же № 52. Отсюда в один из дней 1947 года он вышел и попал под трамвай. Так оборвалась жизнь замечательного человека, художника, общественного деятеля.

Улица Карла Либкнехта, дом № 36. Здесь в 1946 году по возвращении в Симферополь Гауш недолго жил у сестры своей покойной жены Ольги Николаевны Миллиоти. Разумеется, я не надеялась застать в живых Ольгу Николаевну, но ее и Александра Федоровича могли помнить соседи. Дом был старый, дореволюционный, с просторным двором, окруженным двухъярусной галереей. Он был такой же, как многие южные дома: в каждую квартиру на втором этаже вела отдельная лесенка, упирающаяся в галерею. Я поднялась в квартиру № 9, где некогда проживала Миллиоти. Дверь была распахнута в кухню, где на плите кипятилось чье-то белье, наполняя специфическим запахом кубометры пространства. Никого не было, на мои вопросительные возгласы никто не выходил, а идти дальше я не решилась. Постояла некоторое время на галерее. Во дворе с воробьиным оживлением вертелись дети, но взрослых никого не было. Потом, увидев в магазине рядом с домом очередь, я поняла, что все жильцы стоят в ней. Невысокое сентябрьское солнце стояло над квадратной чашей двора. Современный мир остался в стороне, а я видела двор, галерею, крыши, кухню с бельем глазами Александра Федоровича.

В письме от 10 августа 1946 года Гауш писал Деммени: «В последнее время, когда зашла речь о моем участии в театре, я, чтобы войти в колею, для практики сделал несколько эскизов кукол <...>. Сегодня, наконец, попал к директору кукольного театра (Панов Семен Ильич)»². Кукольного театра в Симферополе уже не было, поэтому на всякий случай я обратилась в драматический. В театре о Панове никто не знал. Отдел кадров архива не хранил, но мне дали адрес и телефон Регины Лазаревны Игнатьевой, бывшей актрисы ТЮЗа (его тоже уже не было), а теперь пенсионерки.

Договорившись с ней о встрече, я на оставшееся время нырнула в прохладный зал областной публичной библиотеки. Там, к моему удивлению, прямо на стенде лежал журнал «Литература и искусство Крыма» за 1939 год со статьей о Гауше, который мне категорически и многократно отказывались выдать из спецхрана в Публичной библиотеке Ленинграда. Статья была малоинтересной, а, пролистав журнал, я так и не поняла, почему его отправили в спецхран. К сожалению, Регина Лазаревна, на редкость красивая даже в немолодом возрасте, о Гауше ничего не помнила.

Архивные материалы симферопольского Союза художников за первые послевоенные годы были в идеальном порядке. Списки членов Союза, адреса, характеристики, творческие планы и отчеты о бурном кипении жизни и восстановлении освобожденного Крыма. О Гауше упоминается часто, но по объему информации мало. В его характеристике много общих слов об авторитете и «заслуженном уважении у товарищей». Есть конкретные оценки его работ: «Этюды хороши по композиции, рисунку и колориту. А. Ф. Гауш умеет находить новые колористические отношения и композиционные решения в пейзажах Крыма. Что касается большой работы А. Ф. Гауша «Колхозные огороды», то ей сильно вредит отход от простоты и реализма и большая степень условности. Желательно было бы сохранить ту непосредственность реалистического восприятия мира, которая характеризует этюды художника. Возможно, для этого лучше избрать небольшие размеры холстов, в которых он может больше проявить свое мастерство. Особое уважение вызывает неослабевающая, несмотря на преклонный возраст, творческая энергия художника и упорная работа над новыми темами»³. Характеристика датирована «21 июня 1946 г.».

В один из дней произошла моя встреча с Львом Григорьевичем Бекетовым, человеком, который знал и помнил Гауша. Жил Бекетов на улице Карла Маркса в собственном доме поразительных размеров и величавости. Поражал и роскошный сад. Большой, хорошо спланированный, он, вероятно, был посажен еще до войны. Дом и сад имели слегка запущенный вид. Хозяин был весьма похож на свои владения: не молод, но бодр и разговорчив. От него я услышала множество интересных деталей о жизни Гауша. Кем был сам Лев Григорьевич до войны, узнать не удалось, как-то сразу и невзначай он вводил разговор в сторону. Просто «работал по культуре», как он выразился, а вот во время войны оставлен был в Симферополе совершенно не случайно. При этих словах он смотрел на меня очень выразительно и слегка улыбался с величественным снисхождением. «Так вот, — рассказывал он о Гауше, — Александр Федорович вел себя при немецкой оккупации очень хорошо», тут он ничего предостудительного о нем сказать не мог, хотя наблюдал за ним очень внимательно. Мой собеседник рассказал, что Александр Федорович вместе с женой с разрешения немецких властей уезжал к родственникам за рубеж. Я была потрясена. К каким? Оказывается, родственники Гауша жили где-то в Австрии.

По словам Льва Григорьевича, Гауш вернулся в Симферополь в начале 1946 года один, без жены, похоронив ее на чужбине. Я думала, что это произошло в нашей стране, в эвакуации.

Любовь Николаевна была женщиной дивной красоты, которую неоднократно портретировали А. П. Соколов, В. А. Серов, И. Е. Репин и другие. Но Лев Григорьевич о красоте Любови Николаевны ничего не помнил («так себе», — сказал он). Зато всех, и его самого в том числе, шокировала ее манера носить авоську с продуктами с рынка, повесив ее на шею. Она была художницей-миниатюристкой и берегла руки.

В фондах Музея истории Санкт-Петербурга хранятся 11 тарелок с портретами жен-декабристок, выполненными Л. Н. Гауш. В музее Ленинградского фарфорового завода, на котором она работала в послевоенные годы, их — девять. Вероятно, подобные вещи имеются и в других музеях, так как в первые годы советской власти она много создавала произведений на эту тему. Судя по сохранившимся произведениям, художницей она была профессиональной и очень «добротной», но без блеска. В симферопольском музее имеется также портрет Александра Федоровича ее кисти.

У Бекетова хранились две работы А. Ф. Гауша: «Сады Чаир»⁴ и «Приусадебная земля»⁵, судя по всему, — эскиз к картине «Колхозные огороды». Последний Лев Григорьевич собирался передать в картинную галерею.

Не менее интересной для меня была и встреча с Леонией Дмитриевной Холкиной, бывшим секретарем Союза художников. Двухкомнатная квартира в современном доме, на окраине города, в которой Леония Дмитриевна жила с сестрой, была заполнена подсушивающимися орехами разных сортов. Сестры-вегетарианки готовились к зиме. Маленькие, опрятные, они напоминали белок. Впервые Холкина встретила Александра Федоровича после войны, когда еще была студенткой-заочницей в Москве, но уже работала в Союзе художников в Симферополе. Ее, молоденькую, Александр Федорович поразил необычайной светской лобезностью. В обращении с ней, ее ровесницами, да и вообще с женщинами, он как бы ухаживал за ними. Был предупредительно-внимателен без навязчивости, в его обращении был оттенок преклонения, без всякого намека на взаимность. Это было привычное для него уважение женщины, как существа возвышенного: отсвет высокой духовности, большой культуры. Он совершенно не умел раздражаться, всегда был мягок и уступчив.

При всей своей бедности, по словам Леонии Дмитриевны, Гауш бережно хранил «ниточки» прежней жизни: письма знакомых художников, их фотографии с автографами. Вынужденный скитаться по квартирам, он возил их с собой. Первое время по приезде в Крым он вместе с женой жил в Севастополе, с 1931 по 1934 год — в Одессе, до 1940 не имел постоянного места жительства, в 1941 — в Ялте, в

1943 году уехал в Австрию из Симферополя, куда вернулся в 1946 году.

По поводу пребывания в Австрии Леония Дмитриевна подтвердила: Гауш прожил там у родственников почти три года, рассказывал, что бедствовал, работал мало, но, как это ни удивительно, сумел выставить свои произведения в Париже в Салоне.

Холкина показала мне открытку с карандашным рисунком Гауша какого-то пейзажа с дубом. На обороте значилось место ее издания: Feldpost. Dobriach. J. Millstättersee. Показала она еще любительскую групповую фотографию, на которой среди молодежи стоял Гауш. Я видела его изображение также на групповой фотографии, помещенной в книжке Деммени «Страницы из жизни театра», изданной в 1949 году. На обеих фотографиях, хотя между снимками прошло более 20 лет, Гауш выглядит одинаково сухощавым, подтянутым, с короткими волосами, длинноносый, с привычной для него вежливо-приветливой полуулыбкой. Рассказала мне еще Леония Дмитриевна об удивительном повороте в отношениях Александра Федоровича с сыном Юрием. Юрий родился в 1901 году. Служил в Красной армии, из которой вернулся в Петроград в 1922 вместе с Деммени в бывший дом отца, где они и проживали в одной квартире до 1940 года. Работал в театре Деммени автором-сценаристом. Один экземпляр каждой своей пьесы он посылал отцу, который, в свою очередь, присылал Деммени эскизы декораций спектаклей, кукол.

В одном из писем 1934 года к Деммени Гауш упомянул о каких-то неприятностях у сына⁶. В 1940 году Юрий уехал из Ленинграда в Ярославль, а в 1943 — в Кострому. В 1940 году пьеса Ю. А. Гауша «Макс и Мориц», предполагавшаяся к постановке в театре, которым руководил Деммени, была запрещена Главреперткомом «в порядке последующего контроля»⁷. Как жил Юрий Гауш в Ярославле и Костроме — неизвестно, но в редких письмах к Деммени, последнее из которых датируется 1965 годом, он просил ликвидировать что-нибудь из имущества и прислать денег.

По словам Леонии Дмитриевны, Гауш порвал отношения с сыном решительно и бесповоротно из-за женитьбы Юрия на какой-то особе. Кто была эта особа — неизвестно. Во всяком случае, сын на похороны отца не приехал.

К слову, о детях Гауша. Кроме сына, в Ленинграде оставалась еще и дочь Вера, которую отец очень любил, по словам самого художника, она погибла от голода в блокаду вместе со своим ребенком⁸.

С благодарностью вспоминаю Холкину и ее рассказ. Однако самый «богатый» материал сообщил мне Владимир Иванович Пинчук, симфе-

ропольский художник, который еще подростком учился у Александра Федоровича. Встретиться с ним удалось под самый конец отпуска. Жил он в современном доме на окраине города, на улице с тяжеловесным названием «Крымской партконференции». Мы сидели в стандартной комнате, по которой с царственным видом расхаживала голубоглазая пушисто-белая кошка Сильва, в углу на подстилке доживала свой век дряхлая собака, осиротевшая после смерти своей хозяйки — соседки Пинчуков, а из кухни неслись опьяняющие ароматы заготавливаемой на зиму баклажанной икры. У Владимира Ивановича было два этюда Гауша: «Весна»⁹ и к картине «Приусадебные участки»¹⁰.

Воспоминания Пинчука об Александре Федоровиче были ярки и детальны, ведь он пришел к нему совсем мальчиком. На подростка произвел сильное впечатление этот человек, его аристократическая опрятность при вопиющей бедности. Пинчук, как и Холкина, был поражен скудностью имущества, с которым Гауш появился в Симферополе. Он помогал переносить вещи из дома свояченицы, Ольги Николаевны, в снятую художником маленькую комнатенку на улице Карла Маркса. Вещей было всего несколько книг, фотографии художников-современников (особенно запомнились Айвазовского и Серова) с автографами, пачки писем — все это помещалось в маленьком узелке. Кроме этого было около десятка холстов, подрамники и краски.

Гауш рассказывал мальчику, что до войны недолго жил в Севастополе, работал в клубе «Пролетарская кузница», преподавал в студии. Последняя работа, написанная там, — «Приусадебная земля»¹¹, отправлена была в Москву на Всесоюзную выставку. Где она находится теперь — неизвестно. В последние годы жизни в Симферополе Гауш писал огромное полотно с пейзажем Крыма для Крымского павильона на ВДНХ. Работа не была отправлена из-за начавшейся войны. Позже полотно находилось в Краеведческом музее, а где теперь — неизвестно.

Летом 1947 года вместе с несколькими художниками Александр Федорович был направлен в дом отдыха в Гурзуф. Был он очень слаб, поэтому сопровождал его на автобусе ученик Володя Пинчук. Ехали на старом, маленьком, медленном автобусе по очень извилистой дороге. Александра Федоровича все время укачивало, приходилось часто останавливаться, чтобы он мог прийти в себя. Он от этого очень смущался, чувствовал себя виноватым. Время в доме отдыха повлияло на старого человека благотворно. Он окреп настолько, что взялся за исполнение заказных работ. «Здесь я получил заказ на 2 картины для Симферопольской выставки к Октябрю. Одну из них буду писать в соавторстве с одним молодым и даровитым художником, т. к. один я бы к сроку не поспел, она большая 1,5 x 1 м на мотив Д[ома] от[дыха]. Дру-

гую поменьше — Генуэзская крепость в Судаке при закате солнца — напишу сам»¹². В письме называется фамилия художника, который должен был помогать Гаушу. Это Николай Иванович Ревин. По словам Владимира Ивановича, Ревин ничего не делал. Александр Федорович работал сам. После смерти Гауша «помощник» уехал в Горький, забрав с собой все работы мастера, находившиеся у него.

После дома отдыха Александр Федорович работал с большим подъемом. Короткое время снимал дом в Краснолесье, где написал этюды «Весна» (30 x 20 см) и «Вечерний Судак», который еще в 1950-е годы экспонировался в краеведческом музее Симферополя. Художнику уже оставалось жить чуть более 10 дней, а он с живостью писал Демени: «<...> после Д[ома] отдыха я все еще держусь, работаю»¹³.

У Гауша был не только большой опыт преподавательской работы, но и призвание к ней. Ему очень нравилась работа с начинающими художниками. Почти в каждом ученике он умел найти «большой дар». Ему льстило внимание учеников, которых у него в Симферополе было совсем немного и которые были очень молоды — фактически подростки. Уроки Гауш давал бесплатно. Молодежи платить было нечем, да и непринято это было тогда: Союз художников считал такого рода деятельность чуть ли не почетной обязанностью мастера.

Кроме этого, Александр Федорович работал над автобиографией. Владимир Иванович рассказывал, что Гауш очень гордился тем, что еще в предвоенные годы намечалось издание книги о его творчестве¹⁴. Сразу же по возвращении в Симферополь Гауш возобновил работу над подготовкой рукописи.

Рассказал Пинчук и о том, что в архиве Гауша было много писем И. Э. Грабаря, с которым он до войны имел переписку, но потом Грабарь перестал отвечать. После смерти Гауша архив художника был передан в фонды Симферопольского краеведческого музея. Доступа к материалам я не получила, т. к. многие личные архивы тогда были еще не разобраны.

Рассказал также Владимир Иванович такую интересную деталь. Оказывается, с хозяйкой дома № 52, по фамилии Адашева, где Александр Федорович снимал комнату, у него был роман. С некоторой долей смущения он признавался, что намерен связать с ней свою судьбу, так как страдает от одиночества.

Скорее всего, Владимир Иванович был последним, кто видел Гауша в живых. В тот сентябрьский день он был у него дома, рисовал, получал замечания Александра Федоровича. По окончании «урока» около пяти часов вечера они вместе вышли из дома, ученик, попрощавшись, резво умчался по своим делам, а Гауш пошел через дорогу и по-

пал под трамвай. О случившемся Пинчук узнал на другой день, придя на очередной урок.

Похоронили Александра Федоровича на старом кладбище, недалеко от могилы умершего незадолго перед ним художника О. О. Самокиша, очень скромно. Могилу мне отыскать не удалось.

По роду своих служебных обязанностей я должна проводить осмотр вещей, предлагаемых частными лицами для приобретения музеем. Так, однажды в 1986 году мне позвонил некий господин и предложил купить кабинет (род шкафчика с выдвижными ящиками или запирающимися полочками) и сундук итальянской работы XVI века, а также столовый гарнитур работы талашкинских мастеров. Владелец, правда, оговорился, что гарнитур и сундук будут проданы только после приобретения музеем кабинета.

Такого ошеломляющего предложения у меня не случалось за всю практику. Однако доверять его сведениям было опрометчиво. Довольно часто некоторые владельцы предлагают музею мебель, «подаренную» их далеким предкам чуть ли не самой Екатериной Великой. Раритетные шкафы или столы на проверку оказывались рядовыми вещами поточного производства, хотя и весьма добротными. Мой же собеседник настойчиво ссылаясь на атрибуцию одного из лучших специалистов по мебели Эрмитажа, которая вещи видела, но от приобретения отказалась ввиду отсутствия у музея денег. Это тоже настораживало, но все же очень хотелось увидеть подлинных «итальянцев» в частном владении.

Я не знала, какое неожиданное совпадение меня ожидает. Господин отказывался назвать место, где находятся вещи, говоря, что приведет туда меня сам, и только, когда я заявила, что на таких условиях никуда не пойду, он назвал адрес: Адмиралтейский канал, дом № 2. Вместе с тем он заявил, что обязательно будет сопровождать меня туда, а встретимся мы на площади Труда, на троллейбусной остановке. Для опознания он будет держать в руках газету «Правда». Я едва сдержалась, чтобы не спросить, в какой руке и за какое число. Намечалась какая-то странная детективная история.

Явившись на место встречи, я поняла, что узнала бы его сразу и без газеты. Было в нем нечто, что обращало на себя внимание. К себе он явно не располагал. У первого же телефона-автомата он остановился, говоря, что нужно предупредить, что мы идем, но попросил отойти подальше. У следующего автомата ситуация повторилась. По мере того, как мы останавливались у каждого встречного автомата и повторя-

лась просьба отойти, мое нерасположение все возрастало. Когда я уже закипела и дала себе слово уйти у следующего автомата, мы свернули с Красной улицы на канал и тут же вошли под арку во двор двухэтажного дома. Широкое пространство было непохоже на обычные дворы-колодцы. На первом этаже трое крупных ворот показывали местонахождение бывших конюшни и каретника, на втором — маленькая галерейка из стрельчатых арок с остатками цветных стекол. Хотелось осмотреться, но мы уже прошли по перекошенным ступенькам к дверям, и мой спутник позвонил. За дверью так долго стояла тишина, что я попросила позвонить еще раз, на что мой спутник твердо ответил: «Так нужно».

Через некоторое время раздались шаркающие звуки, дверь открылась, и я увидела зеленовато-серого оттенка лицо «существа» неопределенного пола и возраста. Не сказав ни слова, «существо» повернулось к нам спиной, а мой спутник решительно распахнул дверь и вошел. Я пошла следом почти в полной темноте. По мере того, как мы медленно продвигались по длинному коридору, глаза привыкли к мраку, и я увидела узкий, длинный коридор, похожий на глубокую щель, по сторонам которого были двери, все разного размера. Постепенно мы дошли до конца коридора и остановились у двери, которая от других отличалась наличием двух створок и резьбой на высоких филенках.

Мой спутник опять позвонил, и я, уже присмирив, стала терпеливо ждать. Глаза, привыкшие к темноте, различали в щели между потолком и перегородками куски потолка с лепниной. Когда-то здесь был танцевальный зал или гостиная.

Когда же наконец распахнулась дверь, на меня буквально свалился поток света из широкого окна на площадке между двумя маршами лестницы. Лестница была совершенно ошеломляющая: пропорциональная, с широкими ступенями и дивными резными «готическими» перилами. Я поднималась, стараясь идти медленно. Захватывало дух. На стенах лестницы висели большие майоликовые цветные блюда с человеческими бюстами такого высокого рельефа, что казались объемными. Явное подражание Ренессансу, скорее всего, были привезены в прошлом веке из Италии. На верхней площадке у стены стояли четыре стула с трапезиевидными сидениями, узкими спинками и досками вместо передних ножек, сплошь покрытыми кудрявой резьбой.

Через широкую дверь мы вошли в помещение, площадью не менее 60 кв. м, высотой в пять-шесть метров и со световым, правда, уже покрытым многолетними слоями грязи потолком. Через широкое окно в торце была видна крыша того корпуса, через «танцевальный» зал которого мы прошли. В переднем углу, на подиуме, торжественно возвы-

шался на могучих львиных лапах удивительных размеров кассон, вероятно, красного дерева, инкрустированный слоновой костью и перламутром. Своими формами он напоминал саркофаг и был похож на произведение эпохи Ренессанса, как разбогатевший буржуа на породистого аристократа. В центре этого огромного зала стоял великолепный, выполненный в русском стиле обеденный стол без скатерти — он того заслуживал. Зал по периметру обрамляли ряды стульев. Больше ничего не было, поэтому он так поражал своим мощным пространством.

К этому залу через большой портал примыкала комната, в которую надо было подняться по трем ступенькам. Она была такой же широкой, но гораздо менее глубокой. Свет сюда проникал с одной стороны через небольших размеров окно, выходившее на крышу в сторону Невы, и с другой — через ту самую галерейку с цветными стеклами, которую я увидела со двора. В этой комнате у широкой стены против портала стоял буфет из столового гарнитура. Он был столь же великолепен, как и стол. Но более всего здесь поражало занимавшее весь объем комнаты огромное, поставленное на большой мольберт из красного дерева полотно — копия одной из картин Снайдерса с изображением пиршества.

Полубовавшись буфетом, я в сопровождении все того же господина спустилась по трем ступенькам в боковую галерейку, в торце которой стоял итальянский кабинет, ради которого меня сюда пригласили. Однако время его уже превратило в руину: утрачен был нижний корпус, а верхний был в таком ветхом состоянии, что к нему было опасно прикасаться. Слушая своего спутника о том, каким шедевром мебельного искусства охарактеризовала кабинет сотрудница Эрмитажа, я поняла, почему в такую очередность ставилась продажа вещей этого дома, — никто этот кабинет не покупает и никогда не купит.

Я обратила внимание, что в комнатах, которые мы проходили, не было признаков кухни и прочих «удобств». Значит, были еще какие-то помещения, недоступные моему вниманию. Может быть, кухня и туалет находились в той, первой, с дверью на лестницу, квартире. Однако самым удивительным было поведение хозяйки, стоявшей в значительном отдалении и в разговоры не вступавшей.

Вернувшись в большой зал, мы продолжали разговор с моим провожатым. Он настаивал на первоочередной покупке кабинета, а я, понимая его желание продать то, что не покупается, предлагала принять в музей на комиссию все три объекта: ведь он ничего не потеряет. Разговаривать о ценах и сроках оплаты будет легче в музее, последнее же слово все равно останется за ним. «А кто владелец вещей, Вы?» — спросила я. «Нет, — ответил он, — я только поверенный». «На чье же имя

будут оформлены документы в музее?» На его имя — был ответ. И тут я увидела в щель между притолокой и дверью в портале странный глаз женщины, вероятно, давно подсматривавшей за нами. Я предупредила его, что все дела должны быть оформлены юридически безупречно, т. е. по доверенности. На что он, не смутившись, ответил: «А какое это имеет значение. Ведь Вы же не знаете, у кого Вы находитесь и чьи это вещи».

Но тут, к моему удивлению, кто-то моим и весьма уверенным голосом произнес: «Нет, я знаю. Мы находимся в мастерской Александра Федоровича Гауша». Ну конечно же! Как я сразу не сообразила: дом находится на углу набережной Невы и Адмиралтейского канала, боковой корпус, который в середине 1890-х годов пристраивали по заказу матери художника Матильды Павловны Гауш, вероятно, для творческих занятий сына, уже тогда твердо вставшего на путь искусства. Световой потолок, необходимый для мастерской, ее простор и эта лестница — все, что я увидела, создавало именно ту атмосферу, о которой вспоминали бывавшие у Гауша художники и ученики, называвшие дом «очарованным замком».

Я удивилась своему открытию не меньше моего спутника. Он на мгновение опешил, потом сказал с выражением: «Да, Вы много знаете!» Если бы его облик был более внушительен, то это могло бы прозвучать и зловеще...

Однако ситуация была совершенно обыденной, и он начал скучную, но достаточно решительную торговлю со мной. Я не отказывала, ссылаясь на начальство, комиссии, закупки и т. д. Мне хотелось иметь время, чтобы найти хоть какой-нибудь выход. Ведь нельзя же упускать вещи, подлинные вещи Гауша, о которых он вспоминал в своих письмах к Деммени.

В конце концов, когда «поверенный» понял, что покупка кабинета не состоится, наши переговоры прекратились. Мои попытки связаться с владельцем вещей успеха не имели. На звонки в квартиру к двери вообще никто не подходил. Наверно, не случайно мой спутник звонил из каждого автомата по мере приближения к бывшему дому Гауша.

Некоторое время спустя я пыталась узнать хоть что-нибудь о владельце и господине, который был моим провожатым в доме Гауша. Сотрудник Городского ОБХСС, где я проводила в те годы обычную экспертизу конфискованных вещей, дал мне понять, что это дело им неинтересно. Тот господин — обыкновенный мелкий делец, а в квартире проживает какая-то дальняя родственница художника. Какая — осталось неясно. Я знала, что дочь Гауша умерла в блокаду, сын, женившийся в Костроме после войны, проживал там по крайней мере до 1965 года. На мой запрос по адресу его последнего местожительства

ответа не последовало. Может, эта странная, немолодая женщина в квартире была той женой Юрия, из-за которой отец порвал отношения с сыном. Кто знает? Но в этом же доме в квартире № 5-б до самой смерти в 1969 году жил Деммени, близкий друг, как отца, так и сына.

Так неожиданно закончился мой поиск материалов о Гауше — необычная история в обычной музейной работе. Однако жизнь и творчество этого замечательного человека, стоявшего у истоков Музея Старого Петербурга, требует специальной публикации.

¹ Евгений Сергеевич Деммени (1901–1969), основатель первого советского кукольного театра, друг и постоянный корреспондент Гауша.

² ЦГАЛИ. Ф. 3826. Оп. 1. Письма А. Ф. Гауша. Л. 20, 23.

³ Крымский областной архив. Д. Р4165. Связка 1. 1947. № 30. Л. 12.

⁴ Х., м., 69 х 44, 5, без подписи.

⁵ Картон, х., м., 25 х 35.

⁶ ЦГАЛИ. Там же. Л. 12.

⁷ Там же. Воспоминания о А. Ф. Гауше. Л. 29.

⁸ Там же. Письма А. Ф. Гауша. Л. 16–17.

⁹ Картон, м. 1947.

¹⁰ Картон, м.

¹¹ 125 х 90.

¹² ЦГАЛИ. Там же. Л. 6.

¹³ Там же. Л. 7.

¹⁴ Гауш считал, что все материалы, собранные для книги, погибли во время войны.

Г. А. Попова

Л. А. Ильин — первый директор Музея Города

Имя Льва Александровича Ильина (1880–1942), главного архитектора Ленинграда в 1925–1938 годах, возглавившего разработку проектов Генеральных планов развития города в предвоенный период, хорошо известно. Зодчий внес значительный вклад в сохранение и развитие традиций петербургской архитектуры. Среди его основных построек — комплекс Больницы Петра Великого (ныне им. И. И. Мечникова), Пантелеймоновский, Садовый, Зеленый мосты, планировка сквера на Стрелке Васильевского и оформление Стрелки Елагина островов. Однако до сих пор малоизучена одна из самых интересных страниц биографии Ильина, связанная с созданием и деятельностью Музея Города¹.

Весной 1918 года один из видных петербургских историков архитектуры и краеведов В. Я. Курбатов обратился к Ильину с предложением войти в комиссию по обследованию состояния и определению дальнейшего использования дворцов и особняков города, оставленных прежними владельцами без охраны и отопления. Среди первых был осмотрен Аничков дворец, поскольку Комиссариат продовольствия, размещавшийся в нем, переехал в Москву и одновременно были ликвидированы Управление и Контора дворца².

Во дворце решили разместить Музей Города — недавно образованное учреждение, предназначенное изучать город как феномен культуры и цивилизаций. Один из первых протоколов заседаний Учредительной комиссии музея датируется 26 апреля 1918 года³, однако уже с 1 апреля по 15 мая на территории Аничковой усадьбы было перевезено на 27 грузовиках имущество бывшего Городского музея⁴ с Кронверкского проспекта, 49⁵.

Учредительная комиссия, в состав которой входили В. Р. Менжинская (председатель), В. Я. Курбатов, Л. И. Жевержеев, З. Г. Френкель

Л. А. Ильин

и другие, избрала Ильина помощником председателя. Фактически именно он возглавил всю организационную работу комиссии. Заседания проходили регулярно, не реже одного раза в десять дней⁶, а по необходимости и чаще. В июне был заслушан доклад Ильина о примерном распределении помещений дворца, а в июле — о штатном расписании музея⁷. В августе комиссия рассмотрела проект сметы нового учреждения и вынесла решение просить о предоставлении аванса в 100 тысяч рублей. Однако юридически музей еще не существовал, и члены комиссии ограничились разработкой музейного Устава и переименованием комиссии в «рабочую». Подготовку необходимого декрета поручили Курбатову и Ильину⁸. После обсуждения нескольких вариантов окончательный его текст был передан в начале сентября в Наркомат просвещения. Вскоре декрет о создании Музея Города был утвержден и вступил в силу со дня опубликования в газете «Северная коммуна» 4 октября 1918 года⁹.

Как писал впоследствии Н. П. Анциферов, Музею Города «было суждено стать у нас первым музеем, посвященным не какому-либо отдельному городу, а музеем, долженствующим дать представление о «городе вообще». Его нужно оценить как один из наиболее значительных очагов нашего урбанизма. Нужно помнить, что Музей Города создан в интересах изучения любого города»¹⁰.

19 декабря 1918 года рабочая комиссия единогласно избрала директором музея Ильина¹¹. С первых же шагов директору пришлось преодолевать массу непредвиденных административных трудностей. Например, 1919 год начался с того, что в Москве оказалась утерянной финансовая документация музея. Только обращение к А. В. Луначарскому спасло создавшееся положение. Нарком просвещения распорядился выдать аванс в 950 тысяч рублей¹².

В январе 1919 года открылась первая выставка «Виды Петербурга и его окрестностей»¹³, а на заседании Коллегии по делам ученых уч-

реждений Наркомпроса Музей Города был принят в ее состав по отделу научных музеев¹⁴.

Зима 1918–1919 годов была невероятно трудной. Аничков дворец и здания усадьбы не отапливались. Многие сотрудники Музея Города обращались к директору с просьбой о предоставлении им отпуска для выезда в деревню (в то время для выезда из Петрограда требовались специальные пропуска)¹⁵. Чтобы добиться разрешения на получение ненормированных продуктов и заготовку их для служащих и членов их семей, в Москву был командирован сотрудник В. К. Мурашев. Содействие ему оказывал Комитет служащих музея¹⁶. Забота о членах коллектива проявлялась по-разному: так, был подготовлен список работников, «являющихся незаменимыми, о коих возбуждается ходатайство об освобождении от мобилизации для заготовки дров», и «остро нуждающихся в ткани, обуви и предметах обмундирования», где указаны среди прочих И. А. Фомин, М. И. Рославлев, Л. М. Тверской, В. Г. Гельфрейх¹⁷. Примечательно, что деловая переписка велась на оборотной стороне роскошных бланков бывшего Министерства продовольствия, размещавшегося во дворце после Февральской революции.

Предметом особого внимания Ильина и его заместителя Курбатова являлся созданный при их участии в 1907 году Музей Старого Петербурга¹⁸, который оказался под угрозой ликвидации. Ильин обратился в Коллегию по делам ученых учреждений с предложением присоединить его к Музею Города. Согласие было получено, и Музей Старого Петербурга в ноябре-декабре 1918 года разместил свои коллекции рядом с Аничковым дворцом в бывшем доме Серебряниковых на набережной Фонтанки, 35. Он приобрел статус отдела Музея Города, но сохранил определенную самостоятельность¹⁹.

С первых дней существования Музея Города Ильин привлекал к участию в его деятельности видных представителей культуры и искусства: В. Э. Мейерхольда, который значился среди экспертов музея; М. Горького, читавшего лекции о Л. Н. Толстом; А. Ф. Кони, выступавшего с воспоминаниями. На публичных лекциях бывал А. А. Блок.

В 1920 году Музей Города перешел в ведение Петроградского отдела коммунального хозяйства, что несколько улучшило его финансирование. Деятельность музея и его высококвалифицированные кадры могли принести существенную пользу Петрограду при решении проблем строительства и благоустройства, санитарии и гигиены, введения технических новшеств. Неслучайным поэтому было создание при музее в 1923 году Бюро планировки, ведавшего разработкой планов развития города на Неве.

Многогранная деятельность Ильина связана с кропотливой работой по организации должного учета музейных коллекций. Он, в частности, постоянно заботился о введении для этой цели специальных книг. Первые описи были посвящены Историческим комнатам Аничкова дворца, как называли превращенные в экспозицию парадные и жилые помещения второго и третьего этажей здания.

Одним из направлений работы музея стало сохранение исторических памятников и уникальных надгробий на городских кладбищах. В 1925 и 1927 годах Ильин ставил вопрос об организации охранной команды в некрополях, а когда в ночь с 29 на 30 июня 1927 года на Охтинском Георгиевском кладбище был разрушен мраморный памятник 1820 года и сброшены 28 каменных крестов²⁰, он предложил передать некоторые ценные надгробные бюсты с Волкова и Никольского кладбищ в Музей Города²¹.

Вслед за выходом постановления о национализации монастырских и церковных земель и имущества в Петрограде начали закрываться дворцовые и домовые церкви. Ценные предметы из их утвари и декоративного убранства подлежали конфискации. В течение двух лет Ильин и Курбатов боролись за сохранение убранства церкви Аничкова дворца, ее звонницы и колоколов. Они добились изъятия всего комплекса из списков Государственного фонда и включили его в музейный инвентарь²².

Большую роль Музей Города играл в решении проблем городского хозяйства. Мнение музейных сотрудников оказалось решающим в вопросе об окраске зданий Публичной библиотеки и Главного штаба. Когда же стало известно, что скульптурные обрамления окон и капители колонн Зимнего дворца намечено окрасить в черный цвет, Курбатов направил по просьбе Ильина категорический протест в различные инстанции²³. Еще в начале 1920-х годов Архитектурный отдел музея, которым непосредственно руководил Ильин, подготовил перечень зданий и сооружений, всякая реконструкция которых запрещалась без согласования с музеем. Также только по согласованию с музеем разрешалась и установка различного торгового оборудования на улицах, в садах и парках²⁴.

Ильин придерживался твердой позиции в вопросе сохранения художественного убранства Петрограда. На одном из заседаний специальной комиссии, созданной в 1924 году для решения вопроса об увековечении памяти В. И. Ленина, было предложено заменить фигуру ангела на Александровской колонне бюстом вождя или «светящимся шпилем». По мнению Президиума Губисполкома, это мероприятие должно было отвечать «духу переживаемой эпохи». Заручив-

шись поддержкой Совета музея, Ильин передал комиссии документ, в котором, в частности, говорилось: «Как нельзя в "Оде" Пушкина заменить заключительные стихи другими, чуждыми по духу, так нельзя заменить другим символом верхушку Александровской колонны». В своем выступлении на заседании комиссии он подчеркнул: «Историки и работники искусства особенно болезненно чувствуют такого рода ошибки, когда война ведется с материальными ценностями. Англичанин Эльджин, снявший фронтоны с Парфенона в Афинах, вряд ли стяжал себе славу защитника искусства, хотя и поместил фронтоны в музей. Не стоит повторять такие ошибки в нашей стране. Напомним, что во время бомбардировки Киева поляками нарком Чичерин обратился с нотой протеста против обстрела храма Владимира. Такое отношение и нас обязывает к бережному отношению к художественным ценностям». Завершилось заседание после красноречивого высказывания Ильина: «Если наверху будет Ленин, то надо снимать барельефы на постаменте, не соответствующие духу Ленина»²⁵.

Несмотря на финансовые и материальные трудности, музей унаследовал и развивал международные связи, участвовал в архитектурных выставках Дрездена, Парижа, Утрехта. В 1925 году Ильин выступил с докладом на научной конференции в Кельне²⁶. Итогом командировки за границу была публикация ряда статей о жилищном строительстве и парковой архитектуре Германии в журнале «Вопросы коммунального хозяйства»²⁷. Кроме этого, Ильин передал в музей свыше 40 книг и журналов, новейшие планы Кельна и Берлина.

Деятельность Музея Города проходила в условиях постоянных кадровых чисток, особенно усилившихся в середине 1920-х годов. Как вспоминала впоследствии М. Д. Врангель, работавшая в музее в 1918–1920-м годах, «учреждение это по духу было особое. Ни начальство, ни служащие политикой не занимались, страшно любили свое дело и работали не за страх, а за совесть»²⁸. Вряд ли такой аполитизм музейных деятелей устраивал тогдашние городские власти, да и Ильин, как директор, доставлял слишком много хлопот. Он настаивал на усилении охраны Аничковой усадьбы, на дополнительном финансировании музея, старался выводить из-под ареста своих сотрудников, особое возмущение начальства он вызвал, когда категорически потребовал вернуть музею гарнитур ампириной мебели, взятый в пользование Отделом коммунального хозяйства²⁹.

Осенью и зимой 1927 года состоялся ряд совещаний в Отделе коммунального хозяйства о дальнейшей судьбе Исторических комнат Аничкова дворца. Несмотря на выступления в защиту их сохранения директора Эрмитажа С. Н. Тройницкого, известного ученого и исто-

рика архитектуры К. К. Романова, начальника Главнауки Ф. Н. Петрова, историка искусства Д. А. Шмидта, других видных деятелей науки и культуры, Исторические комнаты были закрыты. В архивных документах указаны более 20 адресов, куда предполагалось передать предметы из Аничкова дворца. Однако это не служит свидетельством действительной передачи. Судя по документу о распределении особо ценных сервизов и настольных украшений из хрусталя Аничкова дворца, входивших в фонды Музея Города, предполагалось передать их в Эрмитаж, Русский музей, Гатчину, некоторые московские музеи. Затем решение, вероятно, было отменено, и на описи, составленной еще в 1923 году, сделана пометка, датированная 14 июля 1928 года: «На 1386 номеров 10044 предмета, на сумму 83 311 руб. 55 коп.»³⁰, то есть вещи, включая столовое белье с царскими монограммами, были выставлены на экспортную продажу³¹. В делопроизводстве попадаются акты только с указанием количества предметов без каких-либо пояснений³², распоряжения Отдела коммунального хозяйства о закреплении за ним мебели из бывшего дворцового управления³³, документы об устройстве интерьеров для падишаха Афганистана на период его пребывания в Ленинграде³⁴.

В феврале 1928 года из фондов Музея Города были изъяты переписка Александра III, письма и документы Николая II, личные фотографии из гардеробной императрицы Марии Федоровны³⁵. Все конфискованное подверглось тщательной проверке специальной комиссией, в состав которой входили работники ГПУ³⁶. «Соккрытие архива Романовых» послужило последним аргументом для привлечения Ильина к ответственности с передачей дела в прокуратуру³⁷.

В мае того же года, вслед за очередной кадровой чисткой, работу музея проверила комиссия Рабоче-крестьянской инспекции Ленсовета, и в июне в газетах появились заголовки статей: «Бывшие царские придворные нашли себе убежище в Музее Города», «РКИ сняла с работы 28 человек»³⁸. Через некоторое время была направлена еще одна комиссия, члены которой через девять дней работы вынесли решение: «Музей Города как таковой ликвидировать»³⁹. Обмениваясь впечатлениями, члены комиссии, по их словам, «сразу почувствовали, что здесь повторяются ненормальности, которые можно классифицировать наподобие шахтинских дел (хотя это и не производственная единица) под флагом нашего советского научного учреждения как Музей Города, где 95% дворяне. В общем учреждение, которому надо было быть в центре Варшавы, а не в городе Пролетарской Революции»⁴⁰. Комиссия пришла к выводу, что целью сотрудников музея было «сохранение всей усадьбы со всеми зданиями и царским имуществом от "большевистского разрушения", рассчитывая

на приход старых хозяев всех этих богатств»⁴¹, а в справке по музейным кадрам написано: «Директор — далеко не советский человек, реакционер-монархист. По данным <...> у Ильина квартира завалена дворцовыми вещами. У него связи с заграницей, всю переписку непосредственно пропускает через себя, приезжают к нему неизвестно какие люди, устраивают встречи. Все эти факты не в его пользу и не за что ему доверие, которое он имеет от наших руководящих органов»⁴².

Пытаясь защитить своих сотрудников, Ильин в служебной записке на имя заведующего Отделом коммунального хозяйства писал: «Я не имею исключительного права приема и увольнения служащих, кроме низших, а лишь через утверждение Совета (ранее Рабочей коллегии). Весь состав низших и административных служащих Аничкова дворца перешел в Музей Города из комитета имуществ НКП, прошел как и весь состав музея через две комиссии по чистке, которым все точно известно о прошлом этих лиц, однако эти комиссии не нашли нужным увольнять их. Меня же как ответственного за работу музея сотрудники интересовали прежде всего со стороны их работы и полезности для музея»⁴³.

Трудно сейчас говорить о том, было ли известно членам комиссии, что после пожара, происшедшего в доме Ильина, построенном им по собственному проекту на Аптекарском острове в 1911–1913 годах, директор Музея Города был вынужден перевезти часть личных коллекций сначала в Аничков дворец, а затем в квартиру в доме по набережной Фонтанки, 50, где он поселился с женой П. В. Ковальской и своей матерью. В качестве оправдания против выдвинутых в его адрес обвинений Ильин приложил к служебной записке «Еженедельник Общества архитекторов-художников» с фотографиями его особняка, включавшими виды интерьеров⁴⁴. Кроме того, еще в 1924 году он получил охранное свидетельство на свою коллекцию, которое перерегистрировал в соответствии с действовавшими правилами, и разрешение на продажу некоторых предметов коллекции в связи с необходимостью, как писал Ильин, обращаясь в Музейный фонд, «иметь средства на жизнь»⁴⁵. Курбатов, Френкель и другие коллеги Ильина потребовали опровержения в печати сообщений о причастности директора к разбазариванию музейных ценностей, но тщетно.

Приказом Отдела коммунального хозяйства № 69 от 6 июля 1928 года 21 сотрудник музея — лучшие в профессиональном отношении — был уволен. 14 июля уволили и Ильина, а уже 17-го числа того же месяца новый директор музея Г. А. Голландский распорядился выдать из фондов предметы мебели, ковры и фарфоровые сервизы с монограммой «А. А.»⁴⁶ на обустройство своего рабочего кабинета⁴⁷.

Десять лет спустя Ильин вспоминал: «Работа по созданию Музея: собирание, систематизация, показ самых разнообразных материалов по истории городов, видоизменению их планов в разные исторические периоды — все это сильно расширило мои историко-теоретические познания и позволило мне через несколько лет практически взяться за дело градостроительства»⁴⁸.

¹ О Музее Города см.: Попова Г. Музей Города // Музей и город. Российский журнал искусств. Тематический выпуск (№ 2). СПб., 1993. С. 16–22.

² РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 419. Л. 1.

³ ГМИСПб. Научный архив. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁴ Городской музей был открыт в 1908 г. и находился в ведении Городской управы (Садовая ул., 55). В 1913 г. музей был размещен на Кронверкском пр., 49. В основном в нем хранились материалы городского хозяйства и экспонаты, посылавшиеся на международные и всероссийские выставки.

⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 27. Л. 3.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 1302. Л. 1.

⁷ ГМИСПб. Научный архив. Там же.

⁸ Там же. Д. 2. Л. 2.

⁹ См. также: Летопись Музея Города. Кн. I. Пг., 1919.

¹⁰ Анциферов Н. П. Как изучать свой город. М.–Л., 1929. С. 28.

¹¹ ГМИСПб. Научный архив. Там же. Л. 62.

¹² ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 77. Л. 50.

¹³ Виды Петербурга и его окрестностей. Путеводитель. Пг., 1919.

¹⁴ ЦГА СПб., Там же. Л. 48.

¹⁵ ЦГАЛИ СПб. Там же. Оп. 2. Д. 17. Л. 118.

¹⁶ Там же. Д. 29. Л. 169.

¹⁷ Там же. Д. 26. Л. 3.

¹⁸ О Музее Старого Петербурга см.: Марголис А. Д. Музей Старого Петербурга // Архитектура Петербурга. Материалы исследований. СПб., 1992. Ч. 2. С. 140–146. Павелкина А. Музей Старого Петербурга // Музей и город. Всероссийский журнал искусств. Тематический выпуск (№ 2). СПб., С. 10–15.

¹⁹ ГМИСПб. Научный архив. Там же. Л. 48.

²⁰ ЦГАЛИ СПб. Там же. Оп. 1. Д. 190. Л. 23.

²¹ Там же. Д. 208. Л. 8.

²² Там же. Д. 193. Л. 28.

²³ Там же. Д. 190. Л. 47.

²⁴ Там же. Д. 149. Л. 22.

²⁵ Там же.

²⁶ ЦГА СПб. Ф. 3178. Оп. 1. Д. 854. Л. 84.

²⁷ Ильин Л. А. Впечатления от поездки по городам Германии // Вопросы коммунального хозяйства. 1925. № 10; его же. Зеленые насаждения в Германии // Там же. 1926. № 1.

²⁸ Врангель М. Д. Мои воспоминания // Слово. 1991. № 1. С. 66.

²⁹ ЦГАЛИ СПб. Там же. Д. 193. Л. 39.

- ³⁰ ЦГАЛИ. Там же. Д. 140. Л. 1–344.
³¹ Там же.
³² ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 7. Д. 81. Л. 7.
³³ ЦГАЛИ СПб. Там же. Д. 138. Л. 3.
³⁴ ЦГА СПб. Там же. Д. 11. Л. 188.
³⁵ Архив ГЭ. Ф. IV. Оп. 1. Д. 298. Л. 1. Летом 1928 г. книжные собрания, принадлежавшие Марии Федоровне и Николаю II, из Аничкова дворца были переданы в Москву во Всесоюзную государственную библиотеку им. В. И. Ленина (ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 7. Д. 122. Л. 7.).
³⁶ ЦГАЛИ СПб. Там же. Д. 43. Л. 99.
³⁷ Государственный архив Российской Федерации. М., 1995. Ч. I. С. 3.
³⁸ См., например: Красная газета. 1928, 22 июня.
³⁹ ЦГА СПб. Ф. 3199. Оп. 2. Д. 201. Л. 12.
⁴⁰ Там же. Д. 200. Л. 13.
⁴¹ Там же.
⁴² Там же.
⁴³ Там же. Д. 201. Л. 56.
⁴⁴ Еженедельник Общества архитекторов-художников. 1915. № 32. С. 14.
⁴⁵ Архив ГЭ. Там же. Д. 1554. Л. 5; Ф. 1555. Л. 12.
⁴⁶ «А. А.» — Александр Александрович — император Александр III.
⁴⁷ ЦГАЛИ СПб. Там же. Д. 213. Л. 16.
⁴⁸ Ильин Л. А. Мой творческий путь // Архитектура Ленинграда. 1938. № 2. С. 61.

Л. П. Баклан

Блокадный «Дневник города»

«Се повести временных лет...» — такой эпиграф избрал для своего блокадного дневника Алексей Алексеевич Черновский (1881–1942)¹, историк, старший научный сотрудник Музея истории и развития Ленинграда².

«Я веду, как музейную работу, ежедневный дневник с 22 июня³. Записи делаются все подробнее, детальнее. Уцелею ли я — не знаю, но дневник этот — документ для истории города ценный <...>. Если я доживу, я хотел бы после участвовать в дешифровке, в написании примечаний», — писал он в феврале 1942 года М. А. Легздину⁴.

В июле — августе 1941 года музей был в две очереди эвакуирован в Сарапул, и 14 сентября в дневнике Черновского появилась запись: «<...> 13 получена телеграмма из Сарапула о прибытии туда вещей Музея Города»⁵. В осажденном городе продолжали работать немногочисленные сотрудники музея, которые вошли в состав созданного в августе 1941 года Объединенного хозяйства музеев Управления культурно-просветительными предприятиями Ленинграда. Они следили за состоянием архитектурных памятников, собирали материалы о жизни города этого времени, обеспечивали сохранность оставшихся в Ленинграде музейных ценностей (в том числе из пригородных дворцов), читали лекции в домохозяйствах. Черновский подробно описывал их работу. Особенно много места в дневнике занимают записи о разрушении зданий — памятников истории и культуры. Приведем некоторые из этих заметок:

19. 09. 1941: «Воздушная тревога, поврежден Мариинский театр со стороны ул. Декабристов <...>»;

01. 10. 1941: «<...> зажигательные бомбы на южном портике Исакия, Астории, Мариинском дворце»;

30. 10. 1941: «Осмотр вчерашних повреждений: 1) на проезде Конногвардейского бульвара, место попадания снаряда в троллейбус, по-

вреждение стены Манежа, провода. 2) Исаакий, северный портик, гранитные плиты, бронзовая фигура, окна <...>. Вчера вечером вновь зажигательная бомба на Домике Петра. Бомба 13 окт. (1) пробила крышу и погашена песком на каменном полу, а бомба 29 октября (2) пробила крышу и застряла в потолке футляра, где погашена снегом и водой из шланга. Оба раза гасил бомбы сторож пож[арно]-сторож[свой] охраны Рыбаков Арсен[ий] Аверьян[ович] 70 лет »;

10. 11. 1941: «Осмотр разрушения 9/XI так называемого «Дома Пиковой Дамы» на ул. Гоголя, № 10, угол Гороховой. Сплошной провал трех этажей, шириной в 3 окна по фасаду, с просветом во двор. Груда мусора на месте I-го этажа, разбираемая военными»;

09. 01. 1942: «Сегодня снаряд попал в северный спуск Биржи (к Биржевому мосту)».

Ежедневно, за исключением дней болезни и времени пребывания в стационаре, Черновский отправлялся через мост Лейтенанта Шмидта с 3-ей линии Васильевского острова, где он жил, в бывший Румянцевский особняк или в Исаакиевский собор на работу. Путь этот становился все сложнее из-за прекращения трамвайного движения, частых артобстрелов, снежных заносов и льда, покрывавших набережные и мост.

Все меньше оставалось в живых музейных сотрудников. В дневнике скрупулезно отмечены даты и обстоятельства их смерти.

17. 11. 1941: «Узнали о гибели столяра Музея Города Самарина Ге[оргия] Никитича. Убит снарядом в 5 часов дня на пл[ощади] Труда, около часов, у остановки трамвая № 24. Свезли на Смоленское кладбище, где и нашла его жена»;

29. 12. 1941: «Днем пришла какая-то женщина из квартиры Н. И. Фомина и сообщила, что вчера вечером умер от крупозного воспаления легких Ник[олай] Ив[анович] Фомин. Умер очень чуткий, сдержанный человек, хороший товарищ в работе, прекрасно знавший и работавший по истории петербургской архитектуры. Последней его работой была новая и оригинальная тема — эклектизм в петербургской архитектуре второй половины XIX века»;

22. 01. 1942: «Тоня была в Музее: печальные вести. Умерли трое: Бриллиантов, сторож пожарной охраны рабочий Лаптев Алексей Ив[анович], лет 65–70, и дворник Крюков Ник[олай] Петр[ович], ок[оло] 45 лет. Борис Львович Бриллиантов ослаб и слег в музее 13/I, 17-го перевезен на салазках домой (ул. Халтурина 25, [кв.] 36), жалобно просил «поесть бы». Подоспела выдача крупы, 19-го поел суп и кашу, 20-го тоже ел, но уже нехотя, и тихо скончался один в квартире в 3 ч. дня 20/I »;

06. 02. 1942: «Моянский сообщил: сотрудник сектора истории Музея Города Голубь Пав[ел] Наум[ович] умер в январе. Сообщают: в

январе умерли: Шилов Алексей Алексеевич, историк рев[олюционного] движ[ения], Прессман Анатол[ий] Петрович, историк СПб.»

В первых числах февраля 1942 года в музее был, наконец, открыт долгожданный стационар для особенно ослабленных сотрудников, среди которых оказался сам Черновский, заведующий отделом музея С. В. Трончинский, директор Павловского дворца-музея А. И. Зеленова, старший научный сотрудник того же музея Н. В. Вейс, директор Гатчинского дворца-музея С. Н. Балаева и другие. В дневнике подробно, без утайки известных автору злоупотреблений описывается жизнь стационара.

Черновский пытался помочь своим коллегам, уволенным из музея в июле 1941 года в связи с сокращением штатов. Об этом свидетельствует, в частности, запись от 3 марта 1942 года: «<...> Е[вгения] А[лексеевна] Полякова, как мне передали (сам я не виделся с ней с осени) просила У[правление] К[ультурно] П[росветительными] П[редприятиями] “помочь ей стационаром”. Узнав об этом, я от имени М[естного] К[омитета] и секции н[аучных] р[аботников] обратился через Лединкину с письмом в УКПП, где поддерживаю просьбу П[оляко]вой (нынешние временные начальники не знают ее): 1) работала у нас с 1918, со дня основания М[узея] Г[орода] 2) единственный специалист по своей тематике 3) устроитель всех выставок по истории и планировке зеленых насаждений в М[узее] Г[орода], в Смольном и Дв[орце] Урицкого, в Ц[ентральном] П[арке] К[ультуры] [и] О[тдыха], Петергофе, Пушкине 4) при массовом сокращении в М[узее] Г[орода] в VII/1941 дирекция, в числе 3 н[аучных] с[отрудников], оставила на работе и П[оляко]ву, но когда УКПП вместо 3 дало М[узею] Г[орода] только 2 единицы, пришлось сократить и П[оляко]ву до лучших времен 5) П[оляко]ва все время дома ведет н[аучную] р[аботу] для будущей экспозиции М[узея] Г[орода]».

Просьба Черновского не была поддержана директором, и в дневнике последовало продолжение: «Так без поддержки и гибнут основные музейные н[аучные] р[аботники], так погибли НИФ (Н. И. Фомин — Л. Б.), БЛБ (Б. Л. Бриллиантов — Л. Б.). А в «стационаре» кормятся бухгалтеры, канцелярские работники и (даже по 2 декады) довольно упитанные и решительные сотрудники».

Полякова умерла весной 1942 года.

С каждым месяцем все подробнее становились записи Черновского о собственных семейных обстоятельствах «потому, что считаю (как писал он 27. 02. 1942 — Л. Б.) эту картину типичной, отражающей своеобразные условия жизни города». В семье Черновских, помимо самого Алексея Алексеевича, были его жена, Антонина Константиновна (в

дневнике Тоня — Л. Б.), сын Алексей Алексеевич (Леша — Л. Б.), 37-ми лет, работавший старшим научным сотрудником в Зоологическом институте АН СССР, жена сына — Елена Николаевна (Леля — Л. Б.) и их дети: четырнадцатилетний Миша и «таяющая Снегурочка» — десятилетняя Таня.

25. 10. 1941: «Сегодня в семье Леша съедена первая кошка».

07. 11. 1941: «<...> дома перебрались в одну комнату (нет дров)».

14. 11. 1941: «<...> завели «буржуйку», сдела[на] за 35 рублей из нашего материала кровельщиком музея. Удобно. Пока печку несли домой, многие встречные спрашивали откуда, сколько стоит».

18. 11. 1941: «Уничтожен бульдог Заяц (Дези)».

25. 11. 1941: «<...> пятый день декады (21–30) не можем ничего получить по карточкам: мясной, масляной, крупяной. Малый подвоз удовлетворяется по 50–100 человек из очередей в несколько сот. Второй день наш обед — по 3–4 ломтика хлеба (примерно по 20 г), поджаренных в хлопковом масле».

08. 12. 1941: «<...> вечером был комиссионер, покупал у наших пианино».

20. 12. 1941: «<...> замерз водопровод, воду берем из 1-го этажа, мало умываемся; замерзли фановые и сточные трубы, жильцы выливают нечистоты прямо во дворе; света нет с 3 декабря; коптилки, масленки, лучина, бумага дают покрывающую все копоть, грязь».

23. 12. 1941: «<...> Тоня в лавке с 7 утра до 9 вечера, ничего не получила».

27. 12. 1941: «Утром вернулась, бросив хорошую очередь за мясом (студень), Тоня из-за сердечного припадка <...>, вернулся измученный плачущий Миша — ооченел».

28. 12. 1941: «Леша очень ослаб, сидит, не выходит».

11. 01. 1942: «Среди посуды нашел 1 сухой белый гриб, величиной с кусок рафинада и 6 зерен чечевицы — сварили пиалу (чашку) супа, разделили по-братски <...>. Тоня обменяла за пачку сухой горчицы 3 плитки столярного клея. Из 1 плитки сварили студень, с уксусом, перцем и лавровым листом, хватит на 2 дня, — ничего, съедобно».

23. 01. 1942: «<...> в 16.15 Леша отправлен на грузовике в санаторий Каменного острова».

Больше Черновскому не удалось повидаться с сыном, который скончался в санатории с таким же, как и у сотен тысяч других жителей города, умерших в блокаду, диагнозом: «от общей дистрофии».

02. 02. 1942: «Миша болезненно похудел, у него болят десны, опухли ноги, глаза громадные, грустные, щеки впалые, губы висят, сильная боль аппендицита. Утром Леля отвела его в детскую поликлинику на 4

линии, где врач дал направление в б[ольни]цу Ленина. Он один дотащился туда: окна разбиты, б[ольни]ца не работает. С плачем вернулся домой, измученный».

11. 02. 1942: «Дома решили: Леша будет погребен в братской могиле, т.к. никто из нас не может физически выполнить: гроб, перевозка, могила, погребение».

Получив известие о смерти своего близкого знакомого заведующего поликлиникой Дома ученых Г. М. Кана, Черновский с горечью писал: «<...> примеры гибели ценных людей, которых можно было спасти, питание, отопление, вода, свечи, лечение, информация — все поражает отсутствием заботы и организованности». Тем же настроением проникнута и запись от 18.02.1942: «<...> вечером Леля узнала: ее эвакуация завтра в 2 часа дня. Почти невозможно собраться: Миша в больнице, продовольствия нет <...>». На следующий день Черновский отметил: «С утра попытки к эвакуации Лели с детьми к 2 часам дня не удались. Паника (м.б. последняя эвакуация Академии Наук), крайнее уныние». О себе и жене Алексей Алексеевич еще 2 февраля записал: «Решили для себя не эвакуироваться, а после войны переселиться на окраину северную Л[енингра]да в полудеревенские условия».

Таяли последние физические силы автора дневника, продолжавшего делать записи о все новых и новых утратах, но поражает при этом, как он, будучи уже тяжело больным и измученным человеком, по-прежнему сохранял способность воспринимать и глубоко чувствовать своеобразную красоту осажденного города. Так, например, 27 февраля он записал: «<...> проходя у Сената, поразился его грозной торжественностью. Рим времен разгрома».

9 марта умерла жена Черновского: «Тоня скончалась в 7 1/2 часов вечера». Только через две недели он вместе с невесткой смог отвезти на санках труп жены «к месту сдачи тел» — на 8-ю линию Васильевского острова. Запись от 22. 03. 1942: «Так я окончательно расстался с Тоней, прожив с ней 40 лет».

Последние строки дневника датированы 9 апреля 1942 года: «Пронизывающе сыро и холодно в комнате <...>. Завтра переберусь жить в музей, иначе — тяжело <...>. Очень ослаб <...>».

Приказом по Музею истории и развития Ленинграда № 20 от 1 мая 1942 года старший научный сотрудник Алексей Алексеевич Черновский был исключен из личного состава работников музея «ввиду смерти». Его «повести» продолжили коллеги.

¹ А. А. Черновский родился 17(28) апреля 1881 г. в Москве. Окончил Ярославское городское училище, в 1896–1899 учился в Московском учительском институте. С 1922 г. жил в Ленинграде, работал в системе политпросвещения,

с 1930 — старший научный сотрудник Музея Города. Дневник Черновского (ГМИСПб РДФ. КП-56202) представляет собой записную книжку с кожаным коричневым корешком и твердым переплетом, оклеенным черно-зеленой «мраморной» бумагой. В дневнике 252 страницы, пронумерованные автором.

² Название Государственного музея истории Санкт-Петербурга в период с 1938 по 1951 г.

³ 1941 г.

⁴ М. А. Легздайн — директор Музея истории и развития Ленинграда с 1939 года до 2 июля 1941 года. См: ГМИСПб РДФ. КП—292117. Его сменил на этой должности Н. В. Федорович.

⁵ Ответственным за доставку музейных ценностей в Сарапул был Ф. В. Антверов. См. его командировочное удостоверение, выданное 20 августа 1942 года (ГМИСПб РДФ. КП-352301). На бланке Управления культурно-просветительными предприятиями Ленсовета РК и КД с печатью музея стоят подписи директора музея Н. В. Федоровича и управляющего делами А. А. Черновского. Эти обязанности Черновский выполнял с 26 июля 1941 года. «Музей Города» — предыдущее наименование Музея истории и развития Ленинграда.

В. И. Демидова, Г. Ф. Урусова

Три десятилетия на директорском посту

В октябрьские дни Государственный музей истории Санкт-Петербурга празднует свое рождение. Немногие городские музеи России сегодня могут сравниться с ним по богатству и значимости коллекций, по именам деятелей науки и культуры, стоявших у его истоков, а также по трагичности судьбы.

Музей неоднократно переименовывали, меняли адрес, передавая от одного ведомства другому. Сколько искалеченных человеческих судеб, утраченных ценнейших коллекций, составлявших гордость отечественной культуры! Все это длилось на протяжении первых десятилетий его существования.

Весна 1953 года, ставшая переломной в жизни страны, изменила и судьбу музея. Решением Ленгорисполкома¹ он был переименован в Государственный музей истории Ленинграда и сохранил это название (с некоторыми уточнениями) до настоящего времени².

В апреле 1954 года директором Государственного музея истории Ленинграда (ГМИЛ) была назначена Людмила Николаевна Белова (1924–1993), которой к этому времени было всего 29 лет. Несмотря на молодость, за ее плечами уже была работа в Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры и в Центральном хранилище музейных фондов пригородных дворцов-музеев, которое она возглавляла с 1952 года до назначения на новую должность. Белова руководила музеем более трех десятилетий, и, естественно, до сих пор в нем очень многое напоминает о ней — человеке, своей энергией и волей фактически создавшем крупнейшую научно-просветительную организацию, центр изучения и пропаганды исторического наследия Петербурга.

В одно время с Беловой в музей пришли молодые и энергичные сотрудники: Т. И. Аврамова, Н. Б. Алексеева, А. И. Барабанова, Л. А. Бориско, Т. П. Кулешова, А. М. Никитин, А. М. Павелкина, М. Н. Петро-

ва, А. В. Повелихина, Н. А. Рыжов, Р. А. Сомина, Р. И. Шпиллер, Е. Н. Элькин и другие. Этому коллективу было суждено не только возродить музей, открыв в октябре 1955 года в особняке Румянцева (Английская наб., 44) первую в послевоенное время экспозицию по истории города, но и доказать, что ГМИЛ может встать в один ряд с крупнейшими музеями Ленинграда и страны.

Для нас, начинающих историков, пришедших в музей в 1970–1980-е годы, Л. Н. Белова и ее коллеги были легендарными личностями, а музей, созданный ими, монументальным творением. Мы испытывали чувство гордости от того, что работаем в этом замечательном музее, рядом с такими людьми.

В середине 1970-х годов центр жизни музея переместился в Петропавловскую крепость — место, с которого началась история города на Неве. Но перед этим прошло 20 очень нелегких лет...

Если перебрать документы прошлого, то перед нами, как в калейдоскопе, замелькают названия новых музейных объектов и экспозиций, открытых в те годы. Не перестаешь удивляться энергии и самоотверженности людей, работавших тогда.

2 августа 1954 года в соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР³ музею на правах филиала был передан комплекс зданий Петропавловской крепости: Петропавловский собор, Великокняжеская усыпальница, Ботный дом, Трубецкой и Зотов бастионы. В 1956 году начались реставрационные работы в соборе, закончившиеся в 1957.

Одновременно сотрудники ГМИЛа приступили к созданию новых музейно-выставочных объектов. Так, на территории Петропавловской крепости, в Ботном доме, в 1959 году была открыта экспозиция «Основание Русского Флота», а 9 мая 1960-го — в двух павильонах Пискаревского мемориального кладбища выставка, посвященная героическим защитникам Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

В тот же период Исполком Ленгорсовета принял решение⁴ «О превращении Петропавловской крепости в заповедник с передачей музею зданий и сооружений Петропавловской крепости». Однако его не выполнили из-за отсутствия средств в городском бюджете, и оно оставалось нерешенной проблемой в течение долгих лет.

Л. Н. Белова. 1970-е гг.

В 1963 году Указом Совета Министров РСФСР, Министерства культуры РСФСР и распоряжением Исполкома Ленгорсовета⁵ музею на правах филиала был передан Исаакиевский собор. 26 января 1964 года к 20-летию снятия блокады в 12 залах Румянцева особняка была открыта экспозиция «Ленинград в период Великой Отечественной войны», а чуть позже, в ноябре, — музеефицирована тюрьма Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. В 1965 году совместным решением Исполкома Ленгорсовета и Леноблсовета⁶ памятник архитектуры — ансамбль крепости Орешек — был переведен с баланса АПУ Леноблисполкома на баланс Управления культуры Ленгорисполкома, а затем решением Исполкома Ленгорсовета⁷ передан ГМИЛу. Немногие теперь помнят о решении Исполкома Ленгорсовета⁸ «О создании историко-бытового музея в Меншиковском дворце», а ведь именно сотрудниками ГМИЛа была начата работа по подготовке методического задания на реставрацию памятника. Список можно продолжить, но и без того очевидно, что создание такого количества музейных объектов и экспозиций, многочисленных выставок в городе и за рубежом свидетельствует о большой надежде и столь же большой ответственности, которую возлагали городские власти на музей.

9 января 1970 года Исполком Ленгорсовета принял решение⁹ «Об организации в Иоанновском равелине Петропавловской крепости музея по космической технике» («Музей Газодинамической лаборатории»), а в 1972 — «О ремонтных и восстановительных работах в Смольном соборе»¹⁰. Если экспозиция в Петропавловской крепости вписывалась в программу ее музеефикации и основывалась на исторических данных, то решение о создании выставки «Ленинград — вчера, сегодня и завтра» в Смольном соборе приводила историков в уныние. Ясно было, что выдающийся памятник культовой архитектуры XVIII века и идеологическая экспозиция не могли быть объединены в целостный музейный организм.

Однако в те годы вопросы, где быть музею и какую тему раскрывать, решали не специалисты, а партийное руководство. Здесь можно было бы упрекнуть Людмилу Николаевну в отсутствии твердости в отстаивании музейных позиций и принципов. Но главный принцип был заложен в названии музея: история города. Историю надо было не только изучать и пропагандировать, но и сохранять. Смольный собор, который долгие годы использовался под складские помещения, относился к числу погибавших памятников. Создание музейной экспозиции, пусть даже тематически не соответствовавшей ему, было единственным шансом спасти собор. И в том, что сегодня в этом замечательном творении Растрелли — концертный зал, пользующийся популярностью у пете-

буржцев и гостей города, заслуга Людмилы Николаевны и ее коллег, сумевших сохранить его для города.

Иначе решались проблемы музея «В. И. Ленин и газета «Правда»» (ныне «Музей печати») на набережной реки Мойки, 32, и Пантелеймоновской церкви (ныне возвращена церкви)¹¹. Здесь темы экспозиций органически вырастали из самой истории зданий, после тщательного и углубленного изучения архивных документов. Крупной победой коллектива музея было открытие к 100-летию со дня рождения поэта Музея-квартиры А. А. Блока на улице Декабристов, 57¹². В настоящее время этот музей обладает одной из лучших литературных экспозиций в Петербурге. За эти годы он стал крупным центром изучения жизни и творчества поэта.

За Людмилой Николаевной и ее коллективом укрепилась репутация музейных «палочек-выручалочек». Сложилось мнение, и вполне оправданное, что они могут создать любой музей, на любом объекте, будь то заброшенный памятник архитектуры или новое монументальное сооружение, такое, например, как Монумент героическим защитникам Ленинграда в годы Великой Отечественной войны на площади Победы. За эту работу в 1979 году Л. Н. Белова и старший научный сотрудник музея А. М. Гондельсман, наравне с авторами проекта архитекторами С. Б. Сперанским и В. А. Каменским, скульптором М. К. Аникушиным, были удостоены Государственной премии РСФСР.

За годы работы Людмилы Николаевны в музее появилось много новых филиалов, в каждый из которых была вложена частица ее души. За 20 лет площадь музея выросла с 5233 до 34970 кв. м, а экспозиции увеличились более, чем в 17 раз. За исключением Шлиссельбургской крепости, музей, как правило, брал под свою опеку только городские объекты, но с 1976 года стали появляться филиалы и в пригородах. Так, Исполком Ленгорсовета¹³ учредил «Музей истории города Ломоносова», в 1980 вышло решение¹⁴ «О приспособлении здания бывшей православной церкви в городе Зеленогорске под музей». В церкви, освященной во имя иконы Казанской Божией матери, предполагалось организовать Музей курортной зоны Ленинграда (ныне здание передано церкви). Затем последовало решение о передаче ГМИИ уже существовавшего на общественных началах Музея истории города Пушкина¹⁵. Сейчас Ломоносовский и Пушкинский краеведческие музеи стали самостоятельными, но «путевку в жизнь» они получили, находясь в составе Музея истории Ленинграда.

Дирекция Государственного музея истории Ленинграда много лет располагалась на набережной Красного Флота (ныне Английской), 44.

Здесь же размещались фонды и отделы. Однако в конце 1960 — начале 1970-х годов численный состав сотрудников и коллекции фондов «переросли» объемы Румянцевского особняка, возникла необходимость переезда в более крупный по площади музейный комплекс — Петропавловскую крепость.

В это время большая часть зданий крепости была занята коммунальными квартирами, а куртины и бастионы использовались под склады. Потребовалось много сил и энергии, чтобы превратить жилые помещения в экспозиционные залы, а склады — в фондохранилище. Началась интенсивная музеефикация объектов, одна за другой открывались экспозиции «История архитектуры Петербурга-Петрограда XVIII — начала XX веков» (1971), «История космонавтики и ракетостроения» (1973), «История Петербурга-Петрограда. 1703–1917» (1975), «История Монетного Двора» (1984) и т. д. Без преувеличения можно сказать, что каждая из них была новым словом в музейном деле.

За успехами пришло и признание. В 1974 году приказом Министерства культуры РСФСР музей был объявлен научно-методическим центром по теории и практике музейного дела. Об авторитете музея и лично его директора свидетельствуют и те факты, что в 1965 году Людмиле Николаевне было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР», с 1967 года она неоднократно избиралась депутатом городского Совета, долгие годы была членом Совета музеев истории и археологии ИКОМ ЮНЕСКО, а в 1986 году Л. Н. Белова была награждена орденом Ленина и ее имя было занесено в Книгу Почета Министерства культуры СССР.

Однако нельзя сказать, что деятельность директора состояла исключительно из многочисленных побед и свершений. Беловой приходилось действовать крайне осмотрительно, за малейшее нарушение распоряжений, исходивших от вышестоящих идеологических структур, ее могли снять с работы. По должности выполняя предписания партийных органов, по необходимости считаясь с цензурными требованиями, она умудрялась отстаивать экспозиции и выставки, основанные на исторических документах, а не только на конъюнктурных политических догмах. Так, можно назвать своеобразным музейным подвигом открытие экспозиции «Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 годов» (1984) в бывшей квартире смотрителя тюрьмы Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Долгие годы эта тема была закрыта не только для музейного показа, но и для изучения. Эсеры — участники боевых террористических отрядов плохо вписывались в идеологически выверенный ряд «героев революционного движения». Вместе с тем выставка была итогом много-

летней научно-исследовательской работы музейных сотрудников, а решительность, проявленная Беловой, позволила появиться этой экспозиции на свет. Таких примеров можно назвать не один десяток.

Не всем планам Людмилы Николаевны суждено было свершиться. Не созданы Заповедная зона в квартале 100, Музей декабристов, салон в доме архитектора А. И. Штакеншнейдера¹⁶ и многое другое, над чем работал коллектив под ее руководством. За последние 10 лет резко изменились условия деятельности музея. Однако и в настоящее время музей остается верен лучшим традициям, сформировавшимся в те годы, когда его директором была Белова. Успехом увенчались многолетние усилия музейных работников: решением Правительства Российской Федерации¹⁷ Петропавловская крепость получила статус музея-заповедника и официально была признана главным объектом Государственного музея истории Санкт-Петербурга. На территории крепости и других объектах продолжаются реставрационные работы, обновляются экспозиции, создаются выставки. Налажена систематическая издательская работа, позволившая расширить участие музея в культурной жизни города.

Читая эти заметки, наши коллеги, возможно, упрекнут нас в том, что мы не упомянули о многих важных событиях и значительных лицах. Однако нашей задачей не было написание исчерпывающей летописи жизни музея за последние десятилетия. Нам просто хотелось вспомнить прекрасного человека, крупного деятеля культуры, стоявшего у истоков современного Музея истории Санкт-Петербурга, — Людмилу Николаевну Белову, рассказать о том нелегком деле, которому она и ее сотрудники отдали свое сердце, талант и силы.

¹ Название утверждено решением Ленгорисполкома № 28029-6 от 6 апреля 1953 г.

² Согласно решению Совета министров РФ № 752-р от 30. 09. 1993 г., музей получил официальное название — Историко-культурный заповедник Петропавловская крепость — Государственный музей истории Санкт-Петербурга.

³ № 33-97-р.

⁴ № 46-22-п от 28 ноября 1960 г.

⁵ № 47-р от 12 января 1960 г.

⁶ № 120/208-р от 17 июля 1965 г.

⁷ № 709 от 28 июля 1965 г.

⁸ № 1084 от 12 декабря 1967 г.

⁹ № 369-р.

¹⁰ № 354 от 17 апреля 1977 г.

¹¹ Наб. реки Мойки, 32 — решение Исполкома Ленгорсовета № 728 от 21 ноября 1983 г.; Пантелеймоновская церковь — решение Исполкома Ленгорсовета № 192 от 24 марта 1980 г.

¹² Решение Исполкома Ленгорсовета № 551 от 31 июня 1978 г.

¹³ № 348 от 26 апреля 1976 г.

¹⁴ № 566 от 20 ноября 1981 г.

¹⁵ Решение Исполкома Ленгорсовета № 514 от 28 июня 1986 г.

¹⁶ Миллионная ул., 10

¹⁷ № 72-р от 30 апреля 1993 г.

Г. А. Попова

История одного документа

Старые инвентарные книги Музея Города сохранили следующую запись: «Адрес гр. Н. Ф. Карловой от посетителей концертов в ее доме по случаю юбилея квартета. Адрес вложен в папку зеленой кожи. На верхней крышке под стеклом — акварельный рисунок — вид зала в доме Карловой и под ним вид Ораниенбаума; подпись Альберт Бенуа 11 ноября 1901 г. Внутри на верхней крышке рисунок с юбилейными датами 1895–1901 гг. подпись В. Шребер. На нижней крышке акварельный рисунок с подписью Липгарт и подписями посетителей концертов. Текст адреса рукописный с нотами на одном листе. 53 x 41»¹. Рядом с этой записью — более поздняя карандашная помета: «К изъятию». Она относится к периоду «чистки» музейных фондов от предметов, связанных с историей императорской фамилии. Однако, несмотря на эту резолюцию, документ был сохранен. Адрес — уникальное свидетельство яркой духовной жизни Петербурга конца XIX — начала XX столетия. Он хранится в Государственном музее истории Санкт-Петербурга².

Графиня Наталья Федоровна Карлова (1858–1921) была замужем за герцогом Георгием Георгиевичем Мекленбург-Стрелицким (1859–1909)³. В конце XIX — начале XX века они жили в особняке на набережной реки Фонтанки, 46⁴. Большим увлечением семьи была музыка. В 1895 году герцог организовал и содержал на свои средства квартет, в первый состав которого входили Б. С. Калинин (первая скрипка), Г. Н. Дулов⁵ (вторая скрипка), Гейне (альт), С. Э. Буткевич (виолончель). В репертуаре квартета были произведения Баха, Гайдна, Бетховена, Рубинштейна, русской классической музыки. Карлова и Мекленбург-Стрелицкий постоянно заботились о приобретении лучших музыкальных инструментов для артистов, редких нот, литературы о музыке⁶. Об этом свидетельствуют многочисленные счета музыкальных магазинов, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве⁷.

2 декабря 1901 года в доме на Фонтанке состоялся 100-й концерт квартета. К этому юбилею и был подготовлен памятный адрес, поднесенный Н. Ф. Карловой и Г. Г. Мекленбург-Стрелицкому постоянными посетителями особняка⁸.

Обложка адреса из тисненой темно-зеленой кожи обрамлена металлической ажурной рамкой (стекло не сохранилось). В центре акварельные рисунки Бенуа, на которых изображены интерьер бывшего Белого (парадного) зала особняка, служившего музыкальным салоном, и вид Большого Ораниенбаумского дворца, принадлежавшего Мекленбург-Стрелицким. Внутри папки — три листа специальной бумаги для акварели, заметно пожелтевшей от времени. На первом листе адреса в левой верхней части паспарту изображена графская корона и в цветочной виньетке литеры «G» и «N» — первые буквы имен организаторов квартета. Лист украшен рисунком сидящей на скрипичном ключе крылатой девушки со скрипкой. Рисунок выполнен Э. К. Липгартом, о чем свидетельствует подпись художника. Вверху справа — цифра «100» и под ней текст посвящения, написанный черной тушью от руки старославянским шрифтом: «За радость высших наслаждений / Благодарим приветный дом, / Где нас стократ искусства гений / Касался ласковым крылом».

На листе сохранились многочисленные подписи слушателей юбилейного концерта: Ю. Ф. Абаза⁹, А. С. Аренский¹⁰, В. В. Бельгард¹¹, А. Н. Бенуа¹², Альб. Н. Бенуа¹³, Н. Ванлярская¹⁴, С. Ф. Ванлярская¹⁵, Ф. Ф. Ванлярский¹⁶, Виельгорские, потомки¹⁷, А. Е. Гагарин¹⁸, С. С. Гадон¹⁹, О. А. Голенищева-Кутузова²⁰, Т. А. Голенищева-Кутузова²¹, Б. Б. Голицын²², В. Ф. Дерюжинский²³, С. Дерюжинская²⁴, В. П. Зилоти²⁵, Ц. А. Кюи²⁶, Л. К. Корф²⁷, Э. К. Липгарт²⁸, М. Г. Мекленбургский²⁹, А. Н. Оболенский³⁰, А. А. Оболенская³¹, С. В. Панина³², М. А. Прокофьева³³, Н. Прокофьев³⁴, П. А. Рауш фон Траунберберг³⁵, Я. В. Ратьков-Рожнов³⁶, К. А. Раухфус³⁷, А. А. Сабуров³⁸, М. А. Сольская³⁹, П. В. Философов⁴⁰, Л. А. Фредерикс⁴¹, Е. Ф. Цертелева⁴², А. Х. фон Шванебах⁴³, М. Шванебах⁴⁴, Э. Н. фон Шведер⁴⁵, В. П. Шрейбер⁴⁶, М. К. Штакельберг⁴⁷, В. В. Щеглов⁴⁸, Юсупова⁴⁹. К сожалению, не все фамилии поддаются расшифровке. Однако вышеприведенный неполный список, очевидно, за все годы концертов в особняке на Фонтанке красноречиво свидетельствует о популярности квартета и своего рода демократичности собравшегося общества, в котором наряду с представителями высшей аристократии присутствовали учителя, врачи и художники.

На следующем листе адреса находится акварельный рисунок с амурчиками, играющими на скрипках и виолончели. В центре, вверху, помещены начальная буква имени герцога Мекленбург-Стрелицкого

«G» и «1895–1901» — даты концертной деятельности квартета. Внизу, в центре, изображена античная ваза, справа лира и музыкальные инструменты, украшенные цветами. Слева дата юбилейного концерта — «2 декабря 1901 года» и автограф Шрейбера.

На третьем листе памятного адреса изображен в изящной виньетке амурчик и нотные знаки. Изображение служит заставкой стихотворению, написанному старославянским шрифтом черной тушью, фамилии в тексте выделены красным цветом:

«Высоких чаем наслаждений,
Вступая вновь в радушный дом,
Где нас искусства добрый гений
Коснется ласковым крылом.

Проводит по струнам певучим
Смычками гибкими квартет,
И раздаётся вновь могучий
Из мира высшего привет.

Здесь тишина нас осеняет
Житейской суеты в укор,
Улыбка на устах играет,
Бодрее дух, светлее взор.

Нас Шуман увлекает смело,
Jean-Paula властный ученик;
Игриво Гайдн, но умело,
Ты в стройной простоте велик.

Антон Рубинштейна имя
Рисует образ дорогой,
Сверкает Мендельсон меж ними,
Своеобразный и живой.

Нам мил Чайковского Andante,
И радует нас Бородин,
Но в тайны сердца, словно Dante,
Бетховен вводит нас один.

Порывы страсти и сомнений,
Искание истины, любовь

В его мы слышим вдохновении,
С ним все переживая вновь.

Аренский в трио нас чарует,
Как сад волшебный при луне,
Причуды Грига нас волнуют —
Варяга грезы в зимнем сне.

Повеяло весною нежной —
Иной нам слышится певец:
Непринужденный, безмятежный
Моцарт! Друг искренних сердец.

С отвагой юной и здоровой
Как полнозвучен Глазунов;
Души тревоги непокорной
Брамс раскрывает и без слов.

Про смерть, веселье или муки
Любимый Шуберт нам поет,
В нем жизни трепетные звуки,
Лиризма высшего полет.

Но чувства добрые кто лирой
Здесь сладко в нас не пробуждал?
Не в первый раз к созвучий лиры
Хозяин добрый нас созвал!

За радость высших наслаждений
Благодарим приветный дом,
Где нас стократ искусства гений
Касался ласковым крылом»⁵⁰.

Вверху оборотной стороны титульного листа поставлен штамп Музея Города и Музея Старого Петербурга с № 5205, исправленным на № 4614. Внизу наклеена марка Музея Города с инвентарными сведениями «Отд[ел] Внутр[еннего] убр[анства] помещ[ений] Н 6047/XII 5 1/18 Ф 6550».

Эти данные свидетельствуют о поступлении экспоната в фонд Музея Города, а так как до 1923 года каждый отдел вел самостоятельный учет, то на адресе имеется два инвентарных номера.

Какова же судьба квартета после юбилейного концерта? Весной 1903 года он был приглашен в Москву великим князем Сергеем Александровичем, где имел большой успех, а с 1906 года начались его активные выступления за рубежом: Англия, Германия, Франция — таковы были маршруты гастролей.

После смерти герцога Мекленбург-Стрелицкого в 1909 году Русское Императорское музыкальное общество предложило квартету войти в его состав. Артисты дали согласие при условии, что они сохранят самостоятельность и будут существовать под именем основателя камерного ансамбля. В память о брате принцесса Е. Г. Саксен-Альтенбургская и герцог М. Г. Мекленбург-Стрелицкий приняли патронат над квартетом⁵¹.

В 1914 году состоялись грандиозные гастроли квартета по России, музыканты К. К. Григорович⁵², Н. И. Кранц, В. Р. Бакалейников⁵³, С. Э. Буткевич побывали на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Концерты прошли в Двинске, Смоленске, Могилеве, Киеве, Чернигове, Харькове, городах Поволжья. В период гастролей 10% сбора передавалось в пользу лазарета княгини Е. Г. Голицыной, расположенного в особняке на Фонтанке, 46, и для лазарета великой княгини Елизаветы Маврикиевны, устроенном в Павловском дворце. Осенью 1916 и зимой 1917 года состоялись концерты в Малом зале Консерватории по случаю 20-летия квартета⁵⁴.

Документ, хранящийся в Государственном музее истории Санкт-Петербурга, — ценнейший памятник культуры Серебряного века.

¹ ГМИСПб ФГИГ. Кн. IV. 1928–1929. Сохранены орфография и пунктуация подлинника. В тексте «В. Шребер» — следует читать В. П. Шрейбер.

² ГМИСПб РДФ. Ш-А-900 д.

³ О них подробнее см.: Попова Г. А. Особняк графини Карловой. СПб., 1996.

⁴ Об истории дома см.: там же.

⁵ Георгий Николаевич Дулов (1875–1940), скрипач, педагог. В 1896–1901 гг. возглавлял квартет, созданный Г. Г. Мекленбург-Стрелицким. Участвовал в музыкальных собраниях («пятницах») у М. П. Беляева. В 1901–1924 преподавал в Московской консерватории, с 1912 г. профессор. Автор скрипичных и вокальных песен, сборников учебно-педагогического репертуара.

⁶ Кюи Ц. А. Герцог Г. Г. Мекленбург-Стрелицкий и струнный квартет его имени. Пгд., 1915.

⁷ РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 73, 99, 422. Л. 2, 47, 53, 63.

⁸ Высокая оценка исполнительскому мастерству музыкантов запечатлелась в автографе Альб. Н. Бенуа, сделанном на первом листе адреса и датированном 11 ноября 1901 г.: «Глубокое спасибо за высокое наслаждение, доставляемое мне квартетными собраниями!! Искренне благодарю. Альберт Бенуа».

⁹ Юлия Федоровна Абаза (1830–1915), вдова действительного тайного советника, министра финансов А. А. Абазы, попечительница Евгеньевского

приюта для арестованных детей-девочек. Обладала хорошим голосом, участвовала в концертах.

¹⁰ Антон Степанович Аренский (1861–1906), композитор, пианист, дирижер. Был частым гостем в особняке Карловой.

¹¹ Варвара Валерьяновна Бельгард, фрейлина. Помощница попечительницы школы Императорского женского патриотического общества.

¹² Александр Николаевич Бенуа (1870–1960), живописец и график, историк искусства, художественный критик. Был близким другом семьи Мекленбург-Стрелицких. Ему принадлежала идея сохранить особняк Карловой в качестве музея быта после октябрьских событий 1917 г.

¹³ Альберт Николаевич Бенуа (1852–1936), архитектор, академик акварельной живописи, член Совета Академии художеств, член-учредитель Общества акварелистов.

¹⁴ Нина Ванлярская, вероятно, жена Ф. Ф. Ванлярского, брата Н. Ф. Карловой.

¹⁵ Софья Федоровна Ванлярская, сестра Н. Ф. Карловой, член различных благотворительных обществ.

¹⁶ Федор Федорович Ванлярский (?–1908), брат Н. Ф. Карловой.

¹⁷ Так подписались представители известной фамилии, среди которых были поэты, музыканты, общественные деятели и т.д. В Петербурге широко был известен салон Виельгорских.

¹⁸ Анатолий Евгеньевич Гагарин, князь, действительный статский советник, гофмейстер Двора, член Российского Императорского географического общества и Российского Императорского общества плодоводства.

¹⁹ Сергей Сергеевич Гадон, художник.

²⁰ Ольга Андреевна Голенищева-Кутузова, графиня.

²¹ Татьяна Арсентьевна Голенищева-Кутузова, графиня, фрейлина.

²² Борис Борисович Голицын, князь, действительный статский советник, камергер, управляющий Экспедицией заготовления государственных бумаг, член Императорской Академии наук, Николаевской Морской академии, Российского Императорского общества судоходства, Технического общества, Российского Императорского географического общества, многих благотворительных обществ.

²³ Владимир Федорович Дерюжинский, профессор Императорского Александровского лицея, попечитель благотворительных обществ о бедных и больных детях.

²⁴ Возможно, жена В. Ф. Дерюжинского.

²⁵ Вера Павловна Зилоти, дочь П. М. Третьякова, жена пианиста А. И. Зилоти.

²⁶ Цезарь Антонович Кюи (1835–1918), генерал-лейтенант, заслуженный профессор Николаевской инженерной академии, композитор, музыкальный критик, председатель дирекции Санкт-Петербургского отделения Императорского Русского музыкального общества.

²⁷ Лев Константинович Корф, барон, корнет Лейб-гвардии Конного полка.

²⁸ Эрнест Карлович Липгарт (1847–1934), живописец, академик, хранитель художественных коллекций Эрмитажа.

²⁹ Михаил Георгиевич Мекленбургский (1863–1934), герцог, брат Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого.

³⁰ Александр Николаевич Оболенский, князь, штабс-капитан Лейб-гвардии Преображенского полка.

³¹ Анна Александровна Оболенская, княгиня, председательница общества при Санкт-Петербургском городском родильном приюте, член Российского общества защиты женщин и приюта барона А. Л. Штиглица.

³² Софья Владимировна Панина, графиня, меценатка, член многих благотворительных обществ.

³³ Мария Андреевна Прокофьева, преподавательница Литейной женской гимназии, в которой учились дочери Н. Ф. Карловой Екатерина, Мария и Наталья.

³⁴ Николай Дмитриевич Прокофьев, архитектор.

³⁵ Павел Александрович Рауш фон Траунберберг, барон, статский советник, шталмейстер Двора великого князя Константина Константиновича, член Статистического совета и Императорского Российского географического общества.

³⁶ Яков Владимирович Ратьков-Рожнов, муж сестры Н. Ф. Карловой, Марианна, служащий Первой канцелярии Министерства иностранных дел, Генеральный комиссар русского отдела Всемирной выставки 1900 г. в Париже, попечитель Императорского женского патриотического общества.

³⁷ Карл Андреевич Раухфус (1835–1915), директор и главный врач детской больницы принца П. Н. Ольденбургского, председатель Общества для хронически больных детей, член Общества школьных дач, Общества борьбы с заразными болезнями, Российского Императорского географического общества.

³⁸ Андрей Александрович Сабуров, действительный тайный советник, сенатор, статс-секретарь Государственного совета, член Императорской Академии наук, председатель совета домов милосердия, товарищ председателя Общества защиты женщин, член Общества попечения о бедных и больных детях и других благотворительных обществ.

³⁹ Мария Александровна Сольская, помощница председательницы Санкт-Петербургского второго дамского комитета Российского общества Красного Креста, попечительница общества Св. Георгия.

⁴⁰ Павел Владимирович Философов, штабс-капитан Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка.

⁴¹ Лев Александрович Фредерикс, генерал-лейтенант, генерал-адъютант.

⁴² Екатерина Федоровна Цертелева, княгиня, сестра Н. Ф. Карловой, жена Д. Н. Цертелева.

⁴³ Альфред Христиан фон Шванебах, врач, титулярный тайный советник.

⁴⁴ Возможно, жена предыдущего.

⁴⁵ Эдуард Николаевич фон Шведер, командир Лейб-гвардии Кирасирского полка.

⁴⁶ Василий Павлович Шрейбер, архитектор, классный художник, член Общества русских акварелистов, преподаватель рисовальной школы Императорского общества поощрения художеств.

⁴⁷ Максим Карлович Штакельберг, барон, член Санкт-Петербургского окружного суда.

⁴⁸ Василий Васильевич Щеглов, статский советник, помощник заведующего Собственной Его Императорского Величества библиотекой.

⁴⁹ Вероятно, Зинаида Николаевна Юсупова, княгиня.

⁵⁰ Автор стихотворения не установлен.

⁵¹ РГИА. Ф. 556. Оп. 1 Д. 99. Л. 38–39.

⁵² Карл Карлович Григорович (1868–1921), скрипач, педагог. В 1888–1910 гг. преподавал в Музыкально-драматическом училище Московского филармонического общества, с 1904 профессор; в 1910–1918 возглавлял Мекленбургский квартет; в 1918–1921 в Витебской консерватории. Один из крупнейших скрипачей-виртуозов, прозванный «русским Сарасате».

⁵³ Владимир Романович Бакалейников (1885–1953), альтист, дирижер, педагог. Заслуженный артист республики. В 1918–1920 гг. профессор Петербургской, в 1920–1924 — Московской консерватории. С 1910 г. участник Мекленбургского квартета, в 1920–1924 квартета им. Страдивариуса. В 1914–1916 дирижер Театра музыкальной драмы, в 1920–1927 — Музыкальной студии МХАТа. С 1927 г. жил в США. Автор концерта для альта, романсов и других сочинений. Выдающийся исполнитель на альте.

⁵⁴ РГИА. Там же. Л. 53.

А. Л. Ларионов, Е. П. Перовский, С. И. Афанасьев

Ботик Петра Великого и его модель-реконструкция

В январе 1722 года в Москве праздновали Ништадтский мир, который был заключен в связи с победой России над Швецией в Северной войне (1700–1721). Кульминацией торжеств стало театрализованное шествие-парад на Ивановской площади Кремля. Грандиозная процессия войск и горожан, возглавляемая самим Петром I, провезла по площади макеты боевых кораблей перед установленным на специальном постаменте маленьким старинным ботом, на мачте и флагштоке которого развевались штандарт и кейзер-флаг. Так российский император почтил свой ботик, который считал родоначальником русского флота¹.

Именно на этом небольшом парусно-гребном судне юный царь получил первые навыки практической навигации. Маленький кораблик был найден в мае 1688 года в родовой вотчине бояр Романовых, подмосковном селе Измайлове, во время прогулки Петра с его учителем и наставником, голландским корабельным мастером Францем Тиммерманом. «Случилось нам быть в Измайлове на Лыняном дворе и, гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел я судно иностранное <...>», — вспоминал Петр в 1719 году. Узнав от Тиммермана, что судно это — «бот аглинской», что он «употребляется при кораблях, для езды и воски», а также, в отличие от русских, «ходит на парусах не только что по ветру, но и против ветру», царь пожелал научиться управлять им².

Отремонтировать бот, перевезенный в село Преображенское, и обучить Петра искусству хождения под парусами взялся корабельный плотник голландец Карстен Брандт³. Из донесения французского посла Кампредона от 13 июня 1723 года стало известно, что в начале 1640-х годов русский царь Михаил Федорович «выпросил из Англии через Архангельск в Москву маленькое судно <...> размерами очень малой шлюпки, которую он назвал "Святой Николай"»⁴. Вполне вероятно,

что бот оказался после смерти Михаила Федоровича в 1645 году в амбаре у Н. И. Романова — коллекционера «заморских диговин».

Кораблик был необычным: обводы корпуса, парусное вооружение, даже раскраска бортов и особым образом изукрашенная корма — все отличалось от отечественных судов. Транец (кормовой срез или образующая его доска) бота был покрыт резьбой, которая составляла законченную композицию: на берегу моря, подле церкви, святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских, покровитель моряков, благословляет уходящий в плавание корабль.

На ремонт ботика опытному мастеру Брандту потребовалось несколько дней. Под его руководством русский царь постигал азбуку кораблевождения на реке Яузе. Петр вспоминал: Брандт «при мне лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало. Потом, когда я часто то употреблял с ним, и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил, для чего так? Он сказал вину того, что узка вода. Тогда я перевел его в Просяной пруд, но и там немного авантажу сыскал, а охота стала отчасу быть более. Того дня стал я проведывать, где более воды. То мне объявили Переславское озеро яко наибольшее <...> и там несколько лет охоту свою исполнял. Но потом и то показалось мало, то ездил на Кубенское озеро. Но оно ради мелкости не показалось. Того ради уже положил видеть море <...>»⁵.

В плаваниях по Яузе и Просянному пруду в Измайлове царя сопровождал Франц Лефорт. Заметив у Петра интерес к морским наукам, он предложил создать на реке Трубеж, у места ее впадения в Плещеево озеро, верфь, на которой в дальнейшем была построена небольшая флотилия военных кораблей.

Петр постоянно совершенствовал навыки в мореплавании и кораблестроении. В конце апреля 1690 года он снарядил отряд, в который вошли ботик и мелкие гребные суда, и совершил поход по реке Москве к Угрешскому Николаевскому монастырю. Переславская флотилия, по существу, стала первым учебным корпусом будущего Российского флота. Петр и его соратники вели учебные сражения в соответствии с требованиями новейшей для того времени тактики морского боя. Наука, полученная царем в Подмосковье, пригодилась и в Азовском походе 1696 года, и особенно в период Северной войны. В начале 1701 года, вскоре после «Нарвской конфузии», Петр вспомнил о своей «децкой утехе»⁶ и велел перевезти ботик в Москву. Кораблик поместили в Кремле в специально для него построенном эллинге, где он простоял более 19 лет, пока о нем не напомнил царю Феофан Прокопович. В своем «Похвальном слове» — проповеди, произнесенной в августе 1720 года во время празднования Гренгамской победы,

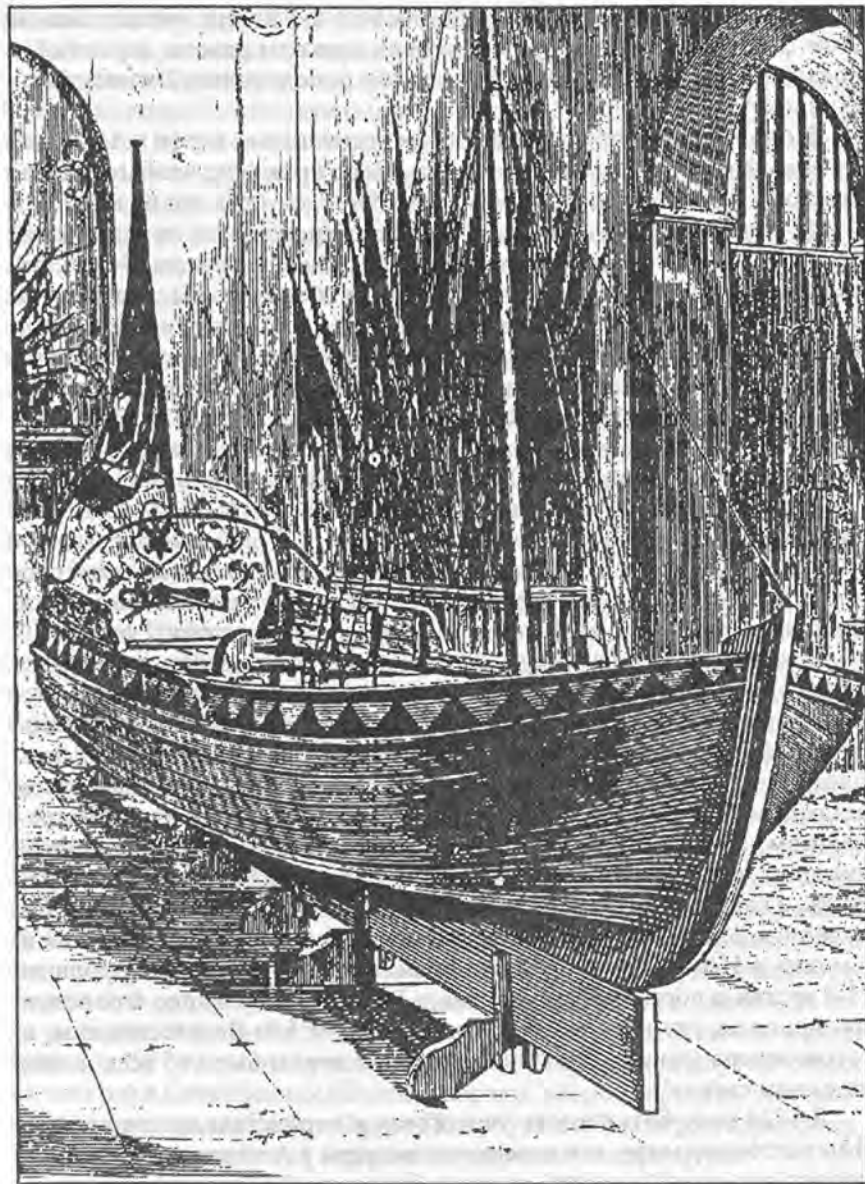
он особо отметил значение судна для истории Российского флота: «Кто же не скажет, что малый ботик против флота есть аки зерно противу дерева? <...> О ботик, позлащения достойный <...> мой бы совет был ботик сей блюсти и хранить в сокровищах на незабвенную память последнему роду!»⁷.

Петр принял ряд мер для сбережения ботика и почитания его как национальной реликвии. В 1722 году император решил перевезти ботик в свою новую столицу Санкт-Петербург, поближе к морю и флоту.

Перед отправкой из Москвы корабельный подмастерье Федор Пальчиков осмотрел и отремонтировал изрядно обветшавшее судно, после чего в начале 1723 года с большими предосторожностями и под надежной охраной его доставили в Шлиссельбург. В высочайшем указе от 29 января сержанту гвардии Кореневу предписывалось: «Ехать тебе с ботиком и весть до Шлиссельбурга на ямских подводах и будучи в дороге смотреть прилежно, чтоб его не испортить, понеже судно старое, того ради ехать днем, а ночью стоять, и где выбоины, спускать потихоньку. Також нигде по городам и деревням во дворы и на улицах его не ставить для опасения от пожаров, а где позовет случай с оным остановиться, то ставить его вне городов и деревень на полях далее от строений и ставить к нему часовых, для чего дается тебе капрал и 12 человек солдат»⁸.

Прибытие ботика в Петербург было приурочено ко дню рождения Петра. Накануне, 29 мая 1723 года, царь сам привел ботик из Шлиссельбурга по Неве к Александро-Невскому монастырю, где его торжественно встречали высшие сановники, генералитет и посольский корпус, прибывшие туда на судах Невской партикулярной флотилии.

В «Записной книге Санкт-Петербургской крепости» зафиксировано: «В 30 день в праздник Исакия Долматского то есть в день рождения Его Императорского Величества по полуночи в 9-м часу как Его Величество изволил прибыть на парусных и на гребных судах и[з] Шлютелбурга в Санкт-Петербург и как оные суда появились по Неве реке от новой Крепости, и тогда отдан Комплемент прибывшему маленькому ботику пушечною стрельбою со всего Города (Петропавловской крепости — авт.) один залп а потом Лейб Гвардии беглым огнем один же залп, которые были в строю на Троицкой пристани, по том со Адмиралтейства а как Его Величество изволил прибыть на помянутом ботике к Троицкой пристани тогда палили с Города паки второй раз изо всех же пушек, а как изволил вытти после Литоргии из Церкви святых Троицы палили третий раз из пушек всего ж Города. На Городе поднят был Штандарт и по том кушали все знатные персоны в Сенадских полатах, и веселились довольно где изволил присуд-

Ботик Петра Великого в Ботном доме Петропавловской крепости. Гравюра. 1870-е гг.

ствовать и Его Величество своею особою а в вечеру ученен был на воде фейверк близ Троицкой пристани пусканы ракеты верховые, и водяные и зажиган был фейверк и потом пополуночи в 2-м часу разъехались»⁹.

По завершении празднества ботик поместили на верфи в Адмиралтействе. Заботясь о его сохранности, Петр приказал, чтобы в случае пожара в первую очередь спасали корабль, спустив его на воду¹⁰.

11 августа 1723 года «на Котлине острове было поздравление ботика»¹¹ — состоялась его встреча с Балтийским флотом. Ботик, доставленный из Петербурга на галиоте, прошел мимо выстроившихся на Кронштадтском рейде боевых кораблей и стоявших на береговых укреплениях частей сухопутных войск. Его приветствовали залпами орудийного и ружейного салюта, спуском и подъемом флагов, барабанным боем, игрой на трубах и литаврах, криками «ура». В ботике, который буксировали адмиральские шлюпки, находились: его командир — генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, рулевой — адмирал Петр Михайлов (Петр I), лотовый — вице-адмирал А. Д. Меншиков, гребцами были вице-адмиралы П. И. Сиверс, Т. Гордон и контр-адмиралы Н. А. Синявин и Т. Сандерс, у пушечек, отвечая на салюты, располагался оберцейхмейстер флота Х. Отто. На праздничном обеде Петр впервые назвал свой старый бот «дедушкой русского флота»¹².

Вскоре после этого парада, 30 августа 1723 года, в день празднования второй годовщины Ништадтского мира, Петр «повелел сей монумент для вечного сохранения его поставить в Кронверк Санкт-Петербургской крепости, дабы потомство ведало, что до Его Величества весь флот состоял в том одном ботике»¹³. Церемония передачи состоялась незамедлительно: «<...> пополудни в 4-м часу, — записано в крепостном «Журнале», — собирались все знатные персоны, на Троицкую пристань, в мушкатном платье для провожания ботика, в <...> Крепость, и как оной ботик привезли к Городу, к Невской пристани и того палили со онаго из пушек, а когда его ввели в Крепость пополудни в 6-м часу в Невские ворота, и в то время отдана ему честь с Города из 21-й пушки, а поставлен оной ботик, в Государеве болварке, и со всеми его припасы, где изволили присутствовать и Его Величество сам, и тогож вечера учинена была леменация зажиганы были во всех домах по окнам свечи»¹⁴.

В 1724 году ботик вновь участвовал в торжествах, посвященных Ништадтскому миру, и в церемонии встречи у Александро-Невского монастыря «святых мощей святого благоверного князя Александра Невского чудотворца»¹⁵. 2 сентября последовал указ Петра, согласно которому «ботик в 30-м числе августа для торжествования выводить

повсегодно на воду». Этот указ практически исполнялся лишь в 1744 и в 1745 годах по желанию императрицы Елизаветы Петровны¹⁶.

Помещенный в крепость, ботик первое время стоял в открытом каземате, который позже затащили изношенными парусами, а старое судно покрыли просмоленной парусиной¹⁷. В июле 1767 года его перевели в специально построенный по проекту архитектора А. Ф. Виста павильон «Ботный дом»¹⁸. В нем ботик находился в течение почти 170 лет в окружении трофейных знамен — свидетельств русской воинской славы. Лишь несколько раз в особо торжественных случаях он покидал свое пристанище. Так, в мае 1803 года в день столетия Петербурга «поднятием штандарта на ботике, именуемом “дед российского флота”», который был на время торжеств установлен на палубе 110-пушечного корабля «Гавриил», подавали знак для салюта с крепости и флотилии»¹⁹.

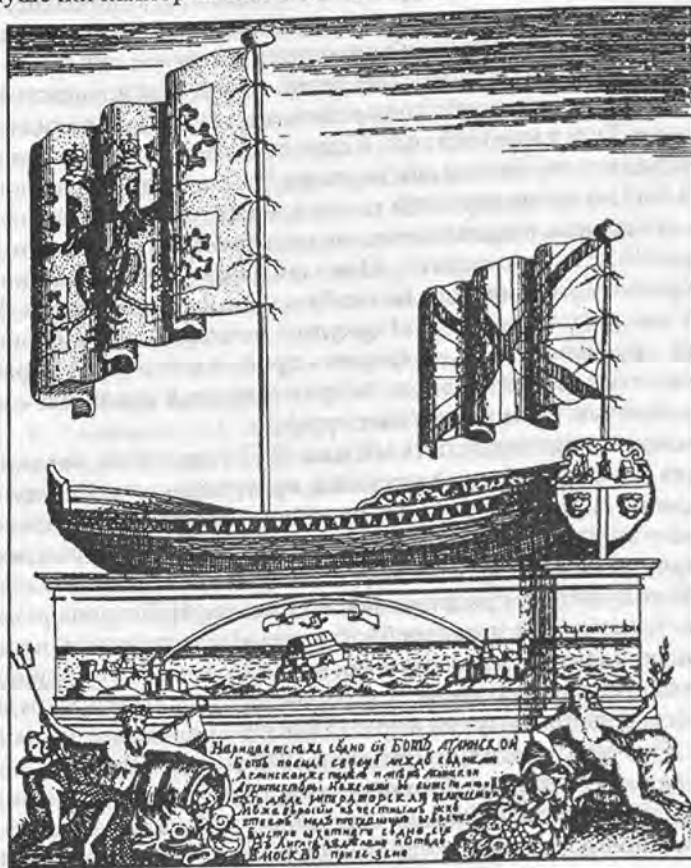
3 июля 1836 года император Николай I повторил петровский парад на Кронштадтском рейде. Ботик был установлен на палубе 24-пушечного колесного парохода «Геркулес» на специальной площадке, покрытой красным сукном. «Геркулес» прошел мимо строя кораблей, протянувшегося на девять верст, сопровождаемый орудийным салютом, барабанным боем и дружным «ура!»²⁰.

В продолжение трех летних месяцев 1872 года ботик находился в Москве на Политехнической выставке, приуроченной к 200-летию со дня рождения Петра Великого. Он совершил свое последнее плавание, пройдя часть пути до павильона Морского отдела, в котором должен был экспонироваться, по Москве-реке на буксире парового катера²¹.

В 1931 году ботику пришлось навсегда покинуть Петропавловскую крепость. Вынесенный за ненадобностью из «Ботного дома», переоборудованного под склад, он, к счастью, не погиб, как многие другие бесценные памятники отечественной истории. Его подобрали сотрудники Петергофских дворцов-музеев и поместили в Вольере близ дворца Монплеизр²². Там он хранился до сентября 1940 года, а затем как национальная морская реликвия был передан в только что открывшийся в Ленинграде Центральный Военно-морской музей. В начале Великой Отечественной войны ботик эвакуировали в Ульяновск, а в марте 1946 года он вернулся в музей и занял свое почетное место в центральном зале. В январе 1997 года ботику вновь пришлось отправиться в путешествие, на этот раз в Соединенные Штаты Америки, в Нью-Йорк. Там он участвовал в фестивале «Салют, Санкт-Петербург!» и был отреставрирован. В середине апреля ботик вернулся на прежнее место в музей²³.

За три с половиной века существования ботик Петра I ремонтировался несколько раз. Первый из известных нам ремонтов был произведен, как уже отмечалось, в 1688 году Брандтом. Следующий — в 1722

перед отправкой судна из Москвы в Петербург. Тогда корабельный подмастерье Пальчиков обтянул его днище запаянными листами красной меди, подправил окраску корпуса и изготовил запасные мачту и бушприт. Примерно в то же время на ботике появилось вооружение — три пушечки калибром всего 1/3 артиллерийского фунта (19 мм)²⁴.

Ботик Петра Великого.
Фрагмент гравюры И. Ф. Зубова. 1722 г.

В следующий раз ремонт производился перед перевозкой ботика в Москву в 1872 году. Неумелое, недостаточно бережное хранение деревянного судна, особенно в конце XVII — первой половине XVIII века, не прошло бесследно: ботик нуждался в серьезной реставрации. Полного перечня произведенных тогда работ не сохранилось, за ис-

ключением сведений о замене прогнившего киля и окраске корпуса с подновлением росписи резного декора. Проведенный уже в 1960–1970-х годах специалистами Центрального Военно-морского музея детальный осмотр ботика показал, что, кроме киля, в 1871–1872 годах была заменена и медная обшивка днища: на многих ее листах обнаружены клейма Адмиралтейского Ижорского завода — «АИЗ», на одном еще и год прокатки — «1871». Фирменные знаки того же завода в виде стилизованного якоря найдены и на всех кованых утках для бегучего такелажа. Вероятно, тогда же взамен поврежденных дубовых установили три новые сосновые банки для гребцов, а также поставили на сурик в кормовой части днища заделки из тонких сосновых дощечек, так как предполагался спуск ботика на воду.

Вследствие перемещений и небрежного хранения многое из того, что находилось на ботике после восстановительных работ 1688 года, оказалось утраченным, в частности, шверцы — бортовые кили, без которых судно не могло ходить под парусами, значительная часть рангоута и такелажа, паруса. В связи с этим в 1974–1975 годах один из авторов настоящей статьи, А. Л. Ларионов, при участии художника-мариниста Е. В. Войшвилло провел исследования для того, чтобы восстановить исторический облик ботика Петра Великого. В журнале «Судостроение» были опубликованы чертежи, по которым стало возможно воссоздать облик судна 1688 года.

В августе 1994 года в Российском государственном Морском историко-культурном центре рассматривалась программа празднования 300-летия Российского Флота летом 1996 года. Тогда же обсуждался вопрос и об участии в параде кораблей на Невском рейде «дедушки русского флота». Техническое состояние ботика не позволило спустить его на воду, поэтому было принято решение построить его точную копию, которая бы могла ходить не только на веслах, но и под парусами. Ее должны были создать на основе разработок Ларионова и Войшвилло.

Право выполнить почетный заказ по конкурсу получило АОТ «Петрозавод», ведущее свою родословную от одного из старейших судостроительных заводов Петербурга — Охтинской Адмиралтейской верфи. Туда были доставлены дуб из Краснодарского края, корабельная сосна и другие необходимые материалы. Организацией всего рабочего процесса руководил заместитель директора верфи Г. Л. Большаков. Комплект рабочих чертежей разработал специалист по строительству маломерных деревянных судов инженер Центрального конструкторского бюро «Редан» О. И. Некрасов.

Торжественная закладка модели петровского ботика в эллинге «Петрозавода» состоялась 12 мая 1995 года в присутствии руководи-

телей Петербурга и Морского центра, ветеранов судостроения и флота, представителей консульств Нидерландов и Германии, а также «Промстройбанка» и фирмы «Чайка», которые оказывали спонсорскую поддержку этому проекту.

Коллектив опытных корабелов, состоявший из судосборщиков К. Миллера, О. Цепасева, А. Шмелева, возглавил главный строитель ботика В. Литвиненко, который вырезал весь сложный кормовой декор судна. Строители старались по возможности придерживаться старинных методов постройки деревянных судов, с которыми им до этого сталкиваться не приходилось. Используя старую технологию, боцман И. Евдокимов изготовил весь такелаж и вручную из парусной ткани тридцатилетней давности сшил паруса. Декоративную роспись корпуса очень точно воспроизвели художники Н. Н. и С. Н. Гульковские.

Менее года потребовалось мастерам «Петрозавода» для выполнения этой сложной и кропотливой работы. 10 января 1996 года она была завершена.

Во время морского парада в Петербурге по случаю Дня Военно-Морского Флота и 300-летия Российского Флота 26 июля 1996 года по Неве мимо современных боевых кораблей прошел на веслах крохотный корабль старинной конструкции, над которым развевались Императорский штандарт и кейзер-флаг. В этот день дублер «дедушки русского флота» прекрасно справился со своей ролью, став символом преемственности славных русских морских традиций. Лет через сто копия петровского ботика и сама, возможно, станет реликвией.

¹ Веселаго Ф. Ф. Сведения о ботике, дедушке русского флота, за 200 лет. СПб., 1888. С. 28–30.

² Цит. по: Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2. С. 399.

³ К. Брандт приехал в Россию в 1667 г. в связи с постройкой «Орла» — первого русского корабля западноевропейской конструкции.

⁴ Цит. по: Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I. СПб., 1994. С. 163.

⁵ Цит. по: Устрялов Н. Г. Там же.

⁶ Выражение из надписи, составленной Петром I для постаментов, на которых был установлен ботик во время торжеств в Москве в январе 1722 г. Полностью она выглядит так: «Децкая утеха принесла мужеский триумф». Цит. по: Веселаго Ф. Ф. Указ. соч. С. 30.

⁷ Цит. по: Павленко Н. И. Петр I: К изучению его социально-политических взглядов // Россия в период реформ Петра I / Сб. статей. М., 1973. С. 52.

⁸ Веселаго Ф. Ф. Указ. соч. С. 27–28.

⁹ «Журнал Санкт-Петербургской крепости за 1717–1725 годы». Библиотека РАН ОРРКК. Ф. 57. Д. 31. 7. 14. Л. 114–114 об.

¹⁰ Веселаго Ф. Ф. Дедушка Русского флота // Русская старина. 1871. Т. IV. С. 471.

¹¹ Походный журнал 1723 года. СПб., 1855. С. 35.

¹² Веселаго Ф. Ф. Сведения о ботике... С. 30–31.

¹³ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1789. Т. VIII. С. 379.

¹⁴ «Журнал Санкт-Петербургской крепости за 1717–1725 годы». Там же. Л. 108 об.—109.

¹⁵ Там же. Л. 126.

¹⁶ Веселаго Ф. Ф. Сведения о ботике... С. 34.

¹⁷ Там же. С. 32.

¹⁸ Михайлов А. Домик в Петропавловской крепости // Архитектурное наследство. М., 1951. Вып. I. С. 59–60.

¹⁹ Санкт-Петербургские ведомости, 1803. 22 мая. № 41. С. 1448.

²⁰ Северная пчела. СПб., 1836. 9 июля. № 154. С. 613–615.

²¹ Петербургский листок, 1872. 1(13) июля. № 106; 5(17) сентября. № 173. Московские ведомости. 1872, 30 мая. № 134; 29 августа. № 217.

²² Измайлов М. Монплеизир, Марли, Эрмитаж: Дворец и павильоны Петра I. М.—Л., 1933. С. 31.

²³ Орешкин А. Дедушку флота обезоружили на границе // Аргументы и факты. Петербург. 1997. № 1–2. С. 3.

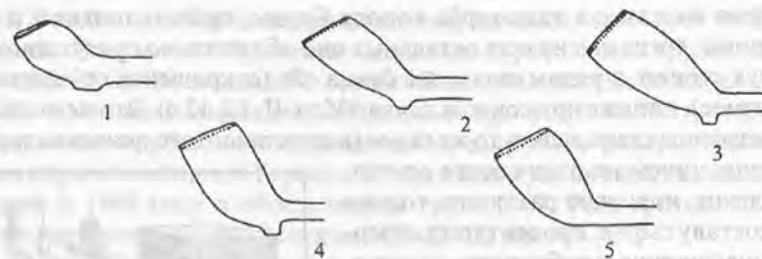
²⁴ Подробнее см.: Стрелов А. Пушки «дедушки русского флота» (о ботике Петра I) // Морской сборник. 1988. № 12. С. 75–77.

Н. М. Зурабян

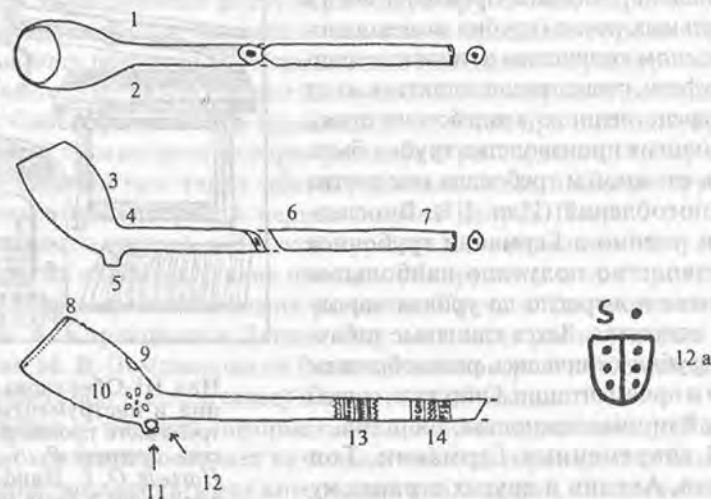
Об истории распространения белоглиняных курительных трубок в Санкт-Петербурге*

Белоглиняные курительные трубки часто находят при земляных работах в культурном слое Петербурга. В России их называют голландскими, а в Англии, Германии, Швеции и других странах — европейскими. Эти трубки первоначально появились в Англии в XVI веке, после того как первые европейцы побывали в Америке¹. Форма индейских трубок не была скопирована, а выработалась в Англии, где традиционно существовало развитое керамическое производство из белой пластичной глины. Однако центром производства глиняных трубок стал голландский город Гауда, куда в 1617 году переселился один из английских мастеров. Уже во второй половине XVII века здесь было несколько сотен трубочников, которые имели свои небольшие мастерские и создали единый цех. В соседних городах, там, где было сырье (беложгущаяся глина), также начали заниматься новым ремеслом². Голландские купцы развозили этот товар по всему свету, но со второй половины XVII века у них появились конкуренты в Германии, Австрии и Пруссии, где быстро возникали одна за другой трубочные мануфактуры. Особенно славился своими трубками Вестервальд³ — район Германии с вековыми традициями керамического производства. Ремесленники из других стран старались в точности воспроизводить голландские образцы трубок, так как именно они пользовались наибольшим спросом на рынке сбыта. Повторялась не только сама

* Настоящая тема была впервые рассмотрена в статье: *Nina Surabian, Martin Kügler. Tonpfeifen des 17. und 18. Jahrhunderts aus St. Petersburg // Knasterkopf. Mitteilungen für Freunde irdener Pfeifen. Heft 9/1997. S. 73–85.* За возможность опубликовать петербургский материал в указанном ежегоднике приношу искреннюю благодарность немецким коллегам: г-ну доктору, профессору Р. Бушу, г-ну доктору М. Кюглеру и г-ну Р. Артикусу.

Илл. I. Типы трубок по Д. Х. Дуко⁴ (установлены в зависимости от формы и времени бытования). 1. Биконическая. 2. Воронкообразная. 3. Овальная (яйцевидная). 4. Со стоячей головкой. 5. Круглодонная.

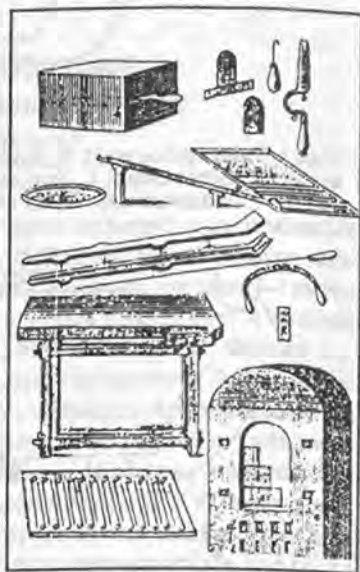
Илл. II. Названия частей трубки по М. Кюглеру. 1. Правая сторона. 2. Левая сторона. 3. Голова. 4. Шея. 5. Пятка. 6. Стебель. 7. Мундштук. 8. Окантовка. 9. Внутренняя марка. 10. Боковая марка. 11. Пяточная марка. 12, 12 а. Боковая пяточная марка. 13. Орнамент стебля. 14. Надпись на стебле.

форма трубки, претерпевшая на протяжении XVI–XIX веков значительные изменения (Илл. I), но и клейма, проставлявшиеся на выступе («пятке»), расположенном в нижней части головы трубки⁵ (Илл. II).

Клейма — знаки той или иной мастерской — были предназначены для различных категорий покупателей и соответствовали их вкусам. В 1740 году голландцы решили защититься от подделок и стали проставлять на лучших экземплярах своей продукции дополнительное боковое

клеймо на пятке в виде герба города Гауды, причем только с левой стороны, тогда как на всех остальных оно обязательно присутствовало с двух сторон, а рядом ставилась буква «S» (сокращение от «slegte» — обычное), а также кружок или точка. (Илл. II. 12, 12 а). Это не помогло: иностранцы стали делать то же самое (вследствие этого немецкие трубки внешне ничем не отличаются от голландских, их можно различить только по составу сырья: процентному содержанию каолина и добавленных компонентов — алебаstra, размельченных костей животных или песка и других веществ). Изготовление трубок требовало специального обжига, производимого в муфельных печах (трубки помещались в большом количестве в глиняные ящики-муфели, позволявшие защитить их от непосредственного воздействия огня). Технология производства трубок была очень сложной и требовала множества приспособлений (Илл. III). Впоследствии именно в Германии трубочное производство получило наибольшее развитие и выросло до уровня народного искусства. Здесь глиняные табачные трубки отличались разнообразием форм и орнаментации. Они стали излюбленной принадлежностью бюргера.

В современных Германии, Голландии, Англии и других странах курительные трубки внимательно изучаются археологами, историками и этнологами, они рассматриваются как часть национальной культуры. В Германии ежегодно (с 1988 года) проходят встречи «друзей глиняных трубок» и выходят периодические издания, посвященные этой теме⁶. В старых западноевропейских городах при проведении археологических раскопок трубки находят в большом количестве. В некоторых местах, связанных с деятельностью определенной мастерской, или в хозяйственных ямах обнаруживают по несколько сотен трубок. Больше всего трубок (семьсот тысяч штук общим весом шесть тонн) было найдено в конце 1980-х годов в Стокгольме.

Илл. III. Оборудование и инструменты трубочного производства. *Sprengel P. N., Hartwig O. L. Handwerke und Künste in Tabellen. 9. Sammlung. Berlin, 1777. Tab. IV.*

В России подобные находки также привлекали внимание исследователей. Впервые изображения глиняных курительных трубок опубликовал М. В. Воеводский в статье «Глиняная посуда Москвы XVI–XVIII веков по материалам, собранным при работах Метростроя»⁷, но изучение трубок не получило такого широкого распространения, как в странах Западной Европы. Следующая публикация вышла в свет только в 1968 году в обобщающем труде Р. Л. Розенфельда «Керамическое производство Москвы XII–XVIII веков».

В Петербурге белоглиняные трубки были найдены в 1952 году А. Д. Грачом в Таможенном переулке на Васильевском острове, и его книга «Археологические раскопки в Ленинграде» (1956) до сих пор является единственной публикацией этих предметов (там же помещены отлично выполненные фотографии двух трубочных марок). Общее количество находок невелико, так как в пределах города не развешиваются широкие археологические изыскания. Культурный слой XVIII века в Петербурге лежит на глубине 1,5–3 метров от поверхности земли. Своеобразные окна прокладывают в нем при помощи шурфов и траншей только архитекторы-реставраторы согласно своему плану работ. Именно при таких обстоятельствах были найдены трубки в Меншиковском дворце, в первом зимнем дворце Петра I (на месте Эрмитажного театра), в Невской куртине Петропавловской крепости и на других объектах. Такие находки обнаружены и при проведении специальных археологических раскопок Грача в Таможенном переулке; В. А. Коренцита в Летнем саду и на месте расположения лаборатории М. В. Ломоносова на Васильевском острове; в Ораниенбауме (на территории Петерштадта) и на других объектах.

Трубки — важный информативный источник для «поздней археологии», который позволяет не только четко датировать тот или иной памятник, но и сделать ряд интересных наблюдений, касающихся торговли, быта, других самых разнообразных сторон жизни.

Об истории появления европейских курительных трубок в России известно очень мало. В XVII веке курение было уже достаточно распространено, чему способствовал пример иностранцев, число которых значительно увеличивалось к этому времени среди жителей Москвы, Новгорода, Пскова, Архангельска и некоторых других городов. Здесь обосновывались иноземные купцы и мастера, работавшие при царском дворе; наемники, служившие в русском войске. По сообщению голштинского путешественника Олеария, в Москве при царе Михаиле Федоровиче проживало до 1000 протестантских семей⁸. Иностранные купцы, среди которых были в основном голландцы, англичане, немцы, получали привилегии на русском рынке и вели за него между собой жестокую

конкурентную борьбу. Табачные трубки стали привозить в Россию, но, так как курение, наряду с употреблением вина, преследовалось властями и строго порицалось церковью, трубками пользовались только иностранцы, для которых в царском указе 1634 года⁹, запрещавшем «пить табак», существовало специальное разрешение. Русским же людям, нарушившим закон, предписывались жестокие наказания. В это время возникла поговорка: «Кто курит табак, тот хуже собаки». При царе Алексее Михайловиче, несмотря на кратковременное разрешение продавать табак от казны, преследования за продажу и потребление табака были продолжены и подтверждены в Уложении 1649 года¹⁰.

Запрет на табак был снят только при Петре I в 1697 году¹¹. Курение входило в «программу европеизации» России наряду с другими нововведениями. Находясь в составе Великого посольства, русский царь посетил Голландию, Германию и в начале 1698 года Англию, после чего англичане получили монополию на ввоз табака в Россию. При помощи английских мастеров в Москве должна была открыться мануфактура табачных изделий, где, по всей вероятности, предполагалось и производство глиняных трубок. Однако английское правительство, недовольное внешней политикой Петра I, воспротивилось этому начинанию и через своего посла приказало уничтожить все оборудование этого предприятия¹². Так в 1698 году началась «торговая война» из-за табака, надолго испортившая отношения между двумя странами. До 1725 года русское правительство ограничивало импорт из Англии, но торговые суда из этой страны все же приходили в Архангельск. В 1704 году в новый порт Санкт-Петербург прибыл только один иностранный корабль — он был английским. Первое же купеческое судно, появившееся у берегов Невы в 1703 году, было голландским¹³. Вполне вероятно, что уже в этой партии груза находились белоглиняные курительные трубки, которые стали одной из главнейших статей голландского экспорта¹⁴. Бочки с трубками имелись в составе товара почти на всех голландских судах. Об этом косвенно свидетельствуют документы из РГА ВМФ. Они содержат сведения о захвате в 1717, 1720, 1721 годах русским каперным флотом нескольких «прейсов» — иностранных купеческих кораблей, каждый из которых помимо прочих товаров, в том числе и табака, имел на борту по шесть бочек с курительными трубками. По указу Петра I их направили в Финляндию для продажи¹⁵. Такой товар поступал не только из Голландии, хотя большинство судов в первой четверти XVIII века приходило именно оттуда. В 1725 году судно с курительными трубками прибыло из Стокгольма в Ревель¹⁶, бывший важным транзитным пунктом в торговле между странами Западной Европы и Россией.

До 1721 года торговля через петербургский порт была незначительной, ежегодно сюда добирались не более 10 иностранных судов — шведы постоянно контролировали путь по Балтийскому морю и всячески препятствовали развитию внешнеэкономических связей России. После заключения Ништадтского мирного договора российской торговле на Балтике уже ничто не угрожало. Количество иностранных кораблей, прибывавших в Петербург, стало стремительно возрастать, причем с 1725 года первенство перешло от Голландии к Англии.

Первоначально жители Санкт-Петербурга не нуждались в большом количестве курительных трубок и табака, так как численность населения города была еще сравнительно невелика: в 1725 году здесь проживало 40 000 человек¹⁷. Через новый порт проходила значительная часть табачного импорта — 600 тонн ежегодно¹⁸. В 1718 году в столице открылась первая табачная мануфактура. В конце XVIII века, когда население города увеличилось в два раза, курительных трубок было предостаточно. Давно изготовленные, они долгое время хранились в двух нижних казематах правого фланка бастиона Петра I Петропавловской крепости (в то время крепостные помещения сдавались в аренду купцам под торговые склады)¹⁹.

В XVIII веке курение еще не было широко распространено. Помимо знати, которой сам царь приказывал курить на учрежденных в 1718 году ассамблеях, эта привычка «присталала» в основном к военным и купцам. В 1767 году вышел указ о запрещении морским и адмиралтейским служащим курить табак на улицах из опасения пожаров. Для моряков выпускался даже специальный тип трубок, называемый «матросским», — это были короткие трубки в отличие от другого типа, имевшего длину до 80 см. Еще в петровское время белоглиняные табачные трубки стали называть «носогрейками».

Производство белоглиняных трубок налаживалось и в России. Политика протекционизма, поставившая целью развивать российскую промышленность, предполагала уменьшение импорта. В 1723 году мануфактур-коллегия стала «с барабанным боем» разыскивать людей, способных организовать в России производство посуды и табачных трубок из светлой глины на манер голландских, обещая при этом различные выгоды²⁰. На этот призыв откликнулся купец А. К. Гребенщиков, и уже в 1724 году в Москве открылась первая и долгое время единственная трубочная и ценинная фабрика²¹ (желающих заводить такие предприятия почти не было — требовалось специальное сырье, которое трудно было найти, и знание технологии нового производства). Качественная светлая глина привозилась на фабрику Гребен-

щикова из Гжели, расположенной недалеко от Москвы, а производство трубок было организовано с помощью голландца А. Кронфельда, которого вскоре заменил его ученик русский мастер С. И. Политов. Трубки производились в одном цехе, а в другом — кафельные (ценные) плитки. Общее число рабочих составляло 21 человек, оборудование включало трубочные железные станки, медные формы, обрезывательные ножи, стальные катки, клейма и набалдашники. Уже в 1725 году было произведено 1510 грошей (от немецкой единицы счета «gross»; 1 грош = 144 штука) табачных трубок. Часть продукции продавалась в Камор-контору по 20 алтын за грош, часть — в австерии по 40 алтын за грош. Количество произведенной продукции и цены на нее менялись с каждым годом и зависели от конъюнктуры. С 1760 года изделия завода Гребенщикова стали продавать в Петербурге, магазин его товаров открылся на Адмиралтейской стороне. К этому времени на фабрике было развернуто также производство майоликовой посуды, а впоследствии сын Гребенщикова Иван стал самостоятельно разрабатывать неизвестный русским мастерам рецепт фарфоровой массы. Завод Гребенщикова просуществовал до 1774 года.

Сведения о белоглиняных курительных трубках в Петербурге связаны со становлением и развитием производства на основанном в 1744 году Императорском фарфоровом заводе. Императрица Елизавета Петровна поручила дела по его организации барону И. А. Черкасову. В качестве «арканиста» (умельца) был назначен немец К. Гунгер²², которого украл со службы у шведского короля, где он выдавал себя за большого знатока фарфорового производства. Впоследствии он не оправдал возлагавшихся на него надежд и на его место был взят Д. И. Виноградов. Он разработал рецепт первого русского фарфора, по составу своей массы отличавшегося от западноевропейского²³. Виноградов был широко образованным человеком, он учился вместе с М. В. Ломоносовым в Марбурге и Фрейберге, где занимался химией, горным делом и другими науками. Уже тогда он ознакомился с основами керамического производства и знал, из каких компонентов составляется масса для изготовления «порцелиновой посуды» во Франции, Пруссии и Германии, технология приготовления которой близка трубочной. Он писал, что она изготавливается из горшечной или кирпичной глины с добавлением алебаstra, размельченного песка и костей животных²⁴. Фарфоровую массу Виноградов создавал на протяжении нескольких лет, и для этого ему пришлось изучить все стадии керамического производства, тесно связанные между собой и выравнявшие одна из другой: каменный товар → белоглиняные трубки → тонкостенная майолика → дельфтский фаянс → фарфор → фаянс. На

первоначальном этапе становления фарфорового завода большую помощь оказал Гребенщиков. Виноградов и Гунгер приезжали на московскую фабрику и подробно знакомились со всеми видами работ, в том числе и в трубочном цехе. Здесь они заказали первую партию гжельской глины, долгое время служившей сырьем для продукции Императорского завода. Курительные трубки оказались в числе тех немногочисленных видов продукции завода, которые стали изготавливаться в Петербурге. Обжиг производился в небольших печах лабораторного типа и муфелях, изобретенных Виноградовым специально для экспериментальных работ и пригодных только для малых вещей, таких как трубки, табакерки, чашки, набалдашники для тростей.

Эти печи существовали на заводе недолго, до тех пор пока не были установлены трехэтажные печи западноевропейского образца. Их усовершенствованная конструкция позволяла достигать необходимого качества изделий. Трубки выпускались в небольшом количестве, так как основное производство было с самого начала ориентировано на высокохудожественную продукцию для царского двора. Больше внимание уделялось табакеркам, но и трубки, сделанные, вероятно, из фарфора или фаянса, были не только классического голландского образца (их называли «гладкими»), но и новых форм («резные»). Например, одна из них была выполнена в форме пальмовой ветви. В реестре 1758 года, составленном на заводе, было указано, что здесь всего имеется в наличии четыре алебастровые формы для гладких трубок, две деревянные формы на воске и семь табачных трубок (гладких и резных)²⁵. Традиции производства европейских курительных трубок не были забыты и впоследствии. В последней четверти XIX века была выполнена сигаретница, украшенная маленькими декоративными голландскими трубками, которые использовали как мундштуки (сейчас она хранится в коллекции немецкой табачной корпорации «REEMTSMA» в Гамбурге)²⁶.

В Петербурге обычные белоглиняные курительные трубки широкого потребления производили на мелких гончарных предприятиях. В качестве сырья использовалась местная серо-голубая глина, издавна применявшаяся для изготовления посуды. Выходы такой глины имеются в Стрельне, Петергофе, Царском Селе, Шлиссельбурге (при раскопках крепости Орешек белоглиняная керамика отличного качества фиксируется в слое XV века), в Луге, в Боровичах, под Новгородом. Сообщение о наличии в Луге залежей хорошей трубочной глины, обнаруженных немецким купцом Дрехслером, было напечатано в «Журнале фабрик, мануфактур, торговли и моды», который выходил в Лейпциге в начале XIX века²⁷. Дрехслер намеревался открыть производство

качественных табачных трубок, не уступающих голландским. С 1813 по 1820 год в Луге существовала фабрика Нерманта, производившая фаянс²⁸. Рецепт глиняной массы для изготовления белых табачных трубок был близок по составу белоглиняной майолике, то есть голландскому дельфтскому фаянсу или английской веджвудовой посуде. В обзоре выставки мануфактурных изделий 1849 года указывалось, что местные крестьяне хорошо освоили производство посуды, сделанной из обычной трубчатой глины на «манер Веджвудовой»²⁹. На мелких кустарных предприятиях занимались также изготовлением трубок. В самой столице и ее округе были небольшие гончарные заводы³⁰. В районе Шлиссельбургского тракта, недалеко от Императорского фарфорового завода, издавна существовал гончарный завод, который с середины XVIII века специализировался на производстве фаянса. М. В. Фармаковский, специально изучавший материалы, связанные с этим предприятием, предполагал, что так же, как и на московской фабрике Гребенщикова, здесь первоначально изготавливались курительные трубки и кафель. Он же писал о том, что на заводе мог работать П. Эгтебрехт, по поручению Петра I приглашенный в 1718 году из Германии для создания в России фабрики по производству белоглиняных изделий по иностранным образцам³¹. Существуют сведения, что он уехал в Дрезден и там основал свой завод³². Марка с буквой «Э» встречается на белоглиняных трубках, найденных в Петербурге, и могла принадлежать ему.

В столице проживали также ремесленники-одиночки, занимавшиеся только производством трубок. Согласно «Книге адресов Санкт-Петербурга на 1837 год», здесь жил такой иностранный мастер трубчатых и чубучных дел по фамилии Эйрих (Эйрих), его адрес значится по Караванной улице, № 1³³.

Точные указания о трубчатом производстве на небольших петербургских заводах относятся к началу XIX века. Таковым являлся завод купца С. Девятова, существовавший близ Петербурга в 1811–1813 годах. В 1812 году на нем работало 13 человек и было произведено разных изделий 1650 штук³⁴. Сохранилось только одно свидетельство о произведенной здесь трубке из белой глины, которая в начале XX века хранилась на пригородной даче Неклюдовых в городе Острове Псковской губернии³⁵. Трубка была украшена в «стиле русского рококо», характерном для конца XVIII века. В орнаменте читалась фамилия Пушкина. Трубка принадлежала, очевидно, кому-то из родственников поэта, на ней имелась метка завода Девятова: «С. А.».

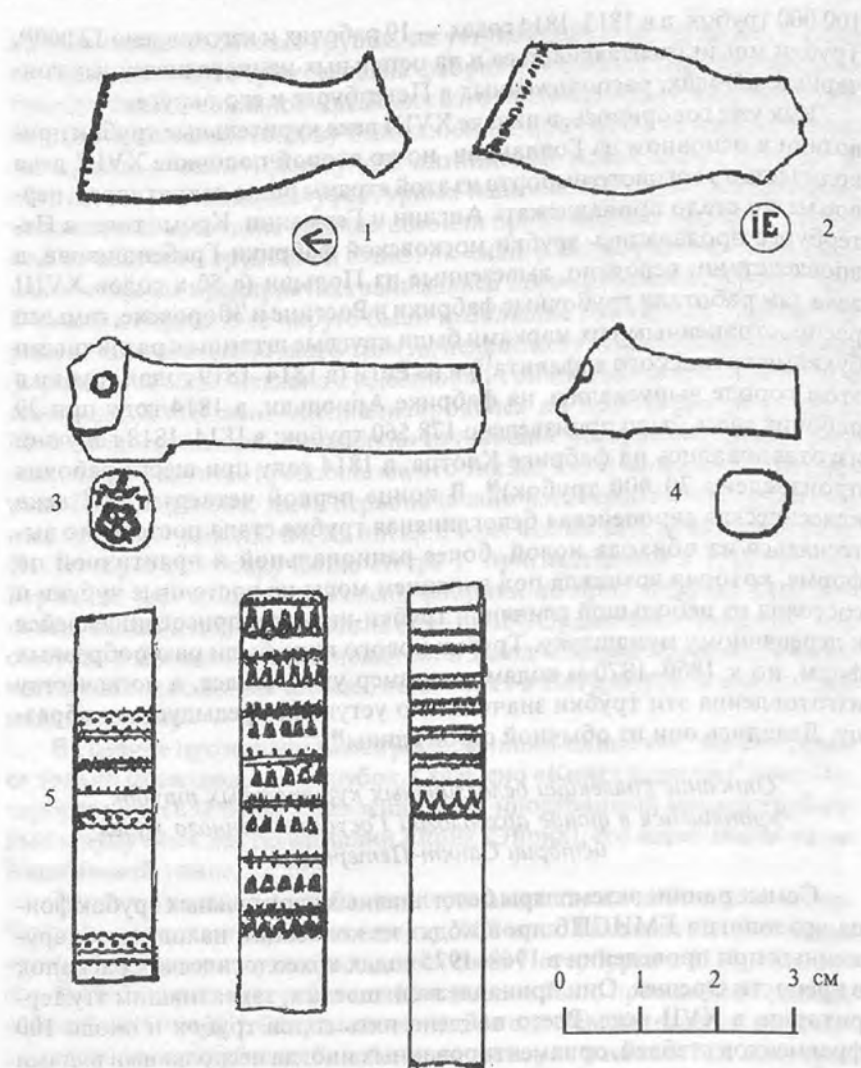
В Петербурге находилась также в 1812–1814 годах фабрика Ивана Витте. В 1812 году на ней работало пять человек и было произведено

100 000 трубок, а в 1813–1814 годах — 19 рабочих и изготовлено 12 000³⁶. Трубки могли изготавливаться и на остальных немногочисленных гончарных заводах, расположенных в Петербурге и его округе.

Как уже говорилось, в начале XVIII века курительные трубки привозили в основном из Голландии, но ко второй половине XVIII века количество торгового импорта из этой страны резко сократилось, первое место стало принадлежать Англии и Германии. Кроме того, в Петербурге продавались трубки московской фабрики Гребенщикова, а впоследствии, вероятно, вывезенные из Польши (с 50-х годов XVIII века там работали трубчатые фабрики в Ростине и Зборовске, самыми распространенными их марками были круглые штампы с различными буквами латинского алфавита³⁷) и из Риги (в 1814–1819 годах трубки в этом городе выпускались на фабрике Арнольди, в 1814 году при 29 рабочих здесь было произведено 178 560 трубок; в 1814–1818 году они изготавливались на фабрике Клотца, в 1814 году при шести рабочих произведено 70 000 трубок)³⁸. В конце первой четверти XIX века классическая европейская белоглиняная трубка стала постепенно вытесняться из обихода новой, более рациональной и практичной по форме, которая возникла под влиянием моды на восточные чубуки и состояла из небольшой глиняной трубки-насадки, присоединявшейся к деревянному мундштуку. Трубки нового вида были разнообразных форм, но к 1860–1870-м годам их размер уменьшился, а по качеству изготовления эти трубки значительно уступали предыдущему образцу. Делались они из обычной серой глины³⁹.

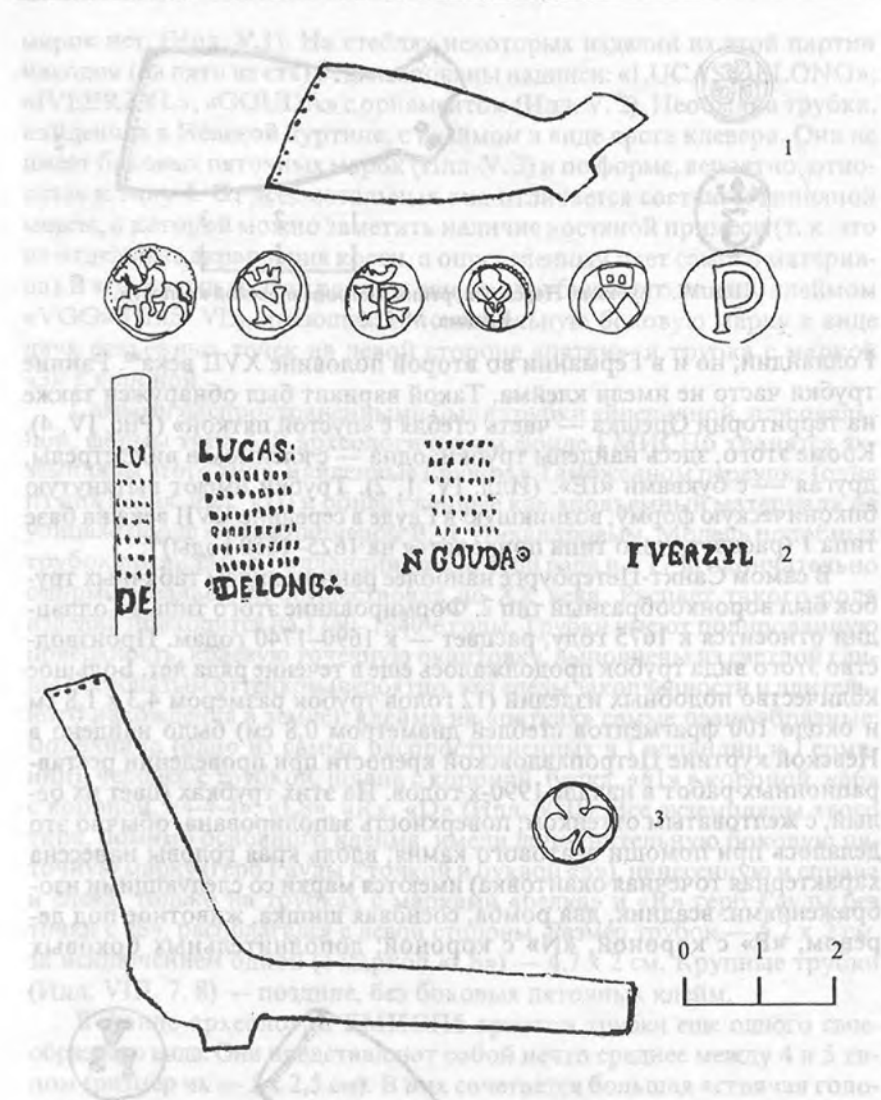
Описание коллекции белоглиняных курительных трубок, хранящейся в фонде археологии Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Самые ранние экземпляры белоглиняных курительных трубок фонда археологии ГМИСПб происходят из коллекции находок, обнаруженных при проведении в 1968–1975 годах археологических раскопок в крепости Орешек. Они принадлежали шведам, захватившим эту территорию в XVII веке. Всего найдено пять голов трубок и около 100 фрагментов стеблей, украшенных иногда несколькими рядами четырехугольного штампа или треугольниками. Некоторые стебли имеют диаметр 0,5 см, другие, более ранние, — 0,9 см. Один такой ранний стебель сохранился вместе с большой овальной «пяткой», имеющей клеймо «роза Тюдоров» — цветок розы с буквами «Т-Т» по бокам (Илл. IV. 3). Роза, увенчанная короной, — эмблема английской королевской династии Тюдоров, снабженная обычно инициалами мастера-трубочника, является самой ранней маркой, распространенной не только в

Илл. IV. Трубки из крепости Орешек*.

* Рисунки выполнены Н. М. Зурабян.

Илл. V. Трубки из Невской куртины Петропавловской крепости.
Клейма. М. 2 : 1.

Илл. VI. Трубки из Невской куртины Петропавловской крепости. Клейма. М. 2 : 1.

Голландии, но и в Германии во второй половине XVII века⁴⁰. Ранние трубки часто не имели клейма. Такой вариант был обнаружен также на территории Орешка — часть стебля с «пустой пяткой» (Рис. IV. 4). Кроме этого, здесь найдены трубки: одна — с клеймом в виде стрелы, другая — с буквами «IE». (Илл. IV. 1, 2). Трубки имеют вытянутую биконическую форму, возникшую в Гауде в середине XVII века на базе типа 1 (расцвет этого типа приходится на 1625–1650 годы)⁴¹.

В самом Санкт-Петербурге наиболее ранним видом табачных трубок был воронкообразный тип 2. Формирование этого типа в Голландии относится к 1675 году, расцвет — к 1690–1740 годам. Производство этого вида трубок продолжалось еще в течение ряда лет. Большое количество подобных изделий (12 голов трубок размером 4,3 x 1,8 см и около 100 фрагментов стеблей диаметром 0,8 см) было найдено в Невской куртине Петропавловской крепости при проведении реставрационных работ в начале 1990-х годов. На этих трубках (цвет их белый, с желтоватым оттенком; поверхность заполирована, обычно это делалось при помощи агатового камня; вдоль края головы нанесена характерная точечная окантовка) имеются марки со следующими изображениями: всадник, два ромба, сосновая шишка, животное под деревом, «P» с короной, «N» с короной; дополнительных боковых

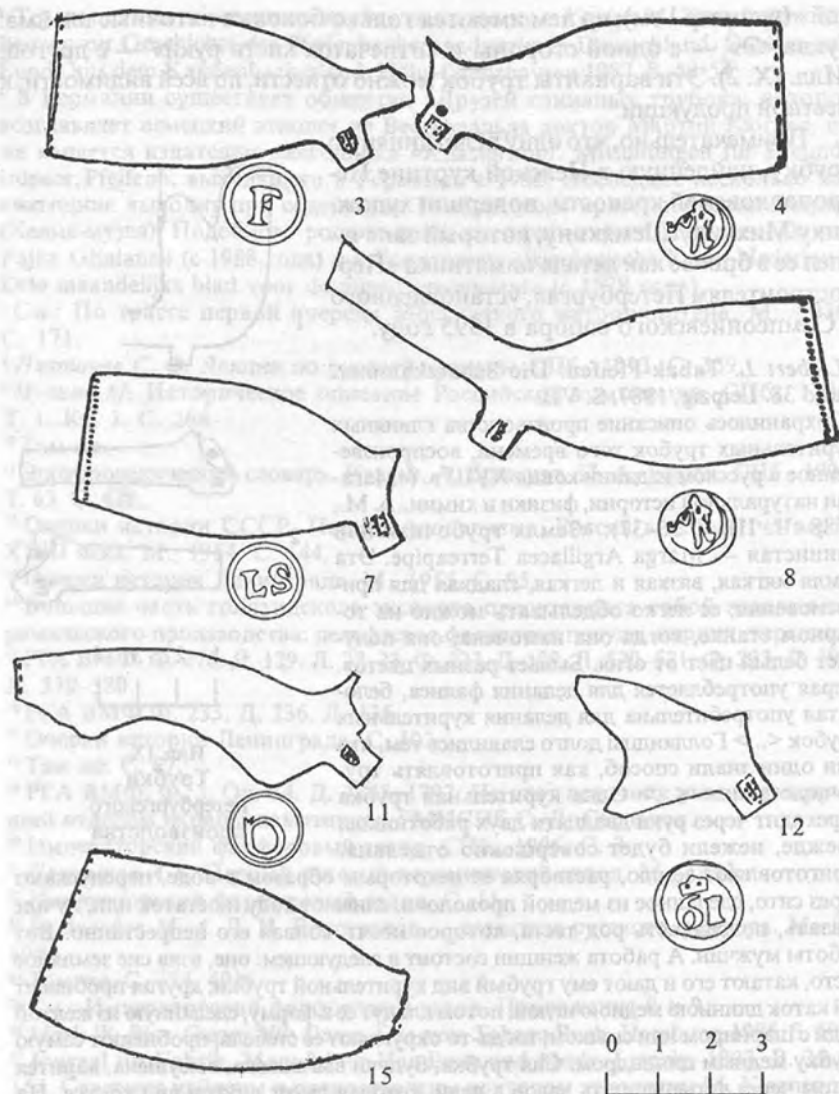
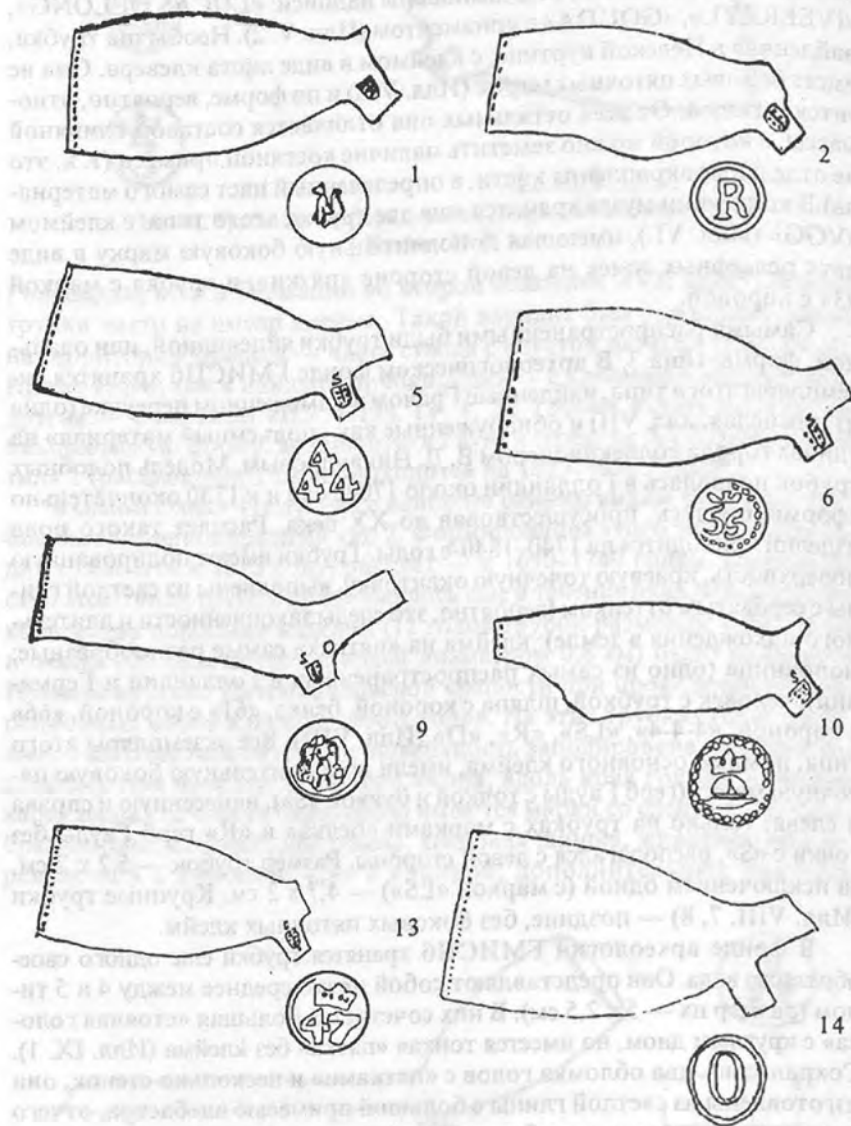

Илл. VII. Трубка, найденная в Таможенном переулке. Клеймо. М. 2 : 1.

марок нет. (Илл. V.1). На стеблях некоторых изделий из этой партии находок (на пяти из ста) отштампованы надписи: «LUCAS DELONG», «IVEERZYL», «GOUDA» с орнаментом (Илл. V. 2). Необычна трубка, найденная в Невской куртине, с клеймом в виде листа клевера. Она не имеет боковых пяточных марок (Илл. V. 3) и по форме, вероятно, относится к типу 4. От всех остальных она отличается составом глиняной массы, в которой можно заметить наличие костяной примеси (т. к. это не отдельные вкрапления кости, а определенный цвет самого материала). В коллекции музея хранятся еще две трубки этого типа: с клеймом «VGG» (Илл. VI.), имеющая дополнительную боковую марку в виде двух рельефных точек на левой стороне «пятки», и трубка с маркой «3» с короной.

Самыми распространенными были трубки яйцевидной, или овальной, формы типа 3. В археологическом фонде ГМИСПб хранятся экземпляры этого типа, найденные Грачом в Таможенном переулке (одна из них целая, илл. VII) и обнаруженные как «подъемный материал» на улицах города коллекционером В. Д. Никандровым. Модель подобных трубок появилась в Голландии около 1700 года и к 1730 окончательно сформировалась, просуществовав до XX века. Расцвет такого рода изделий приходится на 1740–1840-е годы. Трубки имеют полированную поверхность, краевую точечную окантовку, выполнены из светлой глины с сероватым оттенком (вероятно, это следы закопченности и длительного нахождения в земле); клейма на «пятках» самые разнообразные: молочница (одно из самых распространенных в Голландии и Германии), человек с трубкой, шляпа с короной, белка, «61» с короной, «66» с короной, «4-4-4», «LS», «R», «D» (Илл. VIII). Все экземпляры этого типа, помимо основного клейма, имели дополнительную боковую пятую марку (герб Гауды с точкой и буквой «S»), нанесенную и справа и слева, только на трубках с марками «белка» и «R» герб Гауды без точки с «S», располагался с левой стороны. Размер трубок — 5,2 x 2 см, за исключением одной (с маркой «LS») — 4,7 x 2 см. Крупные трубки (Илл. VIII. 7, 8) — поздние, без боковых пяточных клейм.

В фонде археологии ГМИСПб хранятся трубки еще одного своеобразного вида. Они представляют собой нечто среднее между 4 и 5 типом (размер их — 5 x 2,5 см). В них сочетается большая «стоячая голова» с круглым дном, но имеется тонкая «пятка» без клейма (Илл. IX. 1). Сохранились два обломка голов с «пятками» и несколько стенок, они изготовлены из светлой глины с большой примесью алебаstra, отчего черепок здесь получил особенно белый цвет, стал тонким и пористым. К необычным можно отнести и фрагмент толстого (диаметром 1,1 см) трубчатого стебля из желтоватой глины, с овальной увеличенной «пят-

Илл. VIII. Трубки типа 3. Клейма. М. 2 : 1.

кой» (диаметр 1 см); на нем имеются только боковые пятчатые клейма: буква «Э» — с одной стороны и «отпечаток кисти руки» — с другой. (Илл. IX. 2). Эти варианты трубок можно отнести, по всей видимости, к местной продукции.

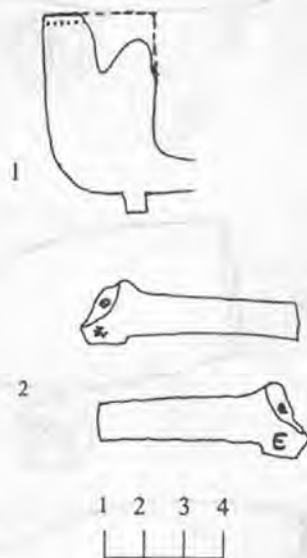
Примечательно, что одну белоглиняную трубку, найденную в Невской куртине Петропавловской крепости, подарили художнику Михаилу Шемякину, который запечатлел ее в бронзе как деталь памятника «Первопроходителям Петербурга», установленного у Сампсониевского собора в 1995 году.

¹ Liebert L. Tabak-Pfeifen. Die Schatzkammer. Band 38. Leipzig, 1987. S. VII.

² Сохранилось описание производства глиняных курительных трубок того времени, воспроизведенное в русском издании конца XVIII в. («Магазин натуральной истории, физики и химии...». М., 1788. Ч. III. С. 36–37): «Земля трубчатая или глинистая — Marga Argillacea Tergearipe. Эта земля мягкая, вязкая и легкая, гладкая для прикосновения; ее легко обделывать можно на токарном станке, когда она намочена; она получает белый цвет от огня. Бывает разных цветов. Серая употребляется для делания фаянса, беловатая употребительна для делания курительных трубок <...> Голландцы долго славятся тем, что они одни знали способ, как приготовить трубчатую землю <...> Одна курительная трубка переходит через руки двадцати двух работников, прежде, нежели будет совершенно отделана. Приготавливают землю, растворяя ее некоторым образом в воде, перепускают через сито, сделанное из медной проволоки, сливают воду и остаток или, лучше сказать, подсед, есть род теста, которое месят, сбивая его непрерывно. Вот работы мужчин. А работа женщины состоит в следующем: оне, взяв сие земляное тесто, катают его и дают ему грубый вид курительной трубки; другая пробивает сей каток длинною медною иглою; потом кладут ее в форму, сделанную из желтой меди с шарниром или смычком; тогда-то округляют ее стебель, пробивают самую трубку медным цилиндром. Сия трубка, будучи выглажена, высушена, варится потом через четырнадцать часов в печи, которая имеет внутри вид конуса. На сии трубки бросают другие разбитые и превращенные в песок, которые служат им вместо бани во время варения». Цит. по: Салтыков А. Б. Первый русский керамический завод. М., 1952. С. 38.

³ Kügler M. Pfeifenbäckerei im Westerwald. Köln, 1995. S. 40.

⁴ Типы трубок даны по Duco D. H. De Nederlandse kleiijp. Handboek voor dateren en determineren. Leiden, 1987. S. 27f.

Илл. IX
Трубки
петербургского
производства

⁵ Терминология и описание трубок даны по кн.: Kügler M. Tonpfeifen. Ein Beitrag zur Geschichte des Pfeifenbäckhandwerks in Deutschland. Quellen und Funde aus dem Kannenbäckland. Höhr-Grenzhausen, 1987. S. 50–54.

⁶ В Германии существует общество «Друзей глиняных трубок», которое возглавляет немецкий этнолог из Вестервальда доктор Мартин Кюглер, он же является издателем ежегодника «Knasterkopf. Mitteilungen für Freunde irdener Pfeifen», выходящего в Германии с 1988. Последние несколько лет ежегодник выходит при содействии Гамбургского археологического музея (Хелмс-музея). Подобного рода издания имеются также в Польше: «Dawna Fajka Gliniana» (с 1988 года) и в Голландии: «Pijpelogische Kring Nederland. Drie maandelijks blad voor de pijpenverzamelaar» (с 1978 года).

⁷ См.: По трассе первой очереди Московского метрополитена, М., 1936. С. 171.

⁸ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1993. С. 359.

⁹ Чулков М. Историческое описание Российской коммерции. СПб., 1781. Т. 1. Кн. 1. С. 266.

¹⁰ Там же.

¹¹ Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1901. Т. 63. С. 428.

¹² Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. М., 1954. С. 144.

¹³ Очерки истории Ленинграда. М., 1955. С. 85.

¹⁴ Большая часть голландского экспорта представляла собой изделия керамического производства: дельфтская фаянсовая посуда, кирпич, черепица.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 176. Д. 129. Л. 22–23. Ф. 233. Д. 189. Л. 520–521. Ф. 233. Д. 198. Л. 579–580.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 233. Д. 236. Л. 435.

¹⁷ Очерки истории Ленинграда. С. 103.

¹⁸ Там же. С. 87.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 2745. 1797. На этот источник указал заведующий отделом охраны памятников ГМИСПб С. Д. Степанов.

²⁰ Императорский фарфоровый завод. СПб., 1906. С. 3.

²¹ Салтыков А. Б. Первый русский керамический завод. М., 1952.

²² Императорский фарфоровый завод. С. 11.

²³ Безбородов М. А. Д. И. Виноградов — создатель русского фарфора. М.—Л., 1950.

²⁴ Там же. С. 394, 401.

²⁵ См.: Императорский фарфоровый завод. Приложение 8 и 9.

²⁶ Mark W. Rien, Gustav Nils Doren. Das neue Tabago Buch. Hamburg, 1985. S. 60.

²⁷ Journal für Fabrik, Manufaktur, Handlung und Mode. Leipzig, 1803. В. 25. S. 154. Сведения найдены и предоставлены доктором этнологии М. Кюглером.

²⁸ Фарфор и фаянс Российской империи. М., 1993. С. 77.

²⁹ Максимович А. Обзор выставки мануфактурных изделий Санкт-Петербурга. СПб., 1850. С. 359.

³⁰ Салтыков А. Б. Русская керамика. С. 48–49.

³¹ Фармаковский М. Существуют ли изделия казенной фаянсовой фабрики? // Старина и искусство. Л., 1928. С. 49.

- ³² Императорский фарфоровый завод. С. 3.
³³ Книга адресов Санкт-Петербурга на 1837 г. СПб., 1837. С. 1448.
³⁴ Фарфор и фаянс... С. 71.
³⁵ Лазаревский И. Несколько неизвестных марок русского фарфора. Нижпо-
 лиграф. 1923. С. 14.
³⁶ Фарфор и фаянс... С. 69.
³⁷ Zimmerman E., Kügler M. Die Marken auf den Tonpfeifen der Fabrik in Rostin
 // Klnasterkopf. Heft 6. 1992. S. 15.
³⁸ Фарфор и фаянс... С. 96–97.
³⁹ Зурабян Н. М. Поздняя археология и коллекция глиняных курительных
 трубок из фонда Государственного музея истории Санкт-Петербурга // Краеведческие записки. СПб., 1995. Вып. 3. С. 25.
⁴⁰ Liebert L. Von Tabak. Dosen und Pfeifen. Leipzig, 1984. S. 70–85.
⁴¹ Здесь и далее основные датировки типов и их характеристика даются по
 D. H. Disco (Илл. I), см.: Buchholz R. Tonpfeifen des 17.-19. Jahrhunderts als
 Bodenfunde aus dem Wismarer Stadtkern // Wismarer Studien zur Archäologie
 und Geschichte. Band 2/1992. S. 74.

Е. А. Коржевская

Культурно-патриотическая жизнь Петрограда в годы первой мировой войны (по материалам фонда тиражированной графики ГМИСПб)*

Фонд тиражированной графики Государственного музея истории Санкт-Петербурга (ФТГ ГМИСПб), выделенный в самостоятельную структуру в 1981 году, насчитывает около 40 000 единиц хранения. В состав фонда входят коллекции плакатов, афиш, пригласительных билетов, программ, меню, календарей, этикеток, марок, игральные карты. Среди полуторатысячной коллекции дореволюционных афиш заслуживают особого внимания материалы, которые рассказывают о культурно-патриотических мероприятиях, проходивших в Петрограде в период первой мировой войны, и о благотворительности, сбор средств от которой шел на нужды действующей армии, увечных воинов, вдов и сирот.

Афиши и программы представлений из музейного собрания свидетельствуют, что с первых дней войны репертуар столичных театров был решительно и оперативно перестроен. В атмосфере патриотического воодушевления, всеобщего энтузиазма и уверенности в скорой победе на подмостках частных театров проходили так называемые «злободневные пьесы». В одних венчались лаврами русские воины-герои и их доблестные союзники, в других лихо высмеивались их незадачливые, трусливые и глупые неприятели. Авторами пьес были столичные литераторы и журналисты. В афишах, как правило, их фамилии не указывались или давались без инициалов, вследствие чего без дополнительного исследования восстановить их пока не представляется возможным.

* Статья написана на основе доклада, прочитанного автором в феврале 1995 г. на научной конференции в РНБ.

© Е. А. Коржевская

Афиши, хранящиеся в ФТГ ГМИСПб, сообщают, что уже 14 августа 1914 года в театре «Летний Буфф» (наб. р. Фонтанки, 114) шла патриотическая пьеса В. П. Валентинова «На позициях», венчавшаяся апофеозом «Слава России и союзникам»¹. 23 августа 1914 года в Луна-парке (Офицерская ул., 39) прошло представление «Грянул бой». В списке действующих лиц перечислены: «Австрия, Сербия, Франция, Англия, славянин, участники массовых сцен — дипломаты и офицеры»². Афиша от 18 сентября 1914 года приглашала в Троицкий театр (Троицкая ул., 18) на представление, включавшее драматический этюд в одном действии «Милосердие» и буффонаду «Недотепа»³. Громом аплодисментов встречали зрители героев «Милосердия» — рядового Закусина, сестру милосердия, доктора. Хохот царил в зале при появлении исполнителей буффонады: «среднего немца», его жены, «злого гения» Круппа. Нетрудно догадаться, какова была реакция зрителей, когда в том же театре 16 октября 1914 года в первом отделении давали «драму из второй Отечественной войны» «Расплата» И. Янина, а во втором — шутку «Немец» Савицкого⁴.

Сводные афиши петроградских частных театров, изданные в октябре 1914 года, свидетельствуют, что все театры включили в свой репертуар злободневные патриотические представления. Упомянутый ранее Троицкий театр осуществил постановку пьесы «Далеко от родной земли» (автор не указан)⁵. В театре Суворина (наб. р. Фонтанки, 65) с успехом шла драма на тему современной военной жизни сочинения М. В. Дальского «Позор Германии»⁶. В «Кривом зеркале» (Екатерининский канал, 90) поставили пьесу «Немецкая идиллия», гротеск

ТРОИЦКИЙ ТЕАТРЪ
Троицкая, 18. Тел. 174—29.
Дирекция А. М. ФОКИНА.

Сегодня, въ Четвергъ,
16-го Октября 1914 года,

ПРЕМЬЕРА!
НОВАЯ программа.

РАСПЛАТА
Драм. в 3-х актах (второй Отечественной войны), пьеса И. Янина.
Художник А. В. Гуров.

ВО ПОЛЪ ВЕРЕЗЫНКА СТОЯЛА ВАЛЕТЪ.
Уч. пьеса А. Савицкого, Буффонада, комедия, 1 акт.
Художник Л. С. Шенников.

НЕМЕЦЪ
Шутка в 1 акте, пьеса А. Савицкого.
Художник Л. С. Шенников.

ВЕРСАЛЬ
Пьеса.
Уч. пьеса А. Савицкого, Буффонада, комедия, 1 акт.
Художник А. В. Гуров.

Афиша Троицкого театра. 1914 г.
Фрагмент.

гротеск «Мальбрук в поход собрался» и патетический этюд «1814—1914»⁷. Литейный Интимный театр (Литейный проспект, 51) приглашал зрителя на сатиру «Бронированный Фауст»⁸. В Палас-театре на Михайловской площади давали «новую патриотическую оперетту» «Под шрапнелью»⁹.

Цирк Чинизелли (наб. р. Фонтанки, 3) приглашал в октябре на постановку «грандиозной обстановочной пьесы в 3-х действиях» А. Яковлева «Герой мировой войны 1914 г.». Пьеса имела и второе название «За царя, за Родину и славянство». В пьесе участвовало более 200 исполнителей. Афиша уточняла порядок картин, сменявших друг друга: «1. В Сербии перед войной; 2. В Петрограде. Июль 1914 г.; 3. Мобилизация; 4. Варвары 20 века. Геройская смерть русских патриотов; 5. На театре войны. Подвиг донца К. Крюкова; 6. В госпитале. Раненые герои. На новые подвиги; 7. Апофеоз. Союз на погибель врага. Блестящая группа — Россия и ее союзники, окруженные доблестными героями войны»¹⁰.

Цирк «Модерн» (Кронверкский проспект, 13) анонсировал «злободневное обозрение» — «Кровавые рыцари», а в декабре 1914 года «обстановочную пьесу» «Торжество держав» (А. В. Бобрищев-Пушкин). Оба представления отличались размахом — число участников превышало 200 человек, включая оркестрантов двух оркестров¹¹. Цирковые представления, как и постановки частных театров, собирали полные залы.

Императорский Мариинский театр открыл свой первый военный сезон сборными спектаклями. «Шли отдельные картины классических балетов и divertissement, составленный из танцев России и танцев ее союзников»¹². Балеты не представляли для публики особого интереса, но «divertissement, который вполне отвечал настроению момента, и исполнение танцев захватили переполненный зал»¹³. Афиша Мариинского театра от 11 октября 1914 года приглашала на патриотический спектакль, который устраивала А. А. Суворина¹⁴. В первом отделении давалась «политическая картина с апофеозом» — «Торжество держав». Судя по тому, что план постановки был предложен В. Э. Мейерхольдом, декорации писались по эскизам С. Ю. Судейкина, костюмы и бутафорию проектировал А. А. Радлов, данное действо вряд ли можно было упрекнуть в низкой художественности. Во втором отделении ставилась драма «Радуйтесь, мы побеждаем», в третьем — «Гений Бельгии». В концерте артисты балета исполнили танец «Бой орлов», польские и сербские танцы. Наибольший успех имела московская балерина Е. В. Гельцер в танце «Гений Бельгии». Этот номер был поставлен хореографом А. А. Горским на музыку бельгийского военного марша

и пользовался у москвичей успехом. Известную балерину срочно выписали в Петроград. «Когда на фоне залитой солнцем славянской деревушки, под звуки военного марша (симфоническому оркестру вторили два духовых оркестра за сценой), в легком плаще, соединяющем национальные цвета, в блестящем шлеме с развевающимися белыми перьями, с фанфарой в руках, олицетворяя маленькую героическую Бельгию, показалась Е. В. Гельцер, театр буквально содрогнулся от грома рукоплесканий, не прекращавшихся во время всего танца»¹⁵, — отмечал рецензент. Сбор от грандиозного концерта был отправлен на оборудование лазарета для солдат и приюта для сирот — детей павших воинов.

«Злободневные постановки» недолго продержались на сценах Петрограда, так как к концу первой военной осени стал явственно ощущаться разительный контраст между трагической военной действительностью и молодецкой мажорностью патриотических представлений. Зрителю стало ясно, что до апофеоза России и союзных держав очень далеко. Газеты и журналы помещали списки убитых, в витринах висели бюллетени с печальными перечнями раненых, в городе открывались один за другим лазареты для увечных воинов. С начала 1915 года вышеперечисленные пьесы перестали упоминаться на петроградских театральных афишах.

Патриотизм столичных артистов не исчерпывался игрой в спектаклях на военную тему. С первых дней войны афиши возвещали о проведении представлений, сбор от которых шел на нужды армии. Сотни концертов дала в помощь сражающимся и раненым бойцам, их семьям, беженцам удивительная русская певица М. И. Горленко-Долина. Дочь офицера русской армии, она в годы первой мировой войны целиком посвятила себя благотворительной деятельности. Свои знаменитые «патриотические концерты» певица устраивала сначала в зале армии и флота (Литейный проспект, 20), а затем в цирке Чинизелли. Выступала она не одна. Долина получила разрешение на участие в ее концертах военных музыкантов, песенников, танцоров гвардейских полков. В программах ее концертов были задействованы хоры певчих Преображенского, Измайловского, Гренадерского, Московского, Волынского полков, оркестры балалаечников и гуслей Смоленского полка, духовой оркестр Гвардейского флотского экипажа. Общее число участников превышало пятьсот человек. В собрании ГМИСПб хранятся десятки афиш, сообщавших о концертах Долиной¹⁶. Благодаря афишам известно, что первые 16 патриотических концертов певицы дали более 58 000 рублей сбора, отправленного на нужды фронта. Сбор от 17-го предполагалось употребить в пользу Бельгийского комитета для оказа-

ния помощи Бельгии, пострадавшей от войны. Перед началом этого концерта певица попросила присутствовавших почтить память усопшего героя Его Высочества князя Олега Константиновича и всех павших за свободу Бельгии героев-воинов вставанием. Открылся концерт исполнением «Молитвы ангелу на поле брани» (музыка Патрушева, слова В. К-ого):

«Внемли, Милосердный, горячей мольбе,
Прими их, погибших в жестокой борьбе,
Прими их, и в страшные судные дни
В селениях горних ты их учини».

Затем были исполнены гимны союзных держав, читались стихи (например, «Августейшей сестре милосердия Вел. Княжне Ольге Александровне» и др.). Отметим, между прочим, что на этом концерте Игорь Северянин прочел перед собравшимися «Поэму о Бельгии». Венчал патриотическое «Бельгийское утро» просмотр кинокартины, созданной Скобелевским комитетом «Подвиг Архипа Осипова» (автор неизвестен)¹⁷.

На афишах всегда указывалось, кому предназначались средства от концертов Долиной. Так, например, сбор от 18-го концерта предполагалось направить в пользу детей приюта имени Ее Императорского Величества великой княжны Марии Николаевны; 33-го — в распоряжение графини Н. Ф. Карловой для лазарета при Общине Красного Креста в Петергофе; 44-го — лазарету ополчения Петроградского военного округа; 45-го — убежищу имени Св. Екатерины «Кусок хлеба увечному воину»; 46-го — на нужды пострадавшим на войне российским военным фельдшерам; 48-го — в пользу Инвалидного дома для увечных воинов при Братстве святителя Иоасафа Белгородского; 49-го — для содержания в пути раненых героев-воинов в санитарном поезде имени «Русского солдата»; 50-го — для устройства в Крыму санатория для раненых и увечных героев войны; 68-го — комитету петроградского лазарета-пристанища для раненых воинов (10-я линия, 37); 69-го — лазарету для раненых лейб-егерей; 73-го — польским приютам для сирот и детей, пострадавших от войны; 93-го — на приобретение пасхальных подарков для воинов на передовых; 100-го — на нужды Георгиевского комитета и так далее¹⁸. Военные автомобилисты, сражавшиеся на передовых позициях, назвали свой отряд именем прекрасной подвижницы-певицы. Сбор от «102, последнего в этом сезоне патриотического концерта», который она дала в цирке Чинизелли 24 апреля 1916 года, был передан комитету по возобновлению инвентаря отряда автомобилистов имени М. И. Горленко-Долиной¹⁹.

Более ста концертов, сбор от которых был направлен на нужды воинов на фронте и содержание приютов и лазаретов, дали в Петрограде артисты Н. Н. Ходотов и К. Н. Де-Лазари. Эти концерты проходили в ресторанах, на улицах, на благотворительных базарах, в кинотеатрах, кабаре. Артисты выступали с декламациями, куплетами, а к моменту кружечного сбора изображали живые картины: «Калики перехожие», «Слепцы-бандуристы» и т. д. Концерты этих мастеров, как уверял журнал «Солнце России», «увенчались блестящими материальными сборами в пользу армии»²⁰. Ходотов и Де-Лазари были членами союза «Артист — солдат». Имеющиеся в ФТГ афиши позволяют уточнить, что деньги, полученные за концерты, этот союз перечислил санитарному поезду «Артист — артисту-воину»²¹.

Живейшее участие в благотворительных мероприятиях принимал Мариинский театр. Его афиши возвещали, куда направляются сборы от концертов. Вот список мероприятий Мариинского театра, проводившихся в 1914–1916 годах.

1 ноября 1914 года был дан концерт, который собрал средства, переданные в пользу лазарета для больных и раненых воинов имени артистов Императорских петроградских театров. На концерте исполнялись гимны союзных держав, славянские танцы и другие номера²². 8 ноября 1914 года театр перечислил сбор от концерта с участием Ф. И. Шаляпина, М. Ф. Кшесинской, О. И. Преображенской, М. Г. Савиной и других известных артистов в пользу Бельгии, пострадавшей от неприятеля²³. 12 декабря 1914 года театр перечислил средства, полученные от концерта с участием Л. В. Собинова «в пользу раненых и разоренной Польши»²⁴. 14 февраля 1915 года собранные средства были направлены на оказание помощи семьям артистов, призванных на войну²⁵. 7 марта 1915 года хор и оркестр Императорской оперы исполнили «Реквием» Дж. Верди. Сбор перечислили на приобретение подарков воинам передовых позиций²⁶. 4 апреля 1915 года сбор от спектакля-концерта, устроенного артистами театров, отправлен был на покупку подарков союзникам-англичанам²⁷. 31 октября 1915 года — сбор в пользу Всероссийского общества помощи военнопленным²⁸. 16 апреля 1916 года — в пользу лазаретов Елизаветинской общины. В концерте участвовали О. А. Спесивцева, Е. М. Люком и Е. П. Гердт²⁹.

Часто в благотворительных концертах Мариинского театра принимал участие композитор А. К. Глазунов, исполнявший на рояле собственный парафраз на темы союзных гимнов³⁰.

Мариинский театр, как правило, приглашал участвовать в патриотических концертах артистов всех императорских театров, таким образом, в них соединялись лучшие силы драмы, оперы и балета столицы.

Афиши Александринского театра сообщали, что на сцене в патриотических вечерах выступали артисты балета, оперы, драмы. Например, афиша от 12 апреля 1916 года уведомляла, что сбор средств сборного концерта перечислялся в пользу Всероссийского общества помощи военнопленным³¹.

Михайловский театр также предоставлял сцену для сводных патриотических концертов. 9 ноября 1914 года сбор от концерта в нем был перечислен беженцам Привислинского края. На сцене выступали В. Н. Давыдов, М. Ф. Кшесинская, О. И. Преображенская³². 26 апреля 1915 года был дан концерт в пользу Комитета по оказанию помощи Сербии³³. 19 апреля 1916 года В. А. Мичурина устроила в Михайловском театре спектакль с целью сбора средств на подарки «доблестным пластунам Кавказской армии»³⁴. Здесь демонстрировались и военные фильмы³⁵.

Сборы, которые приносили концерты в императорских театрах, были значительны. Достаточно сказать, что цены на билеты патриотических спектаклей, например, в Мариинском театре, были следующие: ложи — от 100 до 150 рублей; бенеуар — 90; второй ярус — 60; партер — 25–30. Самые дешевые билеты стоили два рубля.

Часто на афишах музыкальных театров Петрограда, возвещавших о благотворительных спектаклях, встречается имя Л. В. Собинова. Средства от его четырех концертов в Оперном театре при Народном доме императора Николая II (Александровский парк, 4) были перечислены в пользу комитета Мраморного дворца на нужды раненых воинов³⁶.

Особо следует выделить афиши патриотических концертов, которые дал оркестр под управлением графа А. Д. Шереметева. Основатель Музыкально-исторического общества (1910), он еще до войны стал выступать с благотворительными симфоническими программами. Сбор от его военно-патриотических концертов были перечислены пострадавшим от военных действий в Сербии (15 февраля 1915 года)³⁷, в пользу Петроградского комитета Союза помощи городов больным и раненым воинам (8 марта 1915 года)³⁸, Георгиевскому комитету (27 апреля 1916 года)³⁹, лазарету № 151 (12 февраля 1917 года)⁴⁰, на покупку пасхальных подарков воинам Лейб-гвардии Павловского полка (26 февраля 1917 года)⁴¹.

Сбор от благотворительных концертов симфонического оркестра под управлением А. К. Глазунова с участием пианиста А. И. Зилоти в 1914–1916 годах в Большом и Малом залах Консерватории был перечислен на содержание организованного при ней лазарета (стоимость билетов была от 30 копеек до 10 рублей)⁴². Лазарет при Консерватории поддерживали сборами от концертов исполнитель цыганских романсов

Ю. С. Морфесси, хор А. А. Архангельского, артисты балета Мариинского театра, выступавшие в Малом зале с дивертисментом, и другие подвижники музыкальной культуры⁴³. Известно, что поддержка раненым оказывалась не только сборами средств. В палатах часто звучала прекрасная музыка, утешавшая и поднимавшая дух увечных.

На нужды войны перечисляли средства от концертов С. А. Кусевички и А. И. Зилоти. Кусевичкий, кроме того, с 20 ноября по 5 декабря 1914 года ездил с патриотическими концертами по провинции, весь сбор от которых перечислялся в пользу воинов на передовой и раненых⁴⁴.

В собрании ФТГ ГМИСПб хранится афиша концертов Великоорусского оркестра под управлением В. В. Андреева. Сборы, полученные от концертов 5 декабря 1914 и 7 марта 1915 года, оркестр передал на нужды раненых и больных воинов⁴⁵.

Включились в патриотическую благотворительность и петроградские книгоиздатели и писатели. Было создано Общество русских писателей для помощи жертвам войны. На афише 1915 года, рекламировавшей сборники «Отечество», указано, что весь доход от продажи книг был отдан в распоряжение Общества⁴⁶.

В военном Петрограде в различных аудиториях читались доклады и лекции с отчислением средств русским ученым-воинам, а также на другие военные нужды. Об этом сообщают афиши лекции И. С. Степановского «Германизация России», проходившей в Концертном зале Тенишевского училища⁴⁷; профессора М. М. Ковалевского «В плену», в Александровском зале Городской думы⁴⁸; там же проводилась беседа П. Н. Милюкова «Франция в мировой войне»⁴⁹.

Сбор от многочисленных выставок также перечислялся в 1914–1916 годах на нужды военного времени. Так, например, доходы от выставки «Искусство союзных народов», развернутой в ноябре 1914 года в залах Императорского общества поощрения художеств (Большая Морская улица, 38), поступили в пользу больных и раненых воинов и пострадавших жителей Польши, Бельгии и Франции⁵⁰. Афиша выставки церковной старины, открытой в Большом зале музея училища барона А. Л. Штиглица, позволяет уточнить, что полученный на ней сбор был передан в Комитет Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий⁵¹. В пользу лазарета деятелей искусства перечислялись деньги с Первой летней выставки картин «Товарищества независимых» (1916, Марсово поле, 7)⁵². В залах Императорской Академии художеств прошла в январе-феврале 1916 года выставка «Английская и французская гравюра 18 века», а в декабре того же года — рисунков

и набросков с натуры учеников батального класса «На войне». Вырученные средства от проданных на них билетов Академия передала в помощь раненым бойцам⁵³.

Ряд афиш 1916 года свидетельствует о том, что уставшая от войны столица мечтала забыться от тяжелого кошмара. Изменился характер культурно-патриотических мероприятий. Так, 29 мая 1916 года на Елагинском острове прошел «Праздник цветов и корсо автомобилей». Повсюду продавались фантастически прекрасные композиции цветов. У взморья на эстраде танцевали Т. П. Карсавина, Л. Н. Егорова, Ю. Н. Седова. По парку двигались экипажи и автомашины, украшенные гирляндами цветов. Билеты были дороги. Приезжавшие на автомобиле платили 18 рублей, в экипаже — 12, велосипедисты — 2 рубля 60 копеек, пешеходы — 1 рубль 30 копеек. Сбор от праздника был передан в пользу одного из петроградских лазаретов⁵⁴.

Три афиши сообщают о сборе средств в пользу Общества пострадавших от войны. Это афиша лета 1916 года, рекламировавшая увеселительную прогулку на пароходе «Александр Невский»⁵⁵, и две афиши балов: в зале Калашниковской биржи (14 ноября 1916 года «Бал-шарман») и в Собрании инженеров путей сообщения (27 декабря 1916 года «Большой костюмированный вечер игр и танцев»)⁵⁶.

Благотворительные мероприятия 1917 года представлены в коллекции небольшим количеством афиш. Афиша Михайловского театра от 26 февраля 1917 года оповещала о 240-м концерте хора и оркестра под управлением А. Д. Шереметева. Исполнялись произведения А. П. Бородина. Чистый сбор предназначался на покупку пасхальных подарков воинам⁵⁷. 7 декабря 1917 года Троицкий театр адресовал сбор от представления в фонд покупки рождественских подарков воинам. Интересно, что во втором отделении шел «водевиль с маршировкой» А. И. Куприна «Лейтенант фон Пляшке»⁵⁸.

Коллекция афиш 1914–1917 годов ФТГ ГМИСПб дает представление о том, как из ручейков отдельных пожертвований петроградцев собирался великий поток помощи русскому воинству. Обращаясь к народу России, императрица Александра Федоровна благодарила всех жертвователей, отмечая их сердечную отзывчивость. Она подчеркивала, что широкая помощь раненым «могла быть оказана лишь благодаря участию русских людей всякого состояния»⁵⁹.

¹ Инв. № IA-1071 пл.

² Инв. № IA-176 пл.

³ Инв. № IA-706 пл.

⁴ Инв. № IA-709 пл.

⁵ Сводная афиша, инв. № IA-477 пл.

- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Инв. № IA-472 пл.
- 11 Инв. № IA-712 пл.; № IA-721 пл.
- 12 Красовская В. М. Русский балетный театр начала XX века. Л., 1971. С. 284.
- 13 И. Ш. Балет // Рампа и жизнь. 1914. № 36. С. 9.
- 14 Инв. № IA-814 пл.
- 15 И. Ш. Там же.
- 16 Инв. №№ IA-158 пл., IA-474 пл., IA-496 пл., IA-531 пл., IA-538 пл., IA-959 пл., IA-961 пл., IA-962 пл., IA-1368 пл., IA-1385 пл. и др.
- 17 См.: афиша, инв. № IA-948 пл.
- 18 См.: афиши, перечисленные в сноске 16.
- 19 Инв. № IA-1385 пл.
- 20 Солнце России. 1915. № 9. С. 24.
- 21 Инв. № IA-445 пл.
- 22 Инв. № IA-777 пл.
- 23 Инв. № IA-774 пл.
- 24 Инв. № IA-564 пл.
- 25 Инв. № IA-796 пл.
- 26 Инв. № IA-1153 пл.
- 27 Инв. № IA-784 пл.
- 28 Инв. № IA-809 пл.
- 29 Инв. № IA-1325 пл.
- 30 Инв. № IA-1321 пл.
- 31 Инв. № IA-533 пл.
- 32 Инв. № IA-461 пл.
- 33 Инв. № IA-1199 пл.
- 34 Инв. № IA-1213 пл.
- 35 Там же.
- 36 Инв. № IA-1210 пл.
- 37 Инв. №№ IA-1203 пл.; IA-1216 пл.
- 38 Инв. № IA-354 пл.
- 39 Инв. № IA-453 пл.
- 40 Инв. № IA-454 пл.
- 41 Инв. № IA-455 пл.
- 42 См.: афиша, инв. № IA-1123 пл.
- 43 См.: афиша инв. № IA-1042 пл.
- 44 См.: афиша инв. № IA-786 пл.
- 45 Инв. № IA-74 пл.; IA-96 пл.
- 46 Инв. № IA-92 пл.
- 47 Инв. № IA-88 пл.
- 48 Инв. № IA-83 пл.
- 49 Инв. № IA-82 пл.
- 50 Инв. № IA-495 пл.
- 51 Инв. № IA-121 пл.

- 52 Инв. № IA-130 пл.
- 53 Инв. № IA-129 пл.
- 54 Инв. № IA-824 пл.
- 55 Инв. № IA-102 пл.
- 56 Инв. №№ IA-24 пл.; IA-25 пл.
- 57 Инв. № IA-306 пл.
- 58 Инв. № IA-302 пл.
- 59 Царскосельский вестник. 1916. № 1. С. 102.

Л. Г. Мясникова

Петербургские разносчики в фотографиях (по материалам фото-фонда ГМИСПб)*

Петербургские уличные разносчики — представители самой низшей ступени торгового мира, пестрого, многообразного и во многом весьма любопытного. Почти вся жизнь этих людей проходила на улицах, и они постоянно становились героями различных сценок, составляя неотъемлемую часть петербургской панорамы.

Стать продавцом-разносчиком было несложно: достаточно получить разрешение от властей и иметь небольшой начальный капитал. В их среде существовала внутренняя иерархия, причем низшую ступень занимали старьевщики и торговки гнилыми фруктами. Разносчики, как правило, приезжали летом на заработки, а на зиму, словно перелетные птицы, возвращались домой, в Новгородскую, Тверскую, Ярославскую и другие губернии. Жили они артелями в дешевых квартирах, которые снимали для них хозяева, им же они сдавали выручку и процент за содержание.

Петербургские разносчики подразделялись по роду торговли и виду товара, по национальности, полу и возрасту. Торговля съестными товарами преобладала, этим занимались в основном крестьяне. Молочными продуктами, грибами и картофелем торговали финны; мануфактурой и галантерейным товаром — татары; жестяными изделиями — венгры и словаки и т. д.

Труд разносчиков был тяжелым физическим трудом. Их рабочий день начинался с раннего утра и заканчивался поздним вечером, а то и ночью. Им приходилось быть и зимой и летом целыми днями на улице, на ногах, да еще с товаром, поэтому разносчики в основном были людьми нестарыми, исключение составляли лишь тряпичники и старушки, торговавшие подгнившими, очень дешевыми фруктами. Сложилось и

* Статья написана на основе доклада, прочитанного автором на научно-практической конференции в ГМИСПб 16 января 1997 г.

© Л. Г. Мясникова

чисто женские виды разносной торговли, вследствие чего в быту укоренились специфические понятия: «селедочница», «молочница» и т. д.

Среднестатистические данные свидетельствуют, что в 1870 году в Петербурге занимавшихся разносной торговлей было 6221 человек¹. Конечно, эти данные не вполне точны, так как некоторые торговали время от времени, а другие без разрешения. Нарушителей наказывали, но они все равно не переводились. Например, в 1853 году «<...> в связи с проверками были изобличены крестьяне Ипатов и Кандюков»²; «<...> мещанин Толстопаев, в торговле без жестянки (т. е. без разрешения — Л. М.) <...>»³.

Разносчики торговали либо с лотка, либо «на крик» — вразнос, причем у каждого была своя манера, своя отличительная черта, и люди в домах, даже не слыша слов, могли отличить мороженщика от сбитенщика, зеленщика от торговца рыбой и т. д. Специальной формы одежды у них не было, но белый передник был обязательным.

Большой интерес вызывала тема торговли вразнос у писателей и художников. Ей посвящались очерки, статьи. В альбомах и журналах публиковались рисунки, изображавшие персонажей городских улиц.

Особое место в истории этого жанра принадлежит иностранным художникам. Один из них, Ж.-Б. Лепренс (1734–1781), свои работы, как правило, выполнял по памяти, находясь вдали от России, часто ориентируясь на вкус заказчиков. Его герои были далеки от реальных торговцев-разносчиков и фигурировали на фоне фантастических пейзажей.

В работах рисовальщика и гравера Х.-Г. Гейслера (1770–1844) все типы изображены на фоне петербургского ландшафта: продавец кваса — у Крюкова канала, конфетчица — у Литовского замка. В его произведениях проявилась наблюдательность и этнографическая точность, хотя фигурки разносчиков во многом напоминают манекены, а не живых людей. Картинки Гейслера были изданы в России в 1799 году в виде альбома «Нравы, обычаи и костюмы русских в Петербурге» и пользовались популярностью. Широко известны были также работы английского живописца и гравера Д. А. Аткинсона (1775–1831). В 1803–1804 годах был издан альбом «Живописное изображение манер, обычаев и развлечений русских» со 100 его цветными гравюрами.

В 1817 году вышел в свет альбом офорт «Волшебный фонарь, или Зрелище Санкт-Петербургских расхожих продавцов, мастеров и других простонародных промышленников, изображенных верною кистью в настоящем их наряде». Считалось, что автором офорт являлся А. Г. Венецианов, однако в конце 1950-х годов автором был назван художник-любитель К. А. Зеленцов (1790–1845)⁴. В альбоме изображе-

ны представители различных профессий, в частности, уличные разносчики: крестьянка — продавщица ягод, сгорбленный старик — продавец посуды и др. Их одежда нарисована с детальной точностью, но вместе с тем художнику не удалось избежать статичности поз персонажей и однообразия в композициях офортов. Каждый рисунок снабжен небольшим текстом в виде диалога или монолога изображенного, что усиливает жизненность и достоверность образов.

Интересной попыткой раскрыть тему уличного быта столичного города явилось создание сборника «Физиология Петербурга»⁵. Впервые коллективно составленная книга была проникнута единой целью, которая декларировалась во введении: не «описание Петербурга, но характеристика <...> его народонаселения»⁶. «Физиология Петербурга» резко выделялась среди подобных изданий своей «беспрецедентной правдой»⁷. Сборник дополняли реалистические рисунки В. Тимма, Р. Жуковского, Е. Ковригина.

Мы назвали далеко не всех художников, в творчестве которых отражен быт петербургских улиц, но отметили тот большой интерес, который существовал к этой теме на протяжении XVIII–XIX веков. Именно поэтому он нашел свое выражение в новом виде искусства — фотографии. Причем в силу специфики фототехники тема отразилась полнее и зримее, так как «преимущество фотографии заключается в том, что в руках художника она становится искусством, будучи в то же время всегда документом, констатирующим живую действительность»⁸.

С момента появления фотографии (1839) и особенно после того, как в 1851 году был изобретен мокроколлоидный способ, позволивший печатать снимки на бумаге со стеклянных негативов, к теме «петербургские типы» активно обратились фотографы. Настоящие мастера своего дела, истинные фотографы-художники В. А. Каррик (1827–1878), А. О. Карелин (1837–1906), М. П. Дмитриев (1858–1948), К. О. Булла (1853–1929) и др., преодолевая многие трудности, добивались успехов как в России, так и за рубежом, не раз становясь призерами международных выставок.

К сожалению, труд многих талантливых фотографов оставался незамеченным современниками, и многие их работы пропали безвозвратно. Например, такова судьба А. Ф. Грекова (ок. 1800–1855) — первого русского фотографа-портретиста, талантливого изобретателя, автора трудов о технической и художественной стороне светописа⁹. Изобретательская деятельность требовала больших затрат, в которую он вкладывал собственные средства. Человеком он был небогатым и умер, не сумев расплатиться с долгами. Труды Грекова были забыты. Власть и деловые круги не поддерживали соотечественника, отдав предпочтение

изобретателям, приезжавшим из стран Европы.

В фото-фонде ГМИСПб хранится более 200 снимков «уличных типов». 60 из них, размером с визитную карточку, запечатлели петербургских разносчиков. Они приклеены на листы бумаги, по четыре на каждой странице, и переплетены в альбом¹⁰.

Интересна история этого собрания. Альбом поступил в Музей революции в 1928 году. В 1954 без указания автора фотографий и владельца его передали в Музей истории Ленинграда.

Проведенное исследование дало возможность установить датировку, а затем и автора фотографий. Им оказался Василий (Вильям) Андреевич Каррик. Каррик родился в шотландской семье, жившей в Кронштадте. В 1850 году он окончил Академию художеств и некоторое время жил в Риме. С 1858 года он увлекся портретной фотографией и стал работать в ателье, расположенном на Малой Морской улице, 19. Со временем художнику стали узки тесные рамки павильонной съемки — его влекла работа на натуре, и он, подобно своим коллегам художникам-живописцам и граверам, отправился с камерой-обскурой на улицы Петербурга, выискивая интересные лица и

Торговец битой птицей

Торговец южными фруктами (арбуз, дыня)

Торговец пирогами и пирожками

Молочница

Торговец плетеными вещами (корзины, стулья, метелки из перьев)

Торговка фруктами

Фотографии разносчиков.
В. А. Каррик. 1870 г.

сюжеты. Фотограф сделал несколько сот негативов и предполагал создать альбом или даже серию альбомов на тему собранного материала. Так родилась серия «Петербургские типы и сценки», часть которой хранится в фонде ГМИИ СПб. Однако Каррик так же, как и его предшественник Греков, не нашел поддержки в деловых кругах столицы, у самого же мастера средств для воплощения замысла не было.

Поддержку оказала Публичная библиотека, которая приобрела большую часть работ¹¹. Это произошло, вероятно, благодаря хлопотам хранителя отдела гравюр, известного критика В. В. Стасова, который хорошо знал фотографа и понимал значение снимков для истории.

В 1876 году Каррику было присвоено звание фотографа Академии художеств и перед ним открылись большие перспективы для творчества. Однако в 1878 художник-фотограф скончался.

Заслугой Каррика явилось то, что он одним из первых преодолел привычные рамки работы в фотоателье и зафиксировал с натуры представителей петербургских улиц. Однако в силу технического несовершенства фотосъемок XIX века, с одной стороны, и уже сложившихся традиций проведения работ, с другой, он не смог избежать некоторой постановочной наигранности и театральности в позах запечатленных персонажей. Искусство фотографии делало в то время еще только первые шаги и во многом подражало живописи.

Вторая половина XIX века — время острых дискуссий вокруг проблем, связанных с фотографией. Многие художники и критики высказывали мнение, что фотография — это ремесло, способное погубить настоящее искусство. Такая точка зрения существовала достаточно долго, но была опровергнута самим развитием искусства, в котором фотография заняла достойное место.

На фотографиях Каррика представлено более 20 типов уличных разносчиков: это старые и молодые мужчины и женщины, дети — торговцы живой рыбой, дичью, битой птицей, «селечница», «молочница», «сбитенщик», «пирожник», «саечник» и многие другие.

Наряду с традиционными видами уличной торговли, которые запечатлены на фотографиях, можно выделить довольно редкие, нигде до этого не встречавшиеся. Это, например, торговка еловыми метлами — женщина средних лет с широким скуластым лицом. Она несет длинные еловые ветки на плече, у пояса корзинка, привязанная к метлам. Выделяется также фотография торговца столярно-слесарным инструментом. Дела его идут, вероятно, не особенно хорошо, т. к. одет он в довольно потрепанный армяк и стоптанные сапоги. Весь его набор инструментов (буравчики, молотки, отвертки и т. д.) укреплен на груди в специальной деревянной рамке.

Мы рассмотрели лишь небольшой фрагмент музейной коллекции фотографий, посвященный теме петербургских разносчиков. Альбом Каррика является одним из самых интересных экспонатов, донесших до нас исчезнувшие уличные типы столицы России. В нем запечатлена достоверная конкретика быта, характерные детали, подмеченные зорким глазом художника-фотографа, — зримые приметы ушедшей эпохи. К сожалению, пока установить владельца уникального альбома не удалось.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 514. Оп. 1. Д. 2109. Л. 271–272.

² Там же. Д. 2108. Л. 146–147.

³ Там же. Д. 2109. Л. 184–186.

⁴ Комелова Г. Сцены русской народной жизни конца XVIII — начала XIX веков. Л. 1961. С. 19.

⁵ Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов. Под ред. Н. Некрасова. СПб., 1845.

⁶ Физиология Петербурга. М., 1984. С. 15.

⁷ Там же.

⁸ Юон К. Создать захватывающие картины // Советское фото. 1941. № 1. С. 5.

⁹ Морозов С. А. Первые русские фотографы-художники. М., 1952. С. 10–11.

¹⁰ Инв. № 10831 ф.

¹¹ Стасов В. Фотографические и фототипические коллекции Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1885. С. 11–38.

Г. П. Игнатьева

**«Новый Шлиссельбург» в воспоминаниях,
дневниках и письмах узников**

В течение двухсот лет с начала XVIII века до 1905 года Шлиссельбургская крепость — важная политическая тюрьма России. 8 декабря 1905 года согласно указу Николая II государственную тюрьму в крепости упразднили, но уже в 1907 здесь была открыта Шлиссельбургская каторжная тюрьма. «Новый Шлиссельбург», история которого охватывает период с 1907 по 1917 годы, существенно отличался от «старого Шлиссельбурга»: политические заключенные составляли лишь третью часть от общего числа узников, остальные были уголовниками, осужденными за тяжкие преступления и убийства. В одной тюрьме, в одной камере находились революционеры, люди высшего служения нравственному долгу, и уголовные преступники. Расчет строился на том, что уголовная стихия морально раздавит политических заключенных, и это будет уже не прежний, «старый Шлиссельбург», не романтический замок с томящимися в нем героями-борцами за свободу, а обычная уголовная тюрьма. Но в «новом Шлиссельбурге» тон задавали революционеры, которые по своей духовной силе были неизмеримо выше, хотя и находились в меньшинстве.

В Российском государственном историческом архиве хранятся дневники заключенных Шлиссельбургской крепости за 1908–1917 годы и письма, почтовые открытки и уведомления о почтовых денежных переводах им же¹.

Дневники заключенных представляют собой тетради в клетку или линейку, в черной клеенчатой обложке и содержат от 40–50 до 200 пронумерованных страниц. На первой странице имеются штамп Шлиссельбургской каторжной тюрьмы и дата выдачи тетради заключенному. Текст штампа: «Вырвавшие листы и уничтожившие их, или всю тетрадь, или книгу лишаются права навсегда или на некоторое время получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения». На последней странице — сургучная тюремная печать. Тетради заполнялись ка-

рандашом или чернилами, часто (вероятно, из экономии — Г. И.) таким мелким почерком, что читать записи можно только с лупой.

В дневниках политкаторжан содержатся сведения о тюрьме, о товарищах по заключению, о революционной деятельности, о тюремных занятиях, о настроениях узников, о свиданиях с родственниками, о прочитанных книгах, о работах в мастерских и на огороде, о продуктах, которые разрешалось выписывать на свои деньги.

Малограмотные и неграмотные узники заполняли тетради упражнениями по русскому языку — переписывали целые страницы из книг русских писателей — с целью его освоения. Почти во всех тетрадях есть стихи Апухтина, Брюсова, Лермонтова, Надсона, Некрасова, Никитина, Плещеева, Пушкина, А. Толстого, Фета, Шевченко и других поэтов, а также стихи узников Шлиссельбургской крепости 1884–1905 годов — народовольцев В. Н. Фигнер, Н. А. Морозова. Некоторые заключенные сами пытались сочинять стихи. Профессиональный революционер, осужденный на 15 лет каторги за принадлежность к партии эсеров, В. Ф. Гончаров вспоминал: «Поэтическое творчество занимало порядочное место в жизни каторжан. Выдающихся поэтов за 10 лет своего бытия Шлиссельбург не дал ни одного, но посредственных было порядочно, тюремная поэзия была зеркалом каторги»². В. Леонов написал сатирическое стихотворение о тюремном враче:

«Доктор наш “аристократ” и здоровьем пышет,
но больной “ори-сто-крат” — он его не слышит
или скажет, что мороз по спине заходит:
“Да у вас туберкулез! Он в могилу сводит!
Медицина вам помочь уж ничем не может”»³.

Ю. Светогор посвятил большое стихотворение народовольцу Морозову⁴. Шестнадцать строк из него («Друг, мужайся! День настанет!..») ошибочно приписывались Г. К. Орджоникидзе⁵.

Почти все заключенные выучили в тюрьме по два, три, даже четыре иностранных языка. Широко распространен был среди узников интерес к международному языку эсперанто.

Многие готовили себя к будущей жизни на свободе, познавали ремесла, прикладные науки, стремились приобрести специальность. Так, например, большевик И. Д. Аболин, осужденный на восемь лет каторги за революционную работу среди солдат Либаковского гарнизона, изучал в тюрьме бухгалтерский учет⁶.

На страницах дневников часто встречаются названия книг по садоводству и огородничеству, в тетрадях В. О. Лихтенштадта — рисунки цветников⁷. О работе каторжан на огородах рассказывал в своих вос-

поминаниях участник Севастопольского восстания 1905 года И. П. Вороницын: «Весной и летом в камере и душевой мастерской не сиделось. На огороде могли работать все желающие, но желающих обыкновенно бывало так много, что приходилось работать 2–3 раза в неделю». Арестантские огороды, теплицы и парники с каждым годом расширялись. Вороницын писал о том, что цветами каторжане снабжали не только крепость, но и кое-что продавали за ее пределами⁸. За цветами в крепость приезжали члены группы помощи политическим заключенным Шлиссельбурга, в том числе А. Я. Бруштейн, М. М. Звягина-Лихтенштадт, М. А. Рысс, А. А. Аристова. В Петербурге они разносили цветы по квартирам тех, кто постоянно жертвовал деньги в пользу заключенных Шлиссельбургской крепости⁹.

Первые выходы за стены крепости в 1914 году в связи с тем, что туда перенесли огороды, были огромным событием для каторжан, особенно для сидевших в тюрьме с 1907 года и через много лет снова увидевших безграничную ширь Ладоги, прибрежные леса, рыбацьи лодки, баржи, пароходы.

Участник революционного восстания 1905 года на Черноморском флоте М. В. Прудкой, осужденный на 15 лет каторги, овладел в Шлиссельбурге грамотой, переписывал в тетрадь стихи русских поэтов, делал выписки из книг. Он изучал по книгам садоводство и огородничество, работал на огородах и парниках крепости, а на заработанные деньги выписывал книги. Узник понял ценность и необходимость образования, и все его письма домой проникнуты заботой о маленьком племяннике — сыне брата Лаврентия. Прудкой настойчиво требовал, чтобы мальчика определили в училище, потому что «безграмотность равно тьма тьмущая»¹⁰.

В дневниках политкаторжане рассказывали о товарищах по заключению. Примером может служить отрывок из записей солдата, участника восстания 1905 года в Севастополе, А. И. Кашникова о В. Н. Левтонове, студенте Петербургского университета, который в 1907–1910 годах доставлял из-за границы в Россию революционную литературу. Кашников и Левтонов сидели вместе в одиночной камере третьего тюремного корпуса, бывшей народовольческой тюрьме (когда в крепости не хватало мест для заключенных, в одиночных камерах находилось по два узника). В октябре 1913 года Кашников писал: «<...> образ и вообще вся личность Левтонова останутся для меня в будущем светлым, хорошим воспоминанием о политическом заключенном. Володя Левтонов имеет живой, веселый и уживчивый характер и длинную бороду, прямо пропорциональную его росту. Вместе с Владимиром Лихтенштадтом и Владимиром Малашкиным он известен всей тюрьме, т. к. много времени посвящает работе в тюремной библиотеке»¹¹.

Многие шлиссельбуржцы написали воспоминания о Лихтенштадте, который был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, по делу о взрыве на Аптекарском острове дачи А. П. Столыпина в 1906 году. «В. Лихтенштадт был исключительно одаренной личностью, с сильной, революционной волей, непреклонный, всегда готовый к протесту за маленькую обиду, нанесенную кому-либо из нас тюремными черберами<...> Начитанный, образованный, он стремился свои знания передать другим. Он всегда с кем-нибудь занимался, но одновременно работал и над собой»¹². В одиночной камере Шлиссельбурга он написал исследование о творчестве и мировоззрении великого немецкого поэта и мыслителя Гете¹³, переводил на русский язык произведения Чемберлена, в которых анализировались философские воззрения Аристотеля, Гердера, Гете, Канта, Леонардо да Винчи, Спинозы, Шиллера, Шопенгауэра. В дневнике он отметил: «Опять перевод! В голове уже вертятся разные немецкие и русские выражения <...>, я переводил Чемберлена, ни о чем не думал, кроме слов и оборотов»¹⁴. Запись от 5 октября 1908 года: «Сейчас великолепное настроение: выше печали, и, пожалуй, надо отпраздновать его: выпить еще чашечку черного кофе и завалиться на койку, приспособив свечу, с письмами Ницше»¹⁵.

Лихтенштадт занимался музыкой, учился играть на рояле по своей методике: «Конечно, можно привести немало возражений, да и вообще — учиться играть без музыкального инструмента и не имея даже возможности слышать звуки. Но тем заманчивее эта идея»¹⁶.

Переведенный в общую камеру, где сидели исключительно уголовные и аграрники — крестьяне, он учил их грамоте и письму, арифметике. В то же время со словарем В. И. Даля в руках он учился у них и нашел более 500 слов, не включенных в словарь.

Почти в каждом дневнике встречаются записи о прочитанных книгах, списки книг, выписки, цитаты, конспекты. В местах заключения осужденные вели постоянную борьбу за право чтения прогрессивных книг. Тюремная же администрация считала, что в места лишения свободы должны иметь доступ исключительно книги религиозного содержания. Но именно такая литература не интересовала политических заключенных. Библиотека тюрьмы составлялась из книг, приобретенных по инициативе узников на деньги, заработанные ими в тюремных мастерских. Часть книг перешла из библиотеки народовольческой тюрьмы. Присылали также книги и родственники заключенных.

А. Мекси, член социал-демократической партии Латвии, осужденный на 10 лет каторги, писал: «Я теперь стал иметь такую страсть к книгам, какой у меня раньше никогда не было. Философских книг, например, я почти совершенно не читал. К этим книгам особенно по-

тянуло после того, как я прочел Ницше "По ту сторону добра и зла". К математике меня потянуло еще раньше, и если теперь меня лишить книг, то это было бы самое тяжелое наказание для меня»¹⁷. Далее он продолжал: «Беда лишь в том, что в книгах чувствуется большой недостаток, во-первых, потому что не обладаем финансами, этим презренным металлом, во-вторых, многих книг, которые желательно было бы иметь, не разрешают выписывать»¹⁸.

Каталог книг тюремной библиотеки оказался в тетради Б. А. Колтышева, который был осужден за принадлежность к Петербургской боевой организации большевиков. По содержанию книги объединены в 14 разделов. Приведем некоторые из них: история, в том числе история общественного движения, философия, география и описания знаменитых путешествий (научные исследования и популярная литература), биология, математика, художественная литература (русская и западноевропейская классика). В особый отдел были выделены словари и учебники. Для примера можно составить далеко не полный список авторов, произведения которых читали узники: писатели — Л. Андреев, Герцен, Гоголь, Горький, Григорович, Данилевский, Достоевский, Лесков, Некрасов, Пушкин, Салтыков-Щедрин, Соловьев, Толстой, Тургенев, Успенский, Чернышевский, Чехов, Аристофан, Байрон, Вольтер, Гамсун, Гауптман, Гейне, Гете, Диккенс, Ибсен, Киплинг, Либрович, Т. Манн, Сенкевич, Скотт, Софокл, Стриндберг, Эврипид, Эсхил; философы, историки, экономисты — Богданов, Ключевский, Маслов, Михайловский, Овсянко-Куликовский, Туган-Барановский, Чернов, Бах, Бюхнер, Гегель, Дарвин, Кант, Лассаль, Мальтус, Милль, Меринг, Морган, Ницше, Рикардо, Смит, Спенсер, Фихте, Фишер, Шопенгауэр, Энгельс.

Осужденный в 1907 году на шесть лет каторги, И. К. Гамбург писал в 1912 году: «Библиотека наша значительно расширилась, и мне жаль ее оставить, т. к. в Сибири с книгами будет очень плохо»¹⁹. Он отмечал отсутствие газет, журналов, недостаток в книгах по общественно-политическим и экономическим вопросам: «Все это под запретом»²⁰.

В общих камерах тюремных корпусов: первого («Зверинца») и четвертого — узники-политкаторжане организовали кружковые занятия, вовлекая в них солдат, матросов и крестьян, многие из которых попали в тюрьму, плохо разбираясь в политической обстановке. В их числе были П. Ф. Анохин, В. К. Воробьев, Э. П. Детлов, И. С. Имханицкий, А. М. Мазин, П. С. Мокров, А. Н. Николаев, А. П. Архипов, Г. С. Дорофеев, А. Х. Конуп и многие другие. Рабочий Сестрорецкого завода Мокров, восемь лет носивший ножные и ручные кандалы, рассказывал в своих воспоминаниях: «Мы жили, боролись, верили в конечную победу над самодержавием, а пока, вынужденные бездейство-

вать, учились. Жили надеждой, ждали выхода на поселение, готовились к тому моменту, когда снова можно будет принять участие в борьбе и работе. И за эти долгие годы много товарищей, пришедших в тюрьму полуграмотными, вышли из нее образованными и теоретически подготовленными революционерами»²¹.

Ф. Н. Петров, один из руководителей восстания Киевского саперного батальона, осужденный на семь лет каторжных работ, вспоминал, что в 1908 году был разработан план политического самообразования. Этот план включал в себя изучение истории, литературы, философии, математики, иностранных языков, экономической теории. На политических занятиях заключенные осваивали опыт революции 1905–1907 годов. Лекторами и руководителями занятий выступали Петров, по образованию врач, бывшие студенты Петербургского университета Лихтенштадт, Левтонов, В. Д. Малашкин, офицер саперного батальона Б. П. Жадановский.

Начальник тюрьмы В. И. Зимберг и его помощники препятствовали учебе. Одним из способов этого был частый перевод политических заключенных из корпуса в корпус, из камеры в камеру, чтобы лишить их общения с другими каторжанами. Особенно много препон ставилось при выписке и получении книг. Но и здесь узникам удавалось разными способами усыплять бдительность тюремного начальства, получать с воли нужные книги, а затем переплетать их вместе с «Житиями святых» и другими книгами религиозного содержания. «Тюремный», или «романовский университет», как называли заключенные свою учебу, функционировал в необычайно трудных условиях. Некоторые слушатели были в ножных и ручных кандалах; в переполненных камерах было душно, и требовалось колоссальное напряжение сил, чтобы заниматься успешно.

Чтобы искоренить в тюрьме всякие мысли о революции и социализме, цензоры отобрали у заключенных энциклопедические словари книгоиздателя Ф. Ф. Павленкова и вырезали все, что напоминало об этом, и в таком виде вернули их узникам. М. К. Энгельгардт, осужденный на 13 лет за принадлежность к Боевой организации эсеров, больной, с которого даже тюремное начальство сняло раньше определенный срок кандалы, решил протестовать. Когда вернули израненный словарь, он заявил старшему надзирателю, что в таком варварском состоянии он его не примет, и велел передать словарь начальнику тюрьмы как подарок от него. Через несколько часов Энгельгардт был вызван в контору, и его вновь заковали со словами: «А это тебе подарок от начальника»²². Не выдержав тюремного режима, Энгельгардт умер в 1912 году.

Многие страницы своего дневника Гамбург посвятил размышлениям о тюрьме, о будущей жизни: «Каторга, несомненно, хорошая школа, но школа дорогая! Слишком дорогая! Но раз она уже пройдена, она кое-что дает. Думается, что и я кое-чему научился. Созреть мне пришлось уже на каторге, особенно в интеллектуальном отношении. К жизненным явлениям я подойду уже с определенным критерием, с установленным воззрением, с известным опытом. Каторга закалила меня так же, как "тяжкий млат, дробя стекло, кует булат". Теперь я вступаю в жизнь сознательно. То, что прежде являлось результатом влияния чувства, становится теперь актом сознания. Таким образом, я выйду отсюда лучше вооруженным для жизни и борьбы, чем раньше»²³. И далее: «Каторга дала мне кое-какие положительные стороны, и они-то помогут мне приноровиться к жизни. Я приучился довольствоваться минимумом и готов ко всякому труду, каков бы он ни был <...> Но, работая, я не буду забывать и учиться. Жизнь предъявляет все больше требований, а потому надо уметь на них отвечать. На одних словах теперь далеко не поедешь. Нужны знания»²⁴.

Письма и дневники свидетельствуют, что многие узники предпочитали одиночные камеры общим. «В одиночке хотя и несколько скучнее, но гораздо спокойнее, а главное — можно читать, думать, нет шума»²⁵, — писал член боевой дружины максималистов рабочий М. Д. Шенсон, осужденный на четыре года каторги.

П. А. Кузнецов описал общую камеру первого тюремного корпуса «Зверинца», куда его перевели из одиночки в августе 1913 года: «Я увидел помещение, похожее на клетки для зверей: от потолка до пола — сплошная толстая, не очень частая железная решетка с решетчатой дверью. В камере дощатый стол, прикрепленный к решетке. На столе большой медный чайник. В одном углу камеры за железной загородкой — параша, в другом — открытый шкаф для посуды и продуктов; 15 арестантских коек, которые представляют собой рамы, обтянутые брезентом. Днем эти койки подняты на петлях к стене, а ночью — опущены и одним концом лежали на скамейках»²⁶. Еще больше были камеры в четвертом тюремном корпусе, в каждой общей камере находилось по 22 человека, поэтому неудивительно, что заключенные вставали в очередь на одиночку. Размышляя о преимуществах одиночной камеры, Гамбург писал: «Я убедился, что чем больше сидишь, тем больше хочется одиночества и тишины. При сильной нервозности заключенных, которая увеличивается с каждым годом, любое слово может довести до спора»²⁷.

В связи с этим уместно вспомнить предыдущий период в истории Шлиссельбургской крепости — народовольческий, когда главными в

режиме были одиночное заключение и строгая изоляция узников. Морозов, который провел в крепости 21 год, вспоминал: «Самая главная пытка — это одиночество под вечным враждебным наблюдением и вечное безмолвие»²⁸. Фигнер, пережившая 20-летнее заключение, считала тюремную тишину «самым страшным орудием пытки». По ее словам, тишина являлась «наиполнейшим выражением тюремной дисциплины, сковывающей узника», «тюрьма должна быть мертва, мертва, как могила, мертва день и ночь»²⁹. Свои воспоминания о Шлиссельбурге Фигнер назвала «Когда часы жизни остановились». Название было глубоко символическим. Для того, кто попадал в одиночную камеру, «долго тянулись дни, длинные, серые, утомительные в своей праздности, похожие на сны без сновидений»³⁰, без свиданий, без переписки с родными.

Политкаторжане Шлиссельбурга 1907–1917 годов вспоминали о карцерах, которые администрация тюрьмы часто использовала для наказания узников за любые провинности: за то, что не встал при проверке, не снял шапку перед начальством, за пение и слушание пения, за передачу записки другому заключенному, за перестукивание, за оскорбление надзирателя и многое другое. Карцеры были устроены в Светличной башне, в подвальном этаже четвертого корпуса, в «Зверинце». Карцеры были светлые и темные, сырые, холодные, они не отапливались даже в тридцатиградусные морозы. Только ходьба, быстрые движения или бег на месте спасали узников от замерзания. Пронизывающий холод не давал возможности уснуть, прерывая и без того короткий, нервный тюремный сон. Прямым последствием заключения в карцер были заболевания туберкулезом, ревматизмом, воспалением легких и другие. Их не могло не быть. Ведь даже железные кандалы покрывались ржавчиной. Нередко случалось, что надзиратели не выводили, а выносили из карцера арестанта, отбывшего свое наказание. Чтобы предупредить попытки заключенных покончить в карцерах жизнь самоубийством, у них отбирали кандалные ремни, полотенца, портянки, носовые платки. Сроки содержания в карцере колебались в пределах от нескольких дней до 30 суток. Пребывание в темном карцере по закону не могло быть непрерывным. Через трое суток темный карцер заменялся светлым, а вместо хлеба и воды должна была выдаваться горячая пища, но чаще всего этот закон нарушался. «Абсолютная темнота в карцере особенно ощущалась в первое время заключения. Тогда наказанный передвигался с протянутыми вперед руками, натываясь на стены. При уже истрепанных нервах такая крошечная тьма производила на заключенного тяжелое впечатление, особенно когда кругом царила мертвая тишина»³¹.

В декабре 1907 года каторжанам объявили новую «Инструкцию об употреблении оружия чинами тюремной администрации и стражи»³², утвержденную министром юстиции И. Г. Щегловитовым. Надзиратели должны были стрелять в случае бунта и побега заключенных, при неповиновении и оскорблении администрации. Часовые на крепостных стенах должны были следить, чтобы арестанты ничего не передавали друг другу через окна и не переговаривались. Вскоре, 7 мая 1908 года, произошло трагическое событие: постовой надзиратель застрелил узника третьего тюремного корпуса А. В. Краснобродского, который не выполнил требования отойти от окна. Л. Н. Рубинштейн, один из руководителей Рижской боевой организации большевиков, осужденный на 15 лет каторги, писал, что после убийства Краснобродского «раздался по всему корпусу ужасный треск и шум — все били отчаянно несколько минут в двери, а затем наступила убийственная тишина<...> Нет сил больше переносить всю эту мерзость. Узнали, что Краснобродский жил еще полтора часа, а они, мерзавцы, после того, как доктор осмотрел его за 2–3 минуты, заперли и оставили без помощи»³³.

Жизнь узников регламентировали «Правила о порядке содержания арестантов в Шлиссельбургской каторжной тюрьме». День в тюрьме начинался с утренней поверки по свистку, данному летом в 5 часов, а зимой в 6, а до этого также по свистку вставали, одевались, убирали постели. После поверки — раздача хлеба и кипятка для чая. Горячая пища полагалась на обед и ужин. 265 статей тюремной инструкции предусматривали все: курение табака лишь за хорошее поведение и усердие к работам, прогулку ежедневно по расписанию рядами по два человека, разговор на прогулке только с соседом, разрешалось иметь не более двух носовых платков. Арестантам воспрещались действия, нарушающие спокойствие и благочиние: пение, крики, хохот, ссоры, драки. От них требовалось неуклонное соблюдение тюремных правил, полное повиновение, почтительность, вежливость по отношению к чинам тюремной администрации и надзора³⁴.

Два раза в месяц арестантам разрешалось выписывать продукты из тюремной лавки на деньги, заработанные в мастерских или полученные от родственников, но не более, чем на четыре рубля в месяц. В каждой камере находился прейскурант цен на продукты: «табак 1/4 фунта — турецкий — 23 к., шантал — 34 к., розовый — 32 к., царский — 39 к., восточный — 40 к., махорка — 8 к.; сухари — 1 фунт — 15, 20 и 30 к.; баранки — 1 фунт — 7–9 к.; масло столовое 1 фунт — 46 к.; сыр голландский — 1 фунт — 34 к.; сыр — швейцарский — 1 фунт — 44 к.; колбаса чайная — 1 фунт — 28 к.; колбаса московская — 1 фунт — 38 к.; колбаса

польская — 1 фунт — 46 к.; варенье — 1 банка — 40 к.; зефир — 1 фунт — 35 к.; конфеты — 1 фунт — 35 к.; шпроты — 1 банка — 40 к.; какао — 1 р. 20 к.; селедка — 3, 5, 8 к.; сало — 38 к.; анчоусы — 35 к.; ветчина — 1 фунт — 42–55 к.; хлеб — 1 фунт — ситный — 6 к.»³⁵.

26 июля 1911 года В. И. Соломин записал в дневнике: «Выписка продуктов: 10 штук сельдей — 30 к., 2 фунта полубелого хлеба — 10 к., 1 1/2 фунта грудинки — 45 к., 4 фунта сахара колотого — 60 к., 1 фунт лука — 6 к., мыло — 15 к., табак — 16 к., бумага — 5 к., спички — 4 к., 1/2 фунта зубного порошка — 10 к., чайная ложка — 5 к., 2 конверта, 2 листа почтовой бумаги, 1 марка — 7 к., открытки для письма — 6 к., 1 открытка с видом крепости — 5 к., резинка — 5 к., зеркало — 10 к. Вся выписка — 2 р. 39 к.»³⁶.

Ближайшим родственникам разрешалось навещать узника один раз в месяц, но это не приносило удовлетворения никому. Заключенные называли место свиданий комнатой слез³⁷. Многие из них вспоминали, какое тягостное впечатление оставляли свидания в тюрьме. Так, Мекси, осужденный в июне 1909 года Петербургским военно-окружным судом по делу о Боевой инструкторской школе в Куоккале, писал жене о том, какие нравственные страдания причиняют ему встречи в тюрьме: «Вся обстановка на свидании угнетающе действует на меня и точно парализует, причем мне всегда кажется, что слова мои не доходят до твоего слуха через эти несносные решетки. Хотя каждый раз перед свиданием я думаю, что буду говорить что-то ласковое, нежное, полное любви, но как только вхожу в эту комнату, сразу чувствую, что ничего не в силах сказать. Да и о чем успеешь сказать за 10–15 минут»³⁸.

В. Ф. Гончаров вспоминал: «Действительно, свидания обставлены усердной надзирательской цензурой. Комната свиданий разделена на две половины железной решеткой, сплошной от пола до потолка, а на аршин от нее устроены для посетителей тесные стойла с проволочными сетками. Однако тюремщики не очень полагались на железные преграды; около каждого каторжанина стоит надзиратель, обязанностью которого было слушать разговор и в случае отклонения его от семейных дел направлять в законное русло.

В промежутках между решетками и стойлами находился старший надзиратель и зорко следил, чтобы руки не высывались навстречу родным. Для пущей важности и остроты надзирателей на каторжной половине сидел еще дежурный помощник начальника. Такая обстановка убивала всякую словоохотливость»³⁹.

Заключенным разрешалась переписка с ближайшими родственниками один раз в месяц. Многие узники в своих тетрадях делали копии посланий, отправленных родным и полученных от них, так как послед-

ние после прочтения отбирались. Тюремная инструкция требовала, чтобы содержание писем ограничивалось только семейными новостями, поэтому цензоры вычеркивали все, что казалось им подозрительным. В архиве хранятся письма, в которых зачеркнуто все, кроме первой строчки: «Посылаем тебе наш поклон» и в конце: «До свидания...»⁴⁰.

На письме Я. К. Теттеру, активному участнику революции 1905–1907 годов в Латвии, тюремная цензура отметила: «Если будут критиковаться действия администрации, то письма не будут пропущены»⁴¹ — и вычеркнула несколько строк. Но желание узников Шлиссельбурга знать как можно больше и подробнее о том, что происходило на воле, было неистребимо. Гамбург писал: «Мы живем только вестями с воли, и только это придает нам силу сопротивляться среде»⁴². Мекси в письме к сестре укорял ее за то, что ему не сообщают никаких новостей, так как якобы нет «никаких новостей» на воле: «Вы не читаете газет и ни за чем не следите, а живете просто, по-обывательски. И если нет ничего такого, что резко бросается в глаза, то, по-вашему, выходит, что ничего и нет. А нам вообще интересно знать, что происходит на всем белом свете, а вернее во всей вселенной»⁴³.

Подцензурная переписка не удовлетворяла заключенных, поэтому при всякой возможности каторжане стремились установить нелегальную связь. Через надзирателей отправляли письма на волю очень редко, так как это было опасно, а часто и нечем было платить. Иногда письма, написанные на папиросной бумаге, вывозили из тюрьмы товарищи, уходившие на этап, чтобы по дороге отправить через конвойных солдат. «Но чаще всего, — вспоминал Гончаров, — пользовались симпатическими чернилами, причем каждый тщательно охранял тайну своего способа, полагая, что широкое распространение неизбежно приведет к провалу»⁴⁴. В нелегальных письмах заключенные учили родных, как сообщать новости общественного характера. «Из этих своеобразных инструкций, — писал Гончаров, — особенно понравилась мне одна, в которой по именам братьев, сестер, дядей, теток, племянников были распределены все общественные классы, политические партии, формы борьбы и так далее»⁴⁵. «Сообразительностью, — свидетельствует Вороницын, — шлиссельбургские тюремщики вообще не отличались, и, зачеркивая часто совершенно невинные фразы, они пропускали такие, например, места: «До сих пор мне никто не пишет, как поживает маленькая Домна <...> на днях ее должны были привезти к вам в Питер. Как она вообще чувствует себя? Прорезались ли у нее зубки, говорит ли она что-нибудь? Живет ли дядя Петя Столыпинский все еще на Кабинетской улице? Мне кажется, что кто-то писал, что он хочет переехать со всей семьей с этой квартиры <...> Ты

писала, что Семен Дмитриевич и Степан Рудольфович устроились довольно хорошо... Напиши мне номер квартиры Константина Дмитриевича, а то я забыл»⁴⁶.

Такие письма часто писал домой Жадановский, и родные прекрасно понимали его. «Маленькая Домна» — Государственная дума, «дядя Петя Столыпинский» — председатель Совета министров. «Кабинетская улица» означала, руководит ли он все еще кабинетом министров. «Семен Дмитриевич и Степан Рудольфович» — социал-демократы и социалисты-революционеры. «Константин Дмитриевич» — конституционно-демократическая партия («кадеты»).

Во время Первой мировой войны тюремная цензура значительно ослабела, стала пропускать письма с информацией о положении на фронте. Мать заключенного Вороницына подробно писала сыну о мобилизации, о раненых, о военных действиях: «<...> как представляешь себе эти миллионы людей, сражающихся, убивающих друг друга с помощью усовершенствованных орудий, пулеметов, цепелинов, аэропланов, такой ужас охватывает душу. В Житомире открываются все новые лазареты, везут раненых»⁴⁷. В письме от 9 сентября 1914 года сестра Вороницына писала о вандализме немцев, которые разрушили Реймский собор и бросали бомбы на лазареты, имевшие красные кресты»⁴⁸.

Брат и сестра Н. Л. Канторовича очень подробно сообщали о ходе военных действий в Прибалтийском крае, на Кавказе, о военных действиях союзников в Дарданеллах, о заседаниях Государственной думы (письма от 3 августа, 20 сентября 1915 года)⁴⁹.

До политкаторжан доходили известия о растущем революционном движении в стране, о забастовках, демонстрациях. Это вселяло веру в скорое освобождение. 30 марта 1916 года И. С. Мельникову, осужденному на восемь лет тюрьмы за отказ идти по идейным мотивам на призывной пункт во время мобилизации, писали друзья из Москвы с надеждой на близкую революцию и близкое освобождение политкаторжан: «<...> круг борцов растет и множится с изумительной быстротой»⁵⁰.

Освобождение пришло к узникам Шлиссельбурга неожиданно. В февральские дни 1917 года Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов на первом своем заседании 27 февраля принял решение немедленно освободить политических заключенных Шлиссельбургской тюрьмы. Среди первых, получивших свободу, был Лихтенштадт. 28 февраля он писал последнее письмо из тюрьмы: «Здравствуй, мама! И здравствуйте все, друзья! Только пара слов — голова идет кругом — полетел бы к вам, но дела так много, что надо сидеть здесь, помочь вышедшим, помочь выйти еще сидящим»⁵¹. Одним из первых он получил удостоверение: «Освобожден волею восставшего народа».

В феврале 1917 года тюрьма в Шлиссельбургской крепости навсегда прекратила свое существование. В 1925 году Совет Народных Комиссаров РСФСР решил взять крепость под государственную охрану, учитывая ее большое историческое значение. Музей, открытый в 1928 году, стал лучшим памятником всем узникам Шлиссельбурга.

- ¹ РГИА. Ф. 1280. Управление коменданта Петроградской крепости Департамента государственной полиции Министерства внутренних дел, описи № 6 (439 ед. хр.) и № 7 (576 ед. хр.).
- ² В. Градский (лит. псевдоним В. Ф. Гончарова). Шлиссельбургская каторга. Былое. 1925, № 1. С. 154.
- ³ РГИА. Ф. 1280. Оп. 6. Д. 224. Л. 12–13.
- ⁴ Там же. Д. 259. Л. 2 об.
- ⁵ На каторжном острове. Сборник воспоминаний политкаторжан «нового Шлиссельбурга» (1907–1917 гг.). Л., 1967. С. 19.
- ⁶ РГИА. Там же. Д. 4. Л. 1–60, 180–190.
- ⁷ Тетради В. О. Лихтенштадта хранятся в архиве М. М. Тушинской.
- ⁸ Вороницын И. П. Из мрака каторги. 1905–1907. Харьков, 1922. С. 142.
- ⁹ Бруштейн А. Я. Вечерние огни. М., 1963. См. главу «Цветы Шлиссельбурга».
- ¹⁰ РГИА. Там же. Д. 305. Л. 57.
- ¹¹ Там же. Д. 368. Л. 10 об.
- ¹² Трилиссер Д. А. «Новый Шлиссельбург» // На каторжном острове. С. 37.
- ¹³ Лихтенштадт В. О. Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение. Искания и достижения в области изучения природы и теории познания. П., Госиздат. 1920.
- ¹⁴ Архив М. М. Тушинской. Тетрадь № 2. Л. 25 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 24.
- ¹⁶ Там же. Л. 25–26 об.
- ¹⁷ Симонович В. В новом Шлиссельбурге. М., 1934. С. 28–29.
- ¹⁸ Там же. С. 29.
- ¹⁹ РГИА. Там же. Д. 75. Л. 31.
- ²⁰ Там же. Л. 42.
- ²¹ ЦГА СПб. Ф. 507. Оп. 1. Д. 11. Л. 15; Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1963. Т. 5. С. 202.
- ²² Трилиссер Д. А. Указ. соч. С. 43.
- ²³ РГИА. Там же. Л. 56 об.
- ²⁴ Там же. Л. 63.
- ²⁵ Там же. Оп. 7. Д. 563. Л. 7.
- ²⁶ Там же. Оп. 6. Д. 209. Л. 19–20.
- ²⁷ Там же. Д. 75. Л. 55.
- ²⁸ Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1961. С. 470.
- ²⁹ Фигнер В. Н. Запечатленный труд // Когда часы жизни остановились. М., 1961. Т. 2. С. 52–53.
- ³⁰ Там же. С. 53.
- ³¹ Гернет М. Н. Указ. соч. С. 46.
- ³² Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемого при Правительствующем Сенате. СПб., 1908. С. 2271–2272. Статья № 1273.

- ³³ Рубинштейн Л. Н. Дневник каторжанина // На каторжном острове. С. 54–55.
- ³⁴ РГИА. Там же. Д. 97. Л. 90–90 об.
- ³⁵ Там же. Д. 402. Л. 8–8 об.
- ³⁶ Там же. Д. 351. Л. 4 об.
- ³⁷ Там же. Д. 353. Л. 150.
- ³⁸ Там же. Д. 243. Л. 140–141.
- ³⁹ Гончаров В. Ф. Связи с волей // На каторжном острове. С. 194.
- ⁴⁰ РГИА. Там же. Оп. 7. Д. 48. Л. 1–1 об.
- ⁴¹ Там же. Д. 508. Л. 53–53.
- ⁴² Там же. Оп. 6. Д. 75. Л. 59–59 об.
- ⁴³ Там же. Д. 243. Л. 182–182 об.
- ⁴⁴ Гончаров В. Ф. Указ. соч. С. 192.
- ⁴⁵ Там же. С. 193.
- ⁴⁶ Вороницын И. П. История одного каторжанина. М.–Л., 1926. С. 113.
- ⁴⁷ РГИА. Там же. Оп. 7. Д. 107. Л. 76–76 об., 77.
- ⁴⁸ Там же. Л. 189–190 об.
- ⁴⁹ Там же. Оп. 6. Д. 243. Л. 1–3.
- ⁵⁰ Там же. Д. 329. Л. 12–12 об.
- ⁵¹ Лихтенштадт В. О. Из дневника и писем (1908–1917 гг.) // На каторжном острове. С. 87.

Г. Ю. Никитенко

Новые материалы к биографии архитектора А. Ф. Виста

Имя А. Ф. Виста хорошо известно исследователям Петербурга¹. Построенный им Ботный дом в Петропавловской крепости является одной из достопримечательностей города. Архитектор участвовал в сооружении таких петербургских церквей, как Вознесенская и Исаакиевская, по его проекту был построен Андреевский собор на Васильевском острове.

Вместе с тем биография зодчего недостаточно изучена: мало известно о его семье, адресах проживания, не удается пока точно установить даже дату его смерти.

В некоторой степени проливает свет на обстоятельства жизни Виста обнаруженная нами в Центральном историческом архиве Санкт-Петербурга купчая крепость. Приведем главную по содержанию часть этого документа: «1792 года апреля 12 дня коллежский советник Александр Францев Вист продал полковнику Федору Маркову Полторацкому собственный свой деревянный двор на каменном фундаменте, доставшийся ему в 1756 году июля 10 дня после смерти дяди его великобританского купца Петра Петрова Унцельмана по наследству, а ему дяде достался в 1744 году марта 5 дня от жены капитана Ягана Делан, бывшего адмирала и кавалера Крейса дочери мадам Деланши по купчей. Двор состоит на Васильевском острове в 1 квартале во 2 линии, под номером 24-м между дворами: по правой стороне — пенковского браковщика Ивана Гиген-Ботома, а по левой — тульского купца Андрея Духанина жены Анны Петровой. Поперечника 10 саженей, длинника 30 саженей». Двор был куплен за 4 тысячи рублей².

Факты, приведенные в документе, весьма ценны для изучения биографии архитектора. Здесь не только впервые дается точный исторический адрес дома, в котором он жил, но и определяются начальная и конечная даты его пребывания в нем: с 1756 по 1792 год. Именно к этому периоду относятся практически все основные работы Виста.

Дата продажи участка вызывает особый интерес. Она еще раз заставляет усомниться в том, что Вист умер не позднее 1780-х годов. Очевидно, что он не мог скончаться ранее 1792 года.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что дядя архитектора — английский купец. Оно подсказывает возможный ответ на вопрос, откуда у 20-летнего Александра Виста были деньги для поездки за собственный счет в Италию и Францию «для совершенного архитектурной науке обучения»³.

Интересны и упоминаемые здесь исторические лица. «Бывший адмирал и кавалер Крейс» — это, судя по всему, Корнелий Крюйс (1657–1727), сподвижник Петра I, вице-президент Адмиралтейств-коллегии. Полковник Федор Маркович Полторацкий, купивший дом у Виста, — представитель известной семьи, он приходился дядей А. П. Керн и А. А. Олениной.

Купив дом за четыре тысячи рублей, Полторацкий в ноябре 1792 года выгодно перепродал его жене портового браковщика Сайкона⁴. На сделке он заработал 600 рублей, что характеризует его как человека довольно практичного.

Вопрос о месте жительства архитектора давно интересовал исследователей. Однако удавалось получить лишь приблизительные сведения. Так, из объявления в «Санкт-Петербургских ведомостях» известно⁵, что в 1766 году Вист владел домом на 2-й линии Васильевского острова. Этот факт подтверждает другое обнаруженное нами объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях». Оно относится к 1759 году: «<...> архитекторский помощник Иван Кин, идучи из лютерской кирки, из второй линии в седьмую, обронил серебряные часы, чего ради ежели кто поднял оные часы, тот пожаловал объявить бы во 2-й линии в доме архитектора Виста, за что дано будет вознаграждение»⁶.

Купчая крепость позволила выявить исторический адрес, по которому проживал архитектор. Это дает возможность точно установить месторасположение его дома в городе. По нумерации 1780–1790-х годов участок № 24 в Васильевской части соответствует правой половине современного участка № 11 по 2-й линии. Под этим номером сейчас числится большой четырехэтажный дом, возведенный в 1858 году архитектором И. А. Цимом⁷.

Здание по фасаду составляет 20 саженей, то есть занимает два первоначальных участка. В купчей упоминается левый сосед Виста — жена тульского купца Анна Духанина. В 1850-х годах принадлежавший ей участок объединили с бывшим владением зодчего.

Что касается правого соседа, браковщика пенки Ивана Ивановича Гиген-Ботома (или Хиггенботома), то на участке, которым владел

он, а затем его наследники с 1780-х по 1822 год, ныне стоит дом № 9, тоже четырехэтажный.

Как же выглядел дом, в котором Вист прожил 36 лет?

Из купчей известно, что он был деревянным на каменном фундаменте. Зная адрес, можно найти его на аксонометрическом плане города 1764–1773 годов Сент-Илера, Горихвостова и Соколова. Это седьмой дом от нынешней площади Шевченко, он был одноэтажным и имел семь окон по фасаду. Сбоку, ближе к № 9, находились ворота, выходившие на 2-ю линию. Перед окнами был разбит небольшой палисадник. В глубине двора имелись два флигеля и еще одни ворота. Они вели в переулок, который в настоящее время известен как улица Репина.

Точно так же, как и дом, принадлежавший Висту, выглядели соседские здания, формировавшие облик 2-й линии Васильевского острова во второй половине XVIII века.

¹ Материалы к биографии А. Ф. Виста см.: Петров А. Н. «С. И. Чевакинский и петербургская архитектура середины XVIII века» // Сб. «Русская архитектура первой половины XVIII века: материалы и исследования». М., 1954. С. 352–353; Антонов В. В. «Александр Вист — забытый зодчий Петербурга» // Сб. «Невский архив». М., СПб., 1995. Вып. 2. С. 192–199.

² ЦГИА СПб. Ф. 2263. Оп. 1. Д. 35. Л. 97 об.

³ Петров А. Н. Указ. соч. С. 352.

⁴ ЦГИА СПб. Там же. Л. 90.

⁵ Антонов В. В. Указ. соч. С. 199.

⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1759, 12 февраля. С. 101. «Лютерская кирка» находилась на нынешнем участке № 17 по 2-й линии.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 1492. Л. 11.

Т. В. Волобаева, С. П. Сафонов

Династия архитекторов Харламовых

Деятельность архитекторов Харламовых, ныне известная узкому кругу специалистов, на протяжении почти всего XIX и начала XX века была связана с Петербургом. Зодчие возвели большое количество строений самого разного назначения: приюты и церкви, загородные дачи и особняки, общественные сооружения и доходные дома.

Предлагаемая работа — первая попытка представить сведения о династии архитекторов Харламовых. Собранные по архивным и литературным источникам¹ материалы систематизированы² и раскрывают малоизвестные страницы биографии и творчества трех петербургских зодчих. Если Федор Семенович Харламов известен историкам архитектуры как крупный мастер «русского стиля», то сведения о родоначальнике династии зодчих Семене Филипповиче Харламове публикуются впервые. Очерк творчества последнего представителя этой фамилии Владимира Федоровича Харламова основан на известных материалах его биографии и практической деятельности, которые впервые объединены в настоящей статье.

Первый архитектор династии зодчих Семен Филиппович Харламов³ родился 25 августа 1803 года в семье коллежского регистратора Санкт-Петербургской полиции Филиппа Ивановича Харламова. 29 сентября 1813 года он был принят в Воспитательное училище Академии художеств, где первоначально учился живописи. Впоследствии он перешел в архитектурный класс, где занимался под руководством архитектора А. А. Михайлова I-го.

В 1823 году мать будущего архитектора Марфа Васильевна, оставшаяся вдовой в год рождения сына, подала прошение в Академию художеств о досрочном выпуске сына из учебного заведения, «чтобы улучшить ее бедное состояние и поддержать старость лет». Просьба была удовлетворена, так как до окончания курса оставалось всего несколько месяцев, и молодой человек получил аттестат со званием

художника 14-го класса. Через полгода он был принят помощником архитектора при Правительствующем Сенате.

В 1830 году Харламов занял должность архитектора при Деревенской экспедиции Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома. Ему приходилось составлять планы и сметы сельских лазаретов, руководить строительными работами. Харламов возвел девять сельских лазаретов «с тщательнейшим сбережением казенного интереса», в том числе в Гатчинском и Ропшинском округах⁴. Его долгая и усердная деятельность заслужила похвальные отзывы: дважды, в 1840 и 1845 годах, архитектор был удостоен «Знака отличия беспорочной службы» за 15 и 20 лет.

Тяжелая неизлечимая болезнь в 1846 году вынудила Харламова уйти в отставку в чине коллежского асессора. В начале 1850-х годов он умер.

В семье Семена Филипповича было шестеро детей: четыре дочери и два сына — Николай и Федор. Младший сын Федор впоследствии стал известным архитектором. Старший Николай был коллежским регистратором и служил в Тверской палате государственных имуществ. В 1855 году он подал бумаги в Тверское дворянское депутатское собрание с просьбой учесть заслуги отца и внести семью Харламовых в дворянскую родословную книгу Тверской губернии. Просьба была удовлетворена, и фамилия Харламовых появилась в третьей части дворянской родословной книги Тверской губернии⁵.

Федор Семенович Харламов — второй архитектор династии — родился 3 июня 1835 года в доме отца на Петербургской стороне. В 1845 году вместе со старшим братом он поступил в Гатчинский Николаевский сиротский институт⁶ пенсионером от Санкт-Петербургского воспитательного дома, в котором служил его отец. При этом учитывалось «бедное состояние» семьи. После смерти С. Ф. Харламова основанием для пенсионерства стал Указ от 28 июля 1831 года «О пенсиях вдовам служивших и о призрении детей их»⁷.

В процессе обучения обнаружилась склонность Федора к «черчению землемерных рисунков и архитектурских планов»⁸. На его способности в последних классах обратила внимание великая княгиня Елена Павловна⁹. Окончив в 1855 году институт, Харламов по ходатайству С. С. Ланского получил возможность посещать классы Академии художеств вольноприходящим учеником. Ему была назначена стипендия великой княгини. Учебный курс он проходил на архитектурном отделении под руководством профессоров Ф. И. Эппингера и К. А. Тона. Во время обучения в Академии Харламов был награжден в 1859 году малой серебряной медалью 2-й степени за проект арсенала, а позже — в 1860 го-

ду — за проект каменной православной церкви с колокольной на 2 000 человек получил большую серебряную медаль 1-й степени.

По окончании в 1859 году Академии художеств¹⁰ молодой архитектор приступил к практической деятельности. Среди первых его построек — два трехэтажных флигеля во дворе дома горного инженера Иванова (4-я Советская ул., 38), возведенные в 1860 году¹¹. В 1862 году Харламов по поручению Палестинского комитета под руководством архитектора Эппингера разрабатывал рисунки для утвари и отделки русских церквей и богоугодных заведений для православных паломников в Иерусалиме¹².

За выполнение значительного количества проектов Харламов был награжден орденом Св. Станислава III степени. По рекомендации Эппингера в том же 1862 году для жены М. Н. Мансурова на Литейном проспекте, 52, зодчий возвел четырехэтажный флигель и незначительно изменил лицевой фасад дома¹³. В это же время он построил деревянную церковь в имении графа Левашова «Осиновая роща» (не сохранилась)¹⁴.

27 августа 1863 года Ф. С. Харламов получил звание академика архитектуры за успешное решение предложенной Академией художеств задачи — сочинение проекта Анатомо-физиологического института при Медико-хирургической академии¹⁵. В том же году по его просьбе он был назначен на должность Почетного члена-архитектора Петербургского совета детских приютов¹⁶, на которой оставался до 1875 года¹⁷. Ему было поручено наблюдение за строительством и состоянием зданий нескольких приютов. Харламов построил деревянные жилые корпуса приюта Св. Андрея на Большом проспекте Васильевского острова, 42 (1865)¹⁸, приюта «Серебряный» на Гаванской ул., 4¹⁹. Они не сохранились до наших дней. Известно о его работах для приютов Благовещенского, Св. Владимира, Лавальского. Кроме того, архитектор построил здания Александровского детского приюта Губонина в Семеновском полку, Александро-Марининского детского приюта И. Базилевского на Сампсониевском проспекте, детского приюта великой княгини Александры Николаевны. В 1868–1869 на территории последнего в память великой княгини он возвел церковь Св. мученицы Александры²⁰ (12-я Красноармейская, 27 — Лермонтовский пр., 51; не сохранилась). Маленький храм со стройной колокольной был соединен с жилым зданием крытым переходом²¹. Одновременно Харламов надстроил третьим этажом угловой дом приюта, возведенный в 1846 году архитектором А. К. Кавосом²². Харламов капитально перестроил и надстроил здание образцового приюта на Петергофском проспекте и соорудил при нем каменную церковь²³.

В 1863 году архитектор был принят на службу в ведомство учреждений императрицы Марии Федоровны²⁴, по поручению которого исполнил ряд работ в интерьерах дворцовых сооружений. Так, он отделывал апартаменты принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской во дворце принца Ольденбургского (Миллионная ул., 1), за что в 1866 году был награжден орденом Св. Станислава II степени.

В связи со смертью наследника Российского престола Николая Александровича в 1865 году Харламов вместе с архитекторами А. А. Пуанро и Вингельдтом участвовал в устройстве траурного балдахина на яхте «Александрия»²⁵ и траурном оформлении собора Петропавловской крепости перед погребением умершего цесаревича. За эти работы архитекторы получили денежное вознаграждение.

Следующая страница деятельности зодчего связана со службой при Дворе великого князя Николая Николаевича, архитектором которого он служил 18 лет (с 1867 года). Харламов выполнял работы как в Николаевском дворце — резиденции великого князя, так и в его имении на мызе Знаменка недалеко от Петергофа.

Одной из самых интересных работ архитектора было устройство под солеей и алтарем Благовещенской церкви Николаевского дворца крипты — копии пещеры Гроба Господня. В 1872 году великий князь Николай Николаевич привез из Палестины святые реликвии, полученные от иерусалимского патриарха Кирилла. Чтобы обеспечить их сохранность, владетель дворца пожелал соорудить часовню по образцу иерусалимской пещеры Гроба Господня. Священник дворцовой церкви В. Лебедев писал: «<...> не выходя из храма, августейший паломник начертал план часовни со всеми деталями»²⁶. Работы поручили архитектору Харламову, который выполнил задание за три недели при постоянном наблюдении великого князя. В 1873 году с правой стороны часовни он соорудил придел Св. великомученицы Варвары, а в 1874 с левой — первоверховного апостола Петра²⁷. Приделы и преддверие «пещеры» были расписаны в византийском стиле²⁸.

В Знаменке зодчий построил деревянную церковь Св. Илии с колокольней (1875²⁹; не сохранилась). За службу при Великокняжеском Николаевском Дворе Харламов в 1868 году был награжден орденом Св. Анны II степени³⁰.

Вместе с тем послужной список Харламова не ограничивался перечисленным. С 1863 по 1867 годы он состоял архитектором при Санкт-Петербургском университете³¹, с 1876 по 1877 год являлся Городским архитектором при Санкт-Петербургской городской управе³². С 1876 года зодчий находился на службе при хозяйственном управлении Святей-

шего Синода³³, а с 1879 по 1881 — в Техническо-строительном комитете Министерства внутренних дел³⁴.

В 1877–1878 годах по его проекту был возведен четырехэтажный лицевой дом на Синодальном подворье (Звенигородская ул., 12 — ул. Правды, 13)³⁵. К этому времени здесь уже существовал большой каменный дом, построенный в 1866–1868 годах по проекту архитектора А. С. Кудинова, в котором размещалась церковь во имя святителя Митрофания Воронежского. В 1888 году при церкви была сооружена колокольня по проекту Ф. С. Харламова и В. М. Елкашова³⁶.

По заказу Синода архитектор построил каменное здание семинарии в Твери; в 1879 году он руководил капитальным ремонтом Ярославского Синодального подворья, где, в частности, устроил водопровод³⁷. Для Японии он составил проект здания русского посольства с церковью³⁸.

Являясь членом Общества по устройству колонии малолетних преступников, архитектор построил на ее территории деревянную церковь и некоторые другие сооружения. За деятельность в Комиссии по разработке проекта тюремного преобразования в 1873 году он был награжден орденом Св. Владимира IV степени³⁹. Как член Общества ночлежных домов зодчий построил 3-й и 4-й ночлежные приюты в Санкт-Петербурге.

Значительной работой Харламова стала отделка зрительного зала театра в Красном Селе. Здание театра было возведено в 1850–1851 годах по проекту архитектора Сарычева в долине у Безымянного озера. Это была деревянная постройка с железной крышей, возведенная на каменном фундаменте⁴⁰. Наружная отделка театра была скромна, а внутренняя — весьма эффектна: зрительный зал с партером, бенуаром и ярусом лож богато отделан белыми обоями, имитировавшими мраморную облицовку. Декоративное оформление было посвящено военной тематике: барьеры лож украшены военной арматурой, люстра выполнена в виде парящего орла, который держал в лапах большой лавровый венок. Царская ложа устроена по образцу ложи Михайловского театра в Петербурге, а на занавесе написан вид красносельского военного лагеря в лучах восходящего солнца⁴¹. Театр функционировал во время летней стоянки в Красном Селе войск петербургского гарнизона.

В 1877–1879 годах архитектор Ф. С. Харламов руководил постройкой доходного дома Императорского человеколюбивого общества (Литейный пр., 31). Пятиэтажный лицевой дом и такие же дворовые флигеля он проектировал с учетом эскизного проекта Г. Б. Пранга и П. С. Дмитриева⁴². Фасады здания были оформлены в «псевдорусском стиле». В 1879 году за «отлично-усердные труды в Императорском Че-

ловеколюбивом Обществе» архитектор был награжден орденом Св. Владимира III-й степени⁴³.

Пожалуй, самым значительным по масштабу произведенных работ стало создание комплекса построек богадельни купцов Ф. М. Садовникова и И. С. Герасимова (Каменноостровский пр., 66 — Песочная наб., 2). Работы производились совместно с академиком архитектуры В. И. Токаревым. На участке, кроме богадельни, были возведены трехэтажный жилой корпус, две школы, отдельно стоявшие покойницкая и дворницкая (1881)⁴⁴. Лицевой фасад главного здания оформлен с применением классицистических деталей. В отличие от него часовня, построенная в 1882–1883 годах по проекту Л. Н. Бенуа⁴⁵ и под наблюдением Ф. С. Харламова⁴⁶, была выдержана в «псевдорусском стиле» (не сохранилась). На первоначальном проекте Харламова изображена небольшая часовня с декором классицистического характера с использованием ренессансно-барочных мотивов в завершениях окон и портала, купольном венчании и рисунке шпиля колокольни⁴⁷. Чертежи этой небольшой культовой постройки свидетельствуют о близости творческих исканий разных архитекторов 1880-х годов. Проект часовни Харламова был «высочайше» утвержден в апреле 1881 года, после чего по воле жертвователя денег на постройку И. Ф. Громова был составлен другой проект архитектором Л. Н. Бенуа, утвержденный 29 мая 1882 года. Иконостас храма, выдержанный в «псевдорусском стиле», был выполнен по рисунку Токарева⁴⁸.

В 1882–1883 годах также на средства Санкт-Петербургского купеческого общества было построено здание Петровского коммерческого училища (наб. р. Фонтанки, 62). Оно возводилось в память 200-летнего юбилея императора Петра I. Проект здания Харламов составил совместно с Токаревым по программе, выработанной Попечительным советом училища⁴⁹. Фасады здания по характеру оформления очень близки фасадам богадельни Садовникова и Герасимова и отличаются большим количеством декоративных деталей.

Некоторое время Харламов являлся архитектором при Петропавловском соборе, замещая Пуаро. По поручению бывшей строительной конторы Министерства Императорского Двора Харламов реставрировал Петропавловский собор; в 1880-е годы занимался убранством могилы Александра II и устройством витрины для венков. За эти работы ему был пожалован бриллиантовый перстень⁵⁰. Кроме того, зодчий участвовал в ремонтных работах в здании фондовых кладовых на территории Петропавловской крепости, производившихся в 1882 году в связи с переходом сооружения из Министерства финансов в ведение МИД⁵¹.

В течение последних пяти лет жизни Харламов был архитектором Санкт-Петербургского кредитного общества и после пожара в здании общества (наб. р. Мойки, 40 — Б. Конюшенная, 27) вместе с архитектором Х. Х. Тацки отделывал интерьеры лицевого дома (1888)⁵².

В это же время зодчий находился на службе при начальнике Главного управления почт и телеграфов, исполняя поручения по ремонту зданий управления. Являясь на протяжении двух лет председателем строительной комиссии этого управления, он перестроил почтамтскую больницу (ул. Якубовича, 8) и устроил в ней дезинфекционную камеру своей системы, приспособил дом на улице Якубовича, 6⁵³, для Технического училища почтово-телеграфного ведомства. Архитектор составлял проекты для учреждений Управления почт и телеграфов в различных городах России: Чите, Харькове, Белостоке, Кременчуге и др. Лично контролируя строительные работы по этому ведомству, Харламов проверял сметы и, «постоянно заботясь об интересах государства», сэкономил в течение четырех лет 16 тысяч рублей⁵⁴.

Харламов имел репутацию архитектора, наделенного большим вкусом и обладавшего основательными техническими познаниями. Его служба в различных учреждениях и ведомствах способствовала получению им множества частных заказов.

Архитектор строил загородные дачи в окрестностях Петербурга, среди них — своей жены С. А. Харламовой в Гатчине, Трофимова в Петергофе. Значительное число построек было возведено в северных районах, славившихся красотой местности и чистым воздухом: на Поклонной горе, в Шувалове, в Парголово.

Много сделал зодчий для купца А. И. Дурдина. В 1880–1881 годах на его средства Харламов возвел церковь в Териоках (Зеленогорск. Не сохранилась⁵⁵). Поблизости от пивоваренного завода Дурдина на Обводном канале архитектор построил ряд сооружений: в 1877 году завершил возведение пятиэтажного каменного дома, строительство которого было начато архитектором Э. Г. Юргенсом (наб. Обводного канала, 217 — Старопетергофский пр., 14); в 1880 году на соседнем участке построил пятиэтажный флигель во дворе (наб. Обводного канала, 219)⁵⁶ и в том же году пятиэтажный лицевой дом с шестизэтажными дворовыми флигелями по Старопетергофскому пр., 15⁵⁷.

Крупной работой зодчего стало строительство четырехэтажного лицевого дома и трех пятиэтажных флигелей для А. С. Суворина на ул. Чехова, 6. (1888)⁵⁸. После смерти архитектора его сын В. Ф. Харламов изменил по желанию владельца завершение дома и переделал фасад по новому проекту.

Столичный архитектор получал множество частных заказов и ведомственных поручений из разных городов России. Кроме уже названных, Харламов разрабатывал проекты станций и служебных зданий для Закаспийской железной дороги, театра в Уфе. Среди частных заказов известны его проекты дома графа Ностица в Москве, барской усадьбы Башлакова в городе Моршанске Тамбовской губернии. В Новгородской губернии он построил «дачи-усадьбы в имениях А. А. Миллера, Н. А. Миллера и сенатора Хвостова»⁵⁹. В самом Новгороде Харламов возвел образцовую школу и отделал интерьеры в здании Дворянского собрания⁶⁰, построенного на Софийской площади в 1849 году архитектором А. И. Штакеншнейдером⁶¹.

Деятельность Харламова была разнообразной и не ограничивалась строительными работами. Он неоднократно участвовал в устройстве выставок. На мануфактурной выставке 1870 года в Соляном переулке в Петербурге им был устроен «аквариум и отдел завода Н. И. Путилова»⁶². Возможно, это была модель здания кузницы, возведенной в 1870 году на заводе Путилова. Сооружение интересно тем, что его остов был сделан из гнутых старых рельсов по системе, «привилегированной» заводчиком. Модель кузницы, показанная на выставке 1870 года, послужила образцом для многих железнодорожных и заводских построек⁶³.

Архитектор участвовал в сооружении павильонов и зданий на московской Политехнической выставке 1872 года. По поручению Министерства народного просвещения он построил образцовую школу, демонстрировавшуюся на выставке, позже подаренную в одну из Российских губерний⁶⁴. «Гвоздем» выставки стало здание Морского отдела, сооруженное по проекту архитектора И. А. Монигетти. Эта постройка была первой в России, выполненной целиком из металла и стекла. Видимо, Харламов был причастен к возведению этого новаторского сооружения, так как в его формулярном списке⁶⁵ есть запись об участии в установке «рельсовых зданий» для отделов морского и садоводства, за что от Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии архитектор получил золотую медаль.

По заказу Путилова в 1876 году Харламов построил часовню Св. Николая на острове Гладкий, в которой заводчик был похоронен в фамильном склепе⁶⁶ в 1881 году (часовня не сохранилась). Решетку на могиле Путилова проектировал сын архитектора Владимир⁶⁷.

Кроме выполнения своих непосредственных обязанностей, Ф. С. Харламов активно занимался общественной деятельностью: был председателем Общества взаимного вспомоществования русским художникам, являлся членом Санкт-Петербургского общества архитекторов-художников, исполнял в нем должность секретаря и неоднократно изби-

рался в члены жюри конкурсов. Кроме того, состоял членом многих благотворительных организаций, в том числе Общества пособий рабочим, пострадавшим при постройках, был одним из учредителей Общества пособия бывшим воспитанникам Гатчинского института, который сам окончил.

Кроме строительных работ, он проектировал предметы декоративно-прикладного искусства: по поручению великой княгини Александры Петровны им был составлен «рисунок сервиза в русском стиле для подарка <...> Великой княгине Марии Александровне герцогине Эдинбургской»⁶⁸.

Как и многие его современники, Харламов уделял внимание вопросам строительной техники: известно, что зодчий занимался усовершенствованием вентиляционного и санитарного оборудования, а также вопросами использования торфяного строительного материала.

Архитектор сотрудничал в журналах «Хозяйственный строитель» и «Сельский хозяин». Он был знаком с известным издателем журнала «Русская старина» М. И. Семеvским. Так, в альбоме Семеvского⁶⁹ сохранилась его запись и карандашный рисунок сельской церкви.

Свою жизнь архитектор окончил в чине действительного статского советника. Он умер 28 февраля 1889 года и был похоронен на Смоленском кладбище⁷⁰.

Федор Семенович был женат на Софье Александровне Лапиной. У них был единственный сын Владимир, родившийся 5 декабря 1860 года. Он стал третьим, последним, архитектором в семье Харламовых. Владимир Федорович Харламов получил начальное образование во Втором реальном училище Санкт-Петербурга. В 1879 году, окончив механико-техническое отделение, он поступил в Академию художеств на архитектурное отделение. Еще до поступления в Академию художеств В. Ф. Харламов под руководством своего отца участвовал в строительстве доходного дома Императорского человеколюбивого общества, а в студенческие годы работал на постройке богадельни и школ Садовникова и Герасимова на Каменноостровском проспекте, а также Петровского коммерческого училища⁷¹. Обучаясь в Академии, в 1880 году он получил малую серебряную медаль за проект здания городской картинной галереи. В 1882 и 1883 годах под руководством отца Харламов участвовал в работах по оформлению Петропавловского собора, проявив усердие, «заклучавшееся в содействии к сохранению древнего искусства в Собо-ре», за что был награжден бриллиантовым перстнем от императора Александра III⁷². Известно, что им были выполнены следующие работы: проект футляра для паникадила Петра I, украшение могилы

императора Александра II, витрина для венков, а также «рисунки узорчатых стекол»⁷³. Академия художеств (1879–1882) Харламов

В период обучения в Академии художеств (1879–1882) Харламов выполнял самые разные задания, список которых внушительен: строительство зданий для частных заказчиков, перестройки, оформление интерьеров, проекты церквей с внутренней отделкой (в том числе отделка церкви семинарии в городе Твери), сооружение по собственному проекту скита в Санкт-Петербургском Новодевичьем монастыре, для которого он исполнил также иконостас. Он выполнял проекты витрин по заказам частных лиц. Для типографских экспонатов В. Балашова на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года в Москве архитектор спроектировал шкаф в «русском стиле», рисунок которого был опубликован в журнале «Зодчий»⁷⁴. Кроме того, украшал альбомы виньетками и орнаментами в том же «русском стиле».

Среди наиболее крупных работ этого периода — проектирование комплекса построек для имения П. Г. Губонина в Гурзуфе, включавшего православный храм со склепом, «дачу-палаццо» для владельца имения, ресторан, павильон, птичник, пять деревянных и каменных дач в различных стилях для сдачи внаем. Эти работы были представлены в Академию художеств и помогли получению Харламовым большой серебряной медали I-й степени в 1883 году. Таким образом, не только обучение в Академии художеств, но и практическая деятельность способствовали формированию творческого почерка В. Ф. Харламова.

Харламов окончил учебный академический курс в 1882 году, когда получил звание неклассного художника и право производить постройки. Уже работая самостоятельно, он представил академическому совету проекты, за которые получил ряд повышений в звании. Так, в 1883 году он был награжден серебряной медалью I-й степени за программный проект «конечной станции железной дороги второго разряда»⁷⁵ и удостоен за него звания классного художника III-й степени, в 1886 году за программу «Гостиный двор» — классного художника II-й степени, а в 1888 году за проект «загородного вокзала с лечебными ваннами» — I-й степени⁷⁶.

В 1884–1891 годах архитектор выполнил значительный комплекс работ для Лейб-гвардии Егерского полка. Он создал новую отделку интерьера и осуществил наружный ремонт полковой церкви Св. Мирония на Обводном канале, построенной в 1851–1856 годах архитектором К. А. Тоном (наб. Обводного канала, 99 — Рузовская ул., 16; не сохранилась)⁷⁷. Для нее по рисункам архитектора были исполнены лампы, шкаф для хранения священных сосудов, три киота, металлические узорные рамы и прочее. В лагере того же полка в Красном Селе

Харламов построил комплекс сооружений, включавший офицерские бараки, пекарню, баню и другие подсобные и хозяйственные сооружения. За эти работы в 1887 году архитектор был награжден орденом Св. Станислава III-й степени⁷⁸.

В 1884 году архитектор поступил на службу в Главное управление государственного коннозаводства, где работал до 1890 года⁷⁹. Самой крупной его постройкой для этого ведомства явился казенный дом в Петербурге⁸⁰ (1880-е годы). Здание бывшего Главного управления коннозаводства Российской империи сохранилось до наших дней (ул. Маяковского, 15). Известно также, что Харламов проектировал перестройку аукционной конюшни, расположенной во дворе Управления⁸¹. Возможно, сохранившееся здесь восьмигранное сооружение предназначалось для манежа и соединялось с правым флигелем переходом. Прямых указаний на то, что это здание было построено Харламовым, не найдено.

Как и отец, он одновременно служил в нескольких государственных учреждениях. С 1889 года он работал в Техническо-строительном комитете Министерства внутренних дел, а в 1891 году по совместительству в Главном управлении почт и телеграфов⁸². Кроме непосредственной практической деятельности, в период с 1889 по 1890 год он преподавал начертательную геометрию, проектирование и черчение в Техническом училище почтово-телеграфного ведомства. На службе в Техническо-строительном комитете МВД зодчий составлял проекты православных и католических церквей, в том числе проект монастырской церкви Богородицы в Архангельской губернии. Как архитектор Главного управления почт и телеграфов Харламов проектировал почтово-телеграфные учреждения в разных городах Российской империи: Одессе, Ковно, Гродно, Ростове-на-Дону, Симферополе, Харькове, руководил перестройкой зданий этого ведомства, занимался проверкой смет губернских строительных отделений.

В 1892 году Харламов подал прошение в Академию художеств на соискание звания академика архитектуры по утвержденной программе «Здание Почтово-Телеграфо-Телефонных Учреждений». Однако служебные обязанности не позволили ему в срок представить конкурсный проект, а в отсрочке предоставления программы ему было отказано⁸³. В это время архитектор был занят в Одессе на строительстве казенного почтово-телеграфного здания (1895–1899 годы; ныне Главпочтамт). Архитектор выделил три функциональные зоны в застройке участка: главное здание собственно учреждений на Садовой улице, флигель для квартир, выходящий на параллельную ей Скобелевскую улицу, и дворовые службы⁸⁴. Харламов декларировал необходимость

художественной отделки интерьеров казенного здания, чтобы по своим качествам оно могло служить образцом для частных построек: так, в помещениях для публики полы были выстланы цветным мрамором, здесь стояла мебель с дубовыми обвязками и цветными стеклами. Архитектором была задумана оригинальная система для ввода электрических проводов: он отказался от установки около здания столбов с изоляторами и проводки кабелей через окна. По образцу почтово-телеграфного здания в Бреславле (Вроцлаве) Харламов планировал провести провода через крышу здания, верхний слой которой предполагалось покрыть рядами изоляторов, окрашенных в разные цвета. Провода, собираясь на эти изоляторы, вводились вертикально в батареи и аппаратные⁸⁵.

В 1898 году архитектор был награжден орденом Св. Станислава II-й степени.

Среди наиболее крупных работ Харламова, получивших широкую известность при его жизни, — проектирование и строительство церкви Св. Петра Митрополита и перестройка часовни при ней в Ульянке близ Петербурга (1885–1891; не сохранились)⁸⁶. Трехпрестольный обширный храм был построен в «русском стиле» и вмещал 1000 человек. Сам автор писал, что «церковь проектирована в характере Останкинской церкви под Москвой». Для нее Харламов исполнил рисунок иконостаса и киота в «древнерусском» стиле⁸⁷.

В 1889 году Харламов перестроил дом А. С. Суворина в Эртелевом переулке (ул. Чехова, 6), возведенный в 1888 году его отцом. По желанию владельца был переделан фасад: изменено его завершение⁸⁸, сделана облицовка из цветной терракоты. Она была заказана по специальным шаблонам на заводе Гофмана в Зигерсдорфе в Германии. Промышленный способ изготовления облицовки требовал возможно меньшего числа типов деталей. Поэтому из узорочья «русского терема» для украшения фасада было приспособлено весьма ограниченное количество мотивов: это — обрамления окон с висячими «гирьками», ренессансные сдвоенные окна с тонкой промежуточной колонкой, квадратные нишки-ширинки, треугольные щипцы. В 1890 году все работы, включая художественную отделку интерьеров, были закончены⁸⁹. Этот дом — характерный образец «псевдорусского стиля» второй половины XIX века.

Зодчий работал не только в столице и ее окрестностях, но и для российской провинции, выполняя заказы частных лиц. Для генерала П. В. Орловского в его имении в Волынской губернии Харламов проектировал каменные службы, по его рисунку были сделаны металлические ворота с гранитными столбами, кабинетная мебель. Для графа Н. А. Протасова-Бахметева в имении Тимановка Подольской губер-

нии он осуществил значительный комплекс работ в основном по отделке помещений и проектированию малых архитектурных форм: оград, ворот, беседок, фонарей и прочего. Зодчий предполагал «улучшить» внешний облик церкви Св. Ксении в этом же имении, для чего составил чертежи фасада храма и проект киота.

Как многие его современники, Харламов участвовал в архитектурных конкурсах. В 1898 году он совместно с А. И. фон Гогеном исполнил проект здания Московской городской думы, заслуживший III-ю премию. Протяженный фасад с однообразным ритмом окон и однотипными декоративными деталями традиционен для псевдорусских построек этого периода⁹⁰.

Не замыкаясь только в рамках строительной деятельности, Харламов занимался различными видами художественных работ, в том числе декорационно-оформительскими: в 1895 году по случаю коронации императора Николая II архитектор устроил палатку для богослужения и украсил Гостиный двор для встречи императорской четы при въезде в город.

В 1890-е годы Харламов много работал в качестве художника-прикладника: исполнял рисунки хоругвей, покровов на престол церкви при Николаевском институте, обложек и заставок для изданий («Вестник изящных искусств», «Художественные новости», «Музыкальные новости»), проектировал жетоны различных обществ и организаций, создавал рисунки для изделий из драгоценных материалов, для канделябров и люстр, портретных рам и альбомов.

В 1880–1900-х годах Харламов сотрудничал с журналами «Хозяйственный строитель» и «Сельский хозяин», публикуя в них различные проекты хозяйственных сооружений; среди них деревянные и каменные дома, бани, школы, амбары, хозяйственные дворы и т. д.; писал статьи по строительной технике и устройству отдельных частей зданий. В 1888 году зодчий оформил выставку Русского общества птицеводства, за что заслужил большую серебряную медаль общества, а в 1889 году за проектирование птичников на выставке птицеводства был удостоен почетного отзыва.

Творчество архитектора было обширным и многообразным. Плодотворно работая по заказам частных лиц и государственных учреждений, он построил множество зданий в Петербурге, его окрестностях и других городах России.

Умер В. Ф. Харламов 4 января 1907 года, похоронен на Смоленском кладбище⁹¹.

Деятельность архитекторов Харламовых пришлась на период эклектики в русской архитектуре. О работах первого архитектора динас-

тии С. Ф. Харламова известно немного. Второй архитектор рода Ф. С. Харламов — крупный мастер «русского стиля», но много строил и проектировал вне этой стилистической разновидности. В. Ф. Харламов, часть творческой деятельности которого пришлась на конец XIX — начало XX века, остался чужд увлечения современниками модным «новым стилем». Его творчество на рубеже веков продолжает эклектическую линию развития русской архитектуры. Некоторые работы Федора Семеновича и Владимира Федоровича Харламовых свидетельствуют о близости архитектурного «почерка» отца и сына, о творческой преемственности мастеров. Как и многие другие архитекторы, они не замыкались только в рамках строительной практики, участвуя в различных выставках, занимаясь проектированием предметов декоративно-прикладного искусства, пробуя силы в качестве художников-оформителей.

В целом деятельность архитекторов Харламовых способствовала формированию архитектурной среды Петербурга XIX — начала XX века и оставила в ней заметный след.

¹ Основной объем сведений собран внуком В. Ф. Харламова С. П. Сафоновым, который выражает благодарность заведующей читальным залом РГИА С. И. Вареховой за помощь в поиске источников о жизни Харламовых.

² Уточнение, проверка и систематизация материалов проведена Т. В. Волобаевой.

³ О С. Ф. Харламове см.: РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 2258, 2277. Ф. 758. Оп. 9. Д. 100. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2332. Ч. 2. Д. 192. Оп. 20. Д. 2, 8. Ф. 1341. Оп. 298. Ф. 1343. Оп. 31. Д. 2119.

⁴ РГИА. Ф. 759. Оп. 95. Д. 62 (Чертежи планов и фасадов сельских лазаретов Гатчинского и Ропшинского округов, исполненных архитектором С. Харламовым).

⁵ Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии 1787 по 1869 гг. Составил М. Чернявский. п/№ 1290. С. 199. Приложение. С. 240. РГИА. Ф. 1343. Оп. 31. Д. 2119. Оп. 51. Д. 778. Описание герба рода Харламовых: Щит, разделенный надвое, имеет верхнюю половину зеленого и золотого цвета, разрезанную к правому нижнему углу диагональной чертой, в которой изображен хлебный снопок перемешанных с полями цветов. В нижней половине в красном поле крестообразно положены золотые шпага и стрела, остроконечиями вверх. Щит увенчан дворянским шлемом и короною с пятью павлиньими перьями, на середине которых видна летящая в левую сторону золотая стрела. Намет на щите зеленый и красный, подложенный золотом. См.: Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 г. Ч. 6. С. 116.

⁶ РГИА. Ф. 758. Оп. 18. 1846. Д. 848.

⁷ Там же.

⁸ РГИА. Ф. 759. Оп. 31. Д. 1118.

⁹ Харламов Федор Семенович. Некролог // Неделя строителя. 1889. № 9. С. 38.

¹⁰ Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1903. Т. 73. С. 78–79.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. 1860. Д. 9293.

¹² РГИА. Ф. 789. Оп. 4. Д. 42.

¹³ ЦГИА СПб. Там же. Д. 4234.

¹⁴ Исаченко В. Г. Зодчие Петербурга второй половины XIX в. Каталог выставки. Л., 1985. С. 100.

¹⁵ Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Там же. С. 78–79. РГИА. Ф. 789. Оп. 10. Д. 1744. Оп. 19. Д. 1724.

¹⁶ РГИА. Там же. Оп. 4. Д. 10.

¹⁷ Там же. Оп. 10. Д. 121. Л. 5–14.

¹⁸ Там же. Ф. 759. Оп. 32. Д. 576.

¹⁹ ЦГИА СПб. Там же. Д. 1282.

²⁰ Зодчий. 1876. № 5. С. 66.

²¹ Антонов В. О., Кобак А. В. Утраченные памятники архитектуры Петербурга-Ленинграда. Каталог выставки. Л., 1988. № 88.

²² ЦГИА СПб. Там же. Д. 5968.

²³ См.: С. Ф. Харламов. Некролог. С. 38–39.

²⁴ РГИА. Там же. Оп. 10. Д. 121. Л. 5–14.

²⁵ Там же. Ф. 472. Оп. 31. Д. 48. Л. 1–2.

²⁶ Лебедев В. Церковь при Николаевском дворце в С.-Петербурге // Странник. 1877. Т. 2. С. 14.

²⁷ Там же. С. 1.

²⁸ Ныне в этих помещениях устроены складские помещения. См.: Латис И. А. Иконостас превратностей судьбы // Искусство Ленинграда. 1990. № 8. С. 65–67.

²⁹ Зодчий. 1875. С. 119.

³⁰ РГИА. Ф. 496. Оп. 1. Д. 238.

³¹ Там же. Ф. 789. Оп. 10. Д. 121. Л. 5–14.

³² Там же. Ф. 1293. Оп. 113. Д. 63. Л. 1–3.

³³ Там же. Ф. 789. Оп. 10. Д. 121. Л. 5–14.

³⁴ Там же. Ф. 1293. Оп. 113. Д. 6. Л. 1–8.

³⁵ ЦГИА СПб. Там же. Д. 4796.

³⁶ Шульц С. Храмы Петербурга. СПб., 1994. С. 103.

³⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 160. Д. 745.

³⁸ Мотивы русской архитектуры. СПб., 1875. Т. 1. Л. 23–27, 44–50.

³⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 10. Д. 121. Л. 5–14.

⁴⁰ Тихонов Л. П. Красное Село. Л., 1968. С. 23.

⁴¹ Там же. С. 23–24.

⁴² Зодчий. 1882. № XI. Стр. 84.

⁴³ РГИА. Ф. 496. Оп. 1. Д. 319.

⁴⁴ ЦГИА СПб. Там же. Д. 8748.

⁴⁵ РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Д. 184. Л. 1.

⁴⁶ Авторство часовни до сих пор приписывалось Ф. С. Харламову. См.: Шульц С. Указ. соч. С. 97. № 8 (131); Храмы Петербурга. Справочник—

путеводитель. Авт.-сост. А. В. Берташ, Е. И. Жерихина, М. Г. Талалай. СПб., 1992. С. 110, № 483.

⁴⁷ РГИА. Ф. 1293. Оп. 114. Д. 23.

⁴⁸ Здание богадельни с церковью и школой в Санкт-Петербурге // Зодчий. 1885. № 1. С. 3.

⁴⁹ Петровское училище С.-Петербургского Купеческого Общества // Зодчий. 1883. С. 48.

⁵⁰ См.: Ф. С. Харламов. Некролог. С. 38-39.

⁵¹ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2070. Л. 4, 11-11об.

⁵² ЦГИА СПб. Там же. Д. 3346.

⁵³ Исаченко В. Г. Там же. С. 100.

⁵⁴ См.: Ф. С. Харламов. Некролог. С. 39.

⁵⁵ Исаченко В. Г. Указ. соч. С. 100.

⁵⁶ ЦГИА СПб. Там же. Д. 5669.

⁵⁷ Там же. Д. 5680.

⁵⁸ Там же. Д. 4583.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См.: Ф. С. Харламов. Некролог. С. 38.

⁶¹ Там же.

⁶² Кушнин И. И. Архитектура Новгорода. Л., 1991. С. 145.

⁶³ См.: Ф. С. Харламов. Некролог. С. 38-39.

⁶⁴ К 100-летию Путиловского завода. 1801-1901. СПб., 1902. С. 18-19.

⁶⁵ См.: Ф. С. Харламов. Некролог. С. 38-39.

⁶⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 10. Д. 121. Л. 5-14.

⁶⁷ В 1907 году прах Путилова и его жены был перенесен в церковь, построенную при Путиловском заводе (см.: Петербургский некрополь. Т. 3. С. 522). Могила уничтожена в годы революции.

⁶⁸ РГИА. Там же. Л. 70-77.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Знакомые. Альбом М. И. Семева. Книга автобиографических собственных рукописных заметок 850 лиц. — Воспоминания. — Стихотворения. — Эпиграммы. — Шутки. — Подписи. 1867-1888. СПб., 1888. С. 7, 113. Архив Института русской литературы (Пушкинский дом). Ф. 271. Оп. 1. № 395. Л. 145.

⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 1067. Петербургский некрополь. Т. 4. С. 407.

⁷² РГИА. Там же.

⁷³ Там же. Л. 30.

⁷⁴ Там же. Л. 70-77.

⁷⁵ Зодчий. 1882. Т. 57.

⁷⁶ РГИА. Там же. Л. 36.

⁷⁷ Там же. Л. 70-77.

⁷⁸ Храмы Петербурга. Указ. соч. С. 67. № 260.

⁷⁹ Там же. РГИА. Ф. 496. Оп. 1. Д. 380. Л. 63-65.

⁸⁰ РГИА. Ф. 1289. Оп. 5. Д. 5141. Л. 76-12.

⁸¹ Там же. Ф. 789. Оп. 10. Д. 121. Л. 70-77.

⁸² Зодчий. 1887. № 3. С. 17-18. Табл. 11-14.

⁸³ РГИА. Ф. 1289. Оп. 5. Д. 5141. Л. 1-5.

⁸⁴ Там же. Ф. 789. Оп. 19. Д. 1781. Л. 1.

⁸⁵ Харламов В. Ф. К проекту здания для Почтово-Телеграфо-Телефонных учреждений в Одессе с помещениями для Управления округа и квартир для служащих // Зодчий. 1894. № 5. Л. 40-42.

⁸⁶ Харламов В. Ф. К проекту здания для Почтово-Телеграфо-Телефонных учреждений в Одессе с помещениями для Управления округа и квартир для служащих // Зодчий. 1894. № 6. Л. 46-49.

⁸⁷ Харламов В. Церковь Св. Петра Митрополита на Ульянке (ее возникновение и дальнейшая судьба — от походной палатки до большого трехпрестольного каменного храма) // Зодчий. 1887. С. 91-93. Табл. 11-12, 18-19, 31.

⁸⁸ Там же. РГИА. Ф. 789. Оп. 10. Д. 121. Л. 70-77.

⁸⁹ ЦГИА СПб. Там же. Д. 4483; 4583. Л. 12-16.

⁹⁰ РГИА. Там же.

⁹¹ Зодчий. 1889. № 7-8. Т. 33.

⁹² Петербургский некрополь. Т. 4. С. 407.

Г. Ю. Никитенко, В. Д. Соболев

Василеостровский адрес Николая Морозова

Домов, напоминающих о знаменитом шлиссельбургском узнике, в нашем городе не так уж мало. Но установленный впервые адрес: 12-я линия Васильевского острова, 37, — занимает среди них особое место. События, которые происходили здесь, сыграли важную роль в судьбе Николая Александровича Морозова (1854–1946), тогда еще совсем молодого человека, стоявшего перед выбором жизненного пути: либо научная деятельность, либо профессия революционера.

На 12-й линии Морозов жил недолго, около двух недель. Биографы приводят приблизительные даты: с 10-х по 20-е числа марта 1876 года. Описания тех дней разбросаны отдельными эпизодами по страницам автобиографической повести «На перепутье». Используя дополнительные источники, удалось определить хронологическую последовательность событий этого периода, установить адреса, где он побывал, и имена людей, с которыми встречался, и, наконец, выяснить судьбу самого здания.

В доме на 12-й линии Николай Морозов появился, когда ему шел 22-й год. Его биография уже была переполнена фактами, которые свидетельствовали о необычности судьбы. Кстати, звать его следовало не Николаем Александровичем, а Николаем Петровичем и не Морозовым, а Щепочкиным. Состоять он должен был не в мещанском сословии, в котором числился, а в дворянском, если бы отец, ярославский помещик Петр Алексеевич Щепочкин, решился узаконить брак с любимой женщиной, бывшей крепостной, которую сделал полной хозяйкой в доме. Сын получил фамилию матери, Анны Васильевны Морозовой, а отчество — от крестного отца, мологского помещика Александра Ивановича Радожицкого.

До 14 лет Николай жил в отцовском имении Борки и получил там домашнее образование. Затем — московская классическая гимназия, после которой его ожидали университет и жизнь состоятель-

ного человека в привилегированном обществе. Но урокам в гимназии он предпочитал изучение трудов Дарвина, Фарадея, Геккеля, собирание коллекции растений и минералов, посещение университетских лекций. Щепочкин огорчился бы, узнав об этом, ибо связывал моду на естественные науки с нигилистическими умонастроениями в обществе.

Действительно, в нерадивом гимназисте скрывался не только естествоиспытатель, но и революционер. К моменту появления на 12-й линии за его плечами уже имелся опыт «хождения в народ», участия в подпольной организации «чайковцев» и издания в Женеве народнической газеты «Работник». В 21 год Морозов уже являлся членом женевской секции бакунинского Интернационала, дружил с видным народником С. М. Кравчинским и с известным французским географом Э. Реклю. В невероятно насыщенную жизнь молодого человека вместились и тюремный опыт, приобретенный в Петропавловской крепости и Коломенской полицейской части.

В петербургском Доме предварительного заключения на Шпалерной, 23¹, Морозов штудировал сочинения по общественным наукам. Однако многотомники всемирных историй разочаровали его отсутствием анализа, выводов. Тогда он решил сам ответить на возникавшие вопросы. Взяв за образец капитальные издания по зоологии и ботанике, Морозов планировал написать книгу «Всеобщая история богов и духов». Сделал предварительные наброски этой, а затем следующей книги — «Естественная история человеческого труда и его профессий». Продолжение работы пришлось отложить до той поры, когда можно будет пользоваться редкими материалами в научных библиотеках. Но сколько лет предстояло ждать свободы?

Судьба преподнесла Морозову подарок: отец решился взять его из тюрьмы под свою ответственность и крупный денежный залог, предоставил наилучшие возможности для выбора карьеры ученого, чиновника или коммерсанта. Мартовским утром 1876 года он привез сына в свой особняк на 12-й линии.

Мемуары позволяют представить давно исчезнувшие интерьеры особняка. «Когда я впервые вошел по парадной лестнице в бельэтаж нашего нового петербургского дома, он показался мне настоящим дворцом по своему художественному убранству». Морозов описывает парадную лестницу с алыми коврами и тропическими цветами в кадках по краям ступеней и величественного немца-швейцара². Запомнились ему и интерьеры бельэтажа: «Большие окна из цельных зеркальных стекол показались мне открытыми на улицу, несмотря на то, что еще стояла зима, — так они были прозрачны после тусклых мелких решеток

в Доме предварительного заключения. Карнизы лепных потолков блестели позолотой, и со средин свешивались художественные люстры из золоченой бронзы, сверкающие хрустальными подвесками. Такие же золоченые бра были в подходящих местах высоких стен, и все эти стены были сплошь увешаны картинами знаменитых художников в великолепных рамах. Тут были и морские виды Айвазовского, и пейзажи Шишкина, жанровые и всякие другие картины, большие и малые, на которые отец затратил в полтора года около полумиллиона своих свободных капиталов, а это было тогда очень много»³.

Красота и комфорт, в атмосфере которых отец предлагал сыну начать новую жизнь, произвели на молодого человека столь сильное впечатление, что даже через тридцать лет Николай Александрович словно видел перед собой мягкую мебель, обивка которой была темно-малинового цвета в одной из комнат и зеленовато-изумрудной в другой, мраморные статуи нимф и богов на мраморных пьедесталах, письменный прибор из фигурок зверей в отцовском кабинете... В мезонине Николаю приготовили большую комнату, также увешанную картинами. Кровать, мраморный умывальник, платяной шкаф, комод и письменный стол с подсвечниками — такова была ее меблировка. После низких сводов камеры здесь дышалось необычайно легко.

Отец в первый же день повез сына на выставку передвижников посмотреть картину А. И. Куинджи «Украинская ночь», вызывавшую всеобщее восхищение. Несколько художников, в том числе и сам Куинджи, подошли к Петру Алексеевичу и поздоровались с ним. Некоторые приглашали в свои студии взглянуть на новые работы. Щепочкин знакомил их с сыном и обещал зайти. Он давал понять Николаю, какие интересные знакомства могут быть в его кругу.

Вечером того же дня Морозов смотрел вместе с отцом комедию «Булочница», привезенную парижской труппой, и смеялся, слушая забавные диалоги красавицы-булочницы и молодого заговорщика.

Если что и омрачало Николаю настроение, так это невыполненное обещание повидаться с друзьями. На следующий день, в шесть часов утра Морозов отправился к Кравчинскому, чтобы посоветоваться, как действовать дальше. Оказалось, что нелегальный кружок распущен и временно следует оставаться на поруках у отца. Домой Николай вернулся далеко за полночь. К этому времени отец уверился в побеге сына и сообщил об этом властям.

Морозов расценил поступок отца как предательство из страха перед III отделением. Отец же, очевидно, старался пресечь доступными ему средствами действия сына, пока они не привели к непоправимым последствиям.

На следующий день отец повез Николая к градоначальнику⁴ и следователю по особо важным делам Ф. Ф. Крахту. Следователь удовлетворился объяснением и отпустил молодого человека. Казалось, что все обошлось. Однако теперь Николай мог выходить из дому только в сопровождении отца или молодой гувернантки сестер Марии Васильковской, жившей здесь же. Иногда они прогуливались до библиотеки, служившей Николаю нелегальным почтовым ящиком для связи с Кравчинским. Мария ни о чем не догадывалась.

Автор мемуаров упоминает еще об одном обитателе дома. Однажды, когда за утранным чаем они с отцом просматривали «Петербургские ведомости» и «Голос», вошел человек средних лет, в очках. Морозов называет его доктором Яблоновским⁵. Вошедший тайком передал Николаю стихотворное послание С. С. Синегуба из Дома предварительного заключения, письмо В. Н. Фигнер из Швейцарии и записку Кравчинского: «Оказывается, у тебя в доме живет доктор Яблоновский, на его квартире можно видаться с тобой»⁶.

Петр Алексеевич старался заинтересовать сына совсем иной жизнью. Например, устроил встречу с гимназическим товарищем Николая, поступившим в кавалерийское училище: «Может быть, захочется и тебе?»⁷; просил помочь отстригать от акций купоны — пора получать дивиденды. Он не оставлял сыну свободного часа: балы, визиты, приемы гостей, театры...

В это время жандармский рапорт о попытке Морозова скрыться от поручителя завершил движение, и 23 марта последовало постановление о возвращении его в Дом предварительного заключения. 24 марта следователь Крахт получил из Министерства юстиции специальное предписание: «Государь Император <...> высочайше повелеть соизволил: чтобы Морозов до окончательного решения о нем дела не был освобожден»⁸.

Николай же успел забыть о своем самовольном уходе и, вернувшись с прогулки по Елагину острову в роскошной коляске, был ошеломен, застав в гостиной ожидавшего его жандармского офицера...

Морозов снова очутился в тюремной камере. За последовавшие два года заключения в дополнение к французскому он овладел немецким, английским, итальянским и испанским языками.

23 января 1878 года на «процессе 193-х» Морозову, который являлся в данном деле рядовой фигурой, был объявлен приговор: 15 месяцев тюрьмы, которые зачли в счет трехлетнего предварительного заключения. Николая освободили с тем, чтобы передать «на попечение и надзор родителей»⁹, но в доме на 12-й линии его не дождались. Он стал другим человеком. Профессиональный революционер, он сразу перешел на нелегальное положение. Его оппонентами оказались

такие деятели, как Г. В. Плеханов, не принимавший идей беспощадного террора. Морозов явился одним из учредителей подпольной организации «Народная воля». В Лондоне он посетил Карла Маркса и предложил издать ряд его работ на русском языке.

В январе 1881 года при возвращении в Россию Морозов был арестован, а в феврале следующего ему объявили приговор: пожизненное заключение. Летом 1884 года его перевели из Петропавловской крепости в Шлиссельбургскую, где он провел 21 год. 28 октября 1905 года 52-летний узник вышел на волю по амнистии. К революционной деятельности он больше не вернулся: целиком посвятил себя науке.

Отец не дожил до этого момента. Глубоко переживая драматический исход «двухнедельных каникул» сына, испытывая тяжелые душевные страдания, Щепочкин умер в 1886 году.

В 1923 году Советское правительство предоставило Морозову в пожизненное пользование имение отца Борок. Он организовал там исследовательскую базу Академии наук и продолжил свою энергичную научную деятельность. Старинные аллеи, усадебный дом — все напоминало о матери и отце, с которыми так трагично разошлись его пути. Перекрестком их судеб оказался дом на 12-й линии Васильевского острова.

Сохранился ли особняк Щепочкина?

В мемуарах Морозов указал дом под № 29. Сейчас это шестизэтажное здание. «Дом П. А. Щепочкина находился на 12-й линии, 33», — говорится в книге В. А. Твардовской «Н. А. Морозов в русском освободительном движении», изданной в 1983 году¹⁰. Однако и по этому адресу расположен жилой пятиэтажный дом, ничем не напоминающий особняк.

Исследования исторических материалов позволили уточнить местонахождение особняка и определить его современный адрес: 12-я линия, дом № 37. Этим номером обозначены два здания, стоящие вплотную друг к другу. Левое — бывший доходный дом — имеет пять этажей, правое — особняк — четыре. Оба дореволюционной постройки. Их фасады оформлены достаточно просто и ничем не напоминают о прошлой роскоши.

Архивные чертежи показывают обширное земельное владение между Средним и Малым проспектами. Здесь в середине 1820-х годов возводилось «каменное жилое на погребках со сводами» строение¹¹. В это время особняк имел классическую обработку фасада. В 1828 году участок обозначен на плане города под адресом «Васильевская часть, № 389»¹². С 1830-х годов он получил номер 28 по 12-й линии¹³. Через тридцать лет, когда четные и нечетные стороны улицы поменялись местами, дом оказался под № 29¹⁴, что и указал Морозов в своих воспоминаниях.

В начале 1870-х годов участок купил губернский секретарь П. А. Щепочкин. Когда молодой революционер появился в доме, особняк выглядел так же, как и полвека назад. Изысканная отделка интерьеров могла остаться от прежних владельцев¹⁵. Судя по чертежам¹⁶, в низком первом этаже помещался вестибюль, откуда парадная лестница вела в бельэтаж. Вероятно, здесь размещались роскошно убранная гостиная и столовая, кабинет владельца и жилые комнаты. Наверху — мезонин, где была комната Николая.

Слева от особняка вдоль красной линии улицы тянулись одноэтажные каменные конюшни с окнами под самой крышей. Построенные в 1875 году¹⁷, они были предметом особого внимания Щепочкина — в них содержались рысаки его собственного завода. Следует отметить, что размещение частных конюшен не в глубине двора, а по улице было необычным для столицы и придавало владению усадебные черты. В 1902 году архитектор В. Р. Курзанов использовал стены конюшни, пристроив вплотную к особняку существующий пятиэтажный дом¹⁸.

Участок в то время был уже не таким крупным, как в 1820-х годах, но все же оставался довольно обширным: свыше 50 метров вдоль улицы и 70 в глубину. Значительную часть занимал сад с извилистыми дорожками. Морозов в своих мемуарах не рассказал о саде, но упомянул дворовый флигель, который он имел в виду, спрашивая Яблоновского: «Вы живете в нашем втором доме?»¹⁹. Дворовый флигель, построенный Н. П. Гребенкой в 1863 году по левой границе двора, с тех пор изменил свой облик. В 1893 и в 1902 годах архитектор В. Р. Курзанов надстроил его третьим этажом²⁰. Сегодня этот флигель можно узнать по заложенному окну второго этажа. Таким образом, легко представить себе, как выглядел «второй дом», где жил доктор Яблоновский.

Но вот неожиданный вопрос: существовал ли в действительности этот человек? Среди петербургских врачей того времени его фамилия не значится. Очевидно, автор мемуаров, написанных в камере Двинской крепости, куда он был заключен в 1912 году, зашифровал бывшего связного. Удалось установить, что врач в доме Щепочкина жил. В 1875 году это был Лука Фомич Якимович²¹, который уже около десяти лет имел чин статского советника²² и был человеком солидного возраста, мало похожим на морозовский портрет доктора. Якимович значится в доме Щепочкина и в 1876 году, но уже не Лука Фомич, а Николай Лукич — хирург²³, судя по всему, человек более молодой. В списках революционеров 1870-х годов ни Яблоновского, ни Якимовича нет²⁴.

В памяти Николая Александровича безусловно зафиксировался номер дома отца — 29. В 1889 году, в его отсутствие, произошла перенумерация участков, и особняк стал числиться под № 33, который и привела в своем исследовании В. А. Твардовская. Однако к моменту выхода монографии данные оказались устаревшими. В 1960-х годах часть номеров по 12-й линии опять передвинулась в связи с упразднением дополнительных литер: № 31-а стал просто 31; 31-б — 33, 31-в — 35 и, соответственно, 33 получил № 37.

Скорее всего, Морозов не знал о перенумерации 1889 года. Кроме того, он ошибочно полагал, что участок продали «фон Дервизу»²⁵. Семья фон Дервизов имела в 1890-х годах несколько домов по 12-й линии, включая нынешние №№ 31–35, расположенные по соседству с особняком Щепочкина. 37-ой номер им никогда не принадлежал. Однако не исключено, что велись какие-либо переговоры о покупке здания семьей Дервизов.

Как свидетельствуют документы, в 1893 году А. В. Морозова продала особняк коллежскому советнику П. М. Зеленко²⁶, который сразу произвел перепланировку помещений. Изменение же внешнего облика дома началось после того, как в 1898 году он перешел к графу П. А. Беннигсену²⁷. Первоначально архитектор Курзанов убрал парадный вход, находившийся в торце, чтобы расширить здание в правую сторону, до границы с № 35. Эту пристройку можно определить по трем увеличенным окнам низкого первого этажа. В 1902 году, продолжив реконструкцию, Курзанов разобрал мезонин, где когда-то была комната Морозова, и возвел полный этаж. Затем архитектор продлил фасад влево на одну ось, пристроив парадную лестницу, на которую квартиры каждого этажа получили самостоятельные выходы. Особняк приобрел черты доходного дома. Сохранившийся декор старого фасада дополнился лепными деталями третьего этажа. Словом, шлоссбургскому узнику трудно было узнать отцовский дом. В дальнейшем производились новые перестройки. В частности, после Великой Отечественной войны появился четвертый этаж.

При изучении истории участка открылось обстоятельство, которое уже само по себе могло привести известного ученого в эти стены. С 1912 года здесь находился так называемый Докучаевский комитет²⁸. Комитет заключил с графом Беннигсеном договор на аренду помещений и перевел сюда из здания Вольного Экономического общества²⁹ свои коллекции образцов почв, собранных в европейской части страны, в Сибири и Средней Азии, разместил Почвенный музей и лабораторию³⁰. Как естествоиспытатель Морозов мог заинтересоваться коллекциями и лабораторией. Его могли пригласить сюда и для чтения науч-

но-популярных лекций: на базе Почвенного комитета в 1916–1917 годах действовало женское просветительное общество, распространявшее сельскохозяйственные знания. Однако если он действительно бывал в этих стенах, то, очевидно, не догадывался, что находится в бывшем отцовском доме. В более поздних мемуарах, относящихся к 1926 году, Морозов писал, что дом его отца существует под № 25 по 12-й линии³¹. Этот дом в конце XIX — начале XX века был двухэтажным и принадлежал фон Дервизам. Ошибочная информация о продаже участка этой семье привела Николая Александровича к неверному адресу. Здание, ныне пятиэтажное, имеет номер 27. Оно было построено архитектором К. А. Тоном в 1849 году³² для титулярного советника Н. Д. Бычкова, известного коллекционера живописи и художника³³.

* * *

Картина двух мартовских недель 1876 года, которую нарисовал Морозов в своих мемуарах, при внимательном изучении оказывается недостаточно конкретной в деталях и вызывает у краеведов ряд вопросов. Например, в каком театре он смотрел французскую пьесу и что это была за пьеса, в каком выставочном зале видел «Украинскую ночь», в каком цирке был на представлении, где находилась библиотека — тайный почтовый ящик? Наконец, очень важно было определить дату появления Николая на 12-й линии.

Решить задачи удалось с привлечением дополнительных источников.

Известно, что Щепочкин завершил хлопоты о взятии сына на поруки 10 марта 1876 года³⁴ подачей прошения. Таким образом, наиболее ранней датой выхода Морозова из Дома предварительного заключения можно считать 11 марта.

Первый день на свободе описывается мемуаристом подробно: магазин, парикмахерская, баня, выставка, театр. Петербургские газеты того времени предоставляют следующую информацию: 11 марта — открытие очередной экспозиции Товарищества передвижных художественных выставок. Рецензенты особо отмечали «Украинскую ночь» Куинджи, ту самую картину, о которой вспоминал Морозов. Обратим внимание, что Щепочкин повез сына смотреть выставку сразу после завтрака, не дав ему отдохнуть и прийти в себя. Почему он так спешил? По воспоминаниям Морозова, его отец был крупным коллекционером и за полтора года приобрел картин на полмиллиона. Такие люди знакомятся с выставкой не позже, чем в день открытия, пока имеется полный выбор произведений.

Если бы Николай вышел не 11 марта, а 12–13-го, Петр Алексеевич успел бы на вернисаж без него и повторно вряд ли поехал бы. Судя же

по воспоминаниям, пока сын стоял перед «Украинской ночью», отец обошел весь зал — знакомился с картинами. На выставке присутствовали художники и среди них Куинджи, что подкрепляет версию о первом дне ее работы.

Полотна экспонировались в конференц-зале Академии наук. Их можно было видеть, сообщалось в объявлении, «с десяти утра до четырех часов дня», то есть при дневном освещении. Подчеркивалось, что «входят в верхнем платье»³⁵; зал не отапливался.

После выставки, по словам мемуариста, «мы возвратились домой прямо к обеду и окончили его к семи часам». Отец объявил: «Мы едем с тобою во французский театр, где дается, как говорят, очень интересная пьеса "Булочница"»³⁶. Морозов с удовольствием вспоминал ее сюжет. Симпатичный молодой заговорщик ускользает от бесполовых сыщиков. Молодая булочница прячет его. Он нравится и ее приятельнице — модистке. Сцена ревности между подругами, донос модистки, арест... Глуховатый следователь ведет комичный допрос, затем следует неудачное бегство через каминную трубу. Наконец, освобождение с помощью булочницы, подкупившей сторожей...³⁷ Изучение периодической печати показало, что это была комическая опера Ж. Оффенбаха «Богатая булочница»³⁸, написанная в 1875 году³⁹ по либретто его постоянных соавторов Л. Галеви и А. Мельяка, создателей нового для того времени жанра — оперетты⁴⁰.

По сюжету персонажи пьесы действуют во времена Регентства во Франции начала XVIII века, когда испанский посол организовал заговор с целью вырвать власть из рук Филиппа Орлеанского и передать престол своему господину, испанскому королю Филиппу V, внуку Людовика XIV. Но на деле под легкий ритм оффенбаховской музыки, прикрываясь невинными шутками, высмеивалась жизнь Второй империи⁴¹. Этот подтекст уловил Щепочкин и порывался увести сына со спектакля⁴².

5 марта состоялось первое представление. Спектакль повторялся и в последующие дни. В интересующий нас период это были 11 и 13 марта — возможные даты приезда Морозова на 12-ю линию. Если выбор спектакля определялся Щепочкиным по рецензии в «Санкт-Петербургских ведомостях», которые он, безусловно, читал⁴³, то возможна дата возвращения сына — 13 марта, так как рецензия была напечатана 12-го. Но, вероятнее всего, он не видел рецензии, так как она не просто отмечала удачное исполнение ролей, а излагала сюжет с подробностями, которые не могли бы не насторожить Щепочкина своим либеральным духом. Таким образом, более вероятно, что он собрался в театр до опубликования рецензии и ориентировался на отзывы знакомых, что подтверждает дату 11 марта.

В каком театре смотрел Морозов «Богатую булочницу»? Из периода того времени известно, что оперетта шла в Опере-Буфф. Ее деревянное здание находилось на четной стороне нынешней площади Островского, там, где продолжался в сторону реки Фонтанки Толмазов переулок (его начальная часть сохранилась под названием переулка Крылова). С 1840-х годов здесь существовал деревянный цирк купца Езелева. В 1857 году вместо него построили здание деревянного театра-цирка, вскоре преобразованного в Театр-Буфф, а затем в Оперу-Буфф⁴⁴. В настоящее время здание не существует, на его месте разбит сквер перед новым Театром юношеского творчества. В 1873–1878 годах на сцену Оперы-Буфф приглашались французские труппы. Здесь можно было пересмотреть все оперетты, имевшие успех в Париже, познакомиться со звездами парижской эстрады. В то время Опера-Буфф стала модной среди аристократов, высших чиновников, представителей буржуазных верхов⁴⁵. Это был круг Щепочкина, в который он хотел ввести сына.

Вся программа времяпрепровождения для Николая выдерживалась на столь же высоком уровне. «Днем мы с отцом, а иногда и в компании вечно нарядных дам и барышень осматривали музеи, а вечером нам предстоял неизменный театральный партер»⁴⁶.

К сожалению, в повести «На перепутье» почти не названы те музеи и театры, в которых ее автор успел побывать, поэтому устанавливать их пришлось и по косвенным свидетельствам мемуариста. В первый день — выставка передвижников в конференц-зале Академии наук и Опера-Буфф. В третий день, по его свидетельству, — Эрмитаж и оперетта «Прекрасная Елена»⁴⁷.

В деревянном театре Берга, расположенном рядом с казармами Гвардейского экипажа на Екатерининском канале (пр. Римского-Корсакова, 22), давались сборные спектакли. В течение вечера исполнялись шансонетки и пантомимы, фрагменты из французских оперетт и русских водевилей⁴⁸. 14 и 16 марта четвертым, последним, отделением давались сцены из «Прекрасной Елены»⁴⁹. Правда, ни то, ни другое число не было третьим днем Морозова на поруках. В этот день — 13 марта — давались сцены из другой оперетты Оффенбаха — «Птички певчие»⁵⁰. Остается предположить, что либо мемуарист перепутал названия, либо произошла замена спектакля, не отраженная в афишах.

В один из дней «василеостровских каникул» Николай собирался с отцом в Большой театр, но задержался в гостях и потому «предназначенный на этот день балет»⁵¹ пропустил. Название балета он не сообщил. Ежедневные петербургские газеты 1876 года помогли установить, что за те две недели в Большом театре прошло всего два балетных

спектакля. 14 марта давали «Приключение Пелея», а 16 — «Бандиты»⁵², оба поставленные М. Петипа⁵³.

Зная, что сын никогда не бывал в цирке, Щепочкин повез его на представление к Чинизелли. Морозов весьма эмоционально комментировал увиденное. Его досаду вызвали, например, клоуны, которые хлестали друг друга по щекам, а вслед за тем обнимались и целовались: «Как трудно <...> научить таких людей вести себя с достоинством»⁵⁴. Столь же критически смотрел молодой революционер на атлетов из Южной Америки, которые «поднимали друг друга на лестницах, поставленных в рот на здоровые нижние челюсти». Не одобрял «сильно декольтированного юношу», делавшего сальто на спине скачущего коня. Выступление дрессированных лошадей расценил как бесполезное упражнение, не приносящее практической пользы. За воздушных акробатов под куполом цирка Николай переживал, но публика аплодировала⁵⁵. Мемуары открывают редкую возможность познакомиться с цирковым представлением в Петербурге во второй половине XIX века.

Афиши поясняют, кого видел Морозов: «Известные американские атлеты братья Гильфорт» показывали «удивительные геркулесовы упражнения, особенно в отчаянных полетах, держась зубами за почти невидимую проволоку»⁵⁶. 21 марта указывается наездник Э. Чинизелли — «высшая школа верховой езды». Возможно, это и был тот самый «декольтированный юноша», один из представителей цирковой семьи⁵⁷.

С именем Г. Чинизелли обычно связывают каменное здание цирка на набережной Фонтанки, 3. В марте 1876 года оно еще строилось. Морозов же побывал в деревянном цирке на Манежной площади, принадлежавшем тому же Чинизелли. Осенью 1877 года в связи с открытием каменного здания на Фонтанке старое деревянное разобрали⁵⁸, и сейчас на этом месте сквер.

Изучая маршруты поездок Морозова по столице, нельзя не заметить, что почти все они были определены отцом. Исключение составляет разве что путь в библиотеку, но здесь выбор сделал не сам Николай, а Кравчинский, организатор нелегального «почтового ящика». К сожалению, автор мемуаров не дал точных координат библиотеки, кроме названных Кравчинским: «около вас, на набережной Невы»⁵⁹. Очевидно, «около вас» означает — на Васильевском острове. Действительно, на Василеостровском берегу Невы в тот период существовала частная библиотека, принадлежавшая дворянину Полухину. Она находилась на углу 5-й линии⁶⁰. Ныне это дом № 19/2 по Университетской набережной.

Щепочкин предусмотрел для сына еще один маршрут, о котором задумывался и сам Морозов, — поездку в Борок, где он мог бы работать над собственными сочинениями. Мысль об отъезде в Борок незримо присутствовала в сознании обоих. Это заметно, например, по эпизоду обсуждения отцовских акций нефтяных, металлургических и других компаний⁶¹. С наибольшей заинтересованностью передается та часть разговора, которая касалась ценных бумаг Рыбинско-Бологовской железной дороги, впрочем, не отличавшихся доходностью⁶². Выяснилось, что дорога проходила поблизости от имения Борок⁶³. Завершенная в 1870 году, она открывала удобный путь в имение, минуя Москву. Поездка туда становилась удобнее и короче. Но воспользоваться этим маршрутом Морозову довелось лишь много лет спустя...

⁵¹ Всеобщий календарь на 1877 год. СПб., 1877. Ч. II. С. 17.

⁵² Морозов Н. А. На перепутье. // Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1961. Т. 2. С. 111.

⁵³ Там же. С. 112.

⁵⁴ Морозов не назвал фамилию градоначальника, но известно, что с 1871 по 1878 г. им был генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов. См.: Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство. СПб., 1903. С. 216.

⁵⁵ Морозов Н. А. Указ. соч. // Там же. С. 134.

⁵⁶ Там же. С. 136.

⁵⁷ Там же. С. 137.

⁵⁸ Твардовская В. А. Н. А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. С. 62.

⁵⁹ Там же. С. 70.

⁶⁰ Там же. С. 170.

⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 823. Оп. 1. Д. 213. Л. 12 об.—13.

⁶² Подробный план столичного города С.-Петербурга, снятый по масштабу 1:4200 под начальством генерал-майора Шуберта. Гравирован в военно-тип. депо. СПб., 1828. Л. XII.

⁶³ Нумерация домов в Санкт-Петербурге, с алфавитными списками проспектам, площадям, набережным, мостам... СПб., 1836. С. 307.

⁶⁴ Дылов Н. И. Описание улиц С.-Петербурга и фамилий домовладельцев к 1863 году. СПб., 1862. С. 188.

⁶⁵ В одном из зданий, расположенных на участке, возможно, именно в этом особняке, в 1854 г. жил архитектор Н. П. Гребенка (см.: Путеводитель. 60 000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчины и прочие. СПб., 1854. Ч. I. С. 85). Правда, адрес «12 линия, 27, дом Беловой», данный в этом справочнике, — явная опечатка, не единственная в этом издании. В 1854 г. номер дома по 12-й линии мог быть только четным. Этой ошибки нет во II части издания, в которой указаны принадлежавшими А. А. Беловой №№ 28, 30 и 32 по 12-й линии (С. 30), что подтверждается архивными документами. Таким образом, Гребенка жил по адресу 12-я линия, 28. В 1840–1860-х гг. архитектор возвел на участке ряд строений для владелицы «купеческой жень» Беловой (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 1809. Л. 3–4, 20–22).

- ¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 1809. Л. 25, 16, 28.
- ¹⁷ Там же. Л. 26–33.
- ¹⁸ Там же. Л. 50–100.
- ¹⁹ Морозов Н. А. Указ. соч. С. 135.
- ²⁰ ЦГИА СПб. Там же. Л. 38–43, 78–82.
- ²¹ Всеобщий календарь на 1876 (високосный год). СПб., 1875. С. 649.
- ²² Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга. СПб., 1867–1868. С. 560.
- ²³ Всеобщий календарь на 1877 год. СПб., 1876. Ч. II. С. 49.
- ²⁴ Деятели революционного движения в России. Библиографический указатель. М., 1932. Т. 2. Семидесятые годы. Вып. IV. С–Я.
- ²⁵ Морозов Н. А. Указ. соч. С. 107.
- ²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 6998. Л. 16.
- ²⁷ Там же. Л. 34.
- ²⁸ Весь Петербург на 1912, 1913, 1914, Весь Петроград на 1915, 1916, 1917. Докучаевский комитет впоследствии стал основой для создания Почвенного института и Центрального музея почвоведения имени В. В. Докучаева Академии наук СССР.
- ²⁹ Московский пр., 33.
- ³⁰ Шокальская З. Ю. Краткий очерк возникновения и развития музея почвоведения // Сборник работ Центрального музея почвоведения имени В. В. Докучаева. М.-Л., 1954. Вып. 1. С. 15. Там же опубликована фотография здания до последней перестройки.
- ³¹ Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. Столб. 309.
- ³² ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 1804.
- ³³ Художники народов СССР. Библиографический словарь. М., 1972. Т. 2. С. 135.
- ³⁴ Твардовская В. А. Указ. соч. С. 61.
- ³⁵ Санктпетербургские ведомости. 1876, 11 марта (№ 70). С. 1; там же. 12 марта (№ 71). С. 5. Морозов Н. А. Указ. соч. С. 114–115.
- ³⁶ Морозов Н. А. Там же.
- ³⁷ Там же. С. 116–117.
- ³⁸ Санктпетербургские ведомости. 1876, 7 марта (№ 66). С. 2.
- ³⁹ Соллертинский. И. И. Оффенбах. М., 1962. С. 35.
- ⁴⁰ Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1892. Т. 14. С. 892. Новый энциклопедический словарь Брокгауза–Ефрона. Т. 26. Столб. 244. Большая энциклопедия под ред. С. Н. Южакова. Т. 6. С. 65.
- ⁴¹ Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Там же.
- ⁴² Морозов Н. А. Указ. соч. С. 117.
- ⁴³ Там же. С. 133.
- ⁴⁴ Данилов С. С. Постоянные публичные театры в Петербурге в XIX веке // О театре. Сб. статей. Л., 1929. С. 171–173.
- ⁴⁵ Петровская И., Сомина В. Театральный Петербург. Начало XVIII века — октябрь 1917 года. СПб., 1994. С. 161–162.
- ⁴⁶ Морозов Н. А. Указ. соч. С. 133.
- ⁴⁷ Там же. С. 132.
- ⁴⁸ Петровская И., Сомина В. Указ. соч. С. 160–161.
- ⁴⁹ Афиша театральная. 1876. 14 и 16 марта. РНБ. Газетный зал.
- ⁵⁰ Там же, 13 марта.
- ⁵¹ Морозов Н. А. Указ. соч. С. 144.
- ⁵² Голос. 1876. 14 марта (№ 74). С. 2; 16 марта. (№ 76). С. 5; Санктпетербургские ведомости. 1876. 14 марта (№ 73). С. 2; 16 марта (№ 75). С. 2.
- ⁵³ Балетная энциклопедия. М., 1981. С. 399.
- ⁵⁴ Морозов Н. А. Указ. соч. С. 150.
- ⁵⁵ Там же. С. 151.
- ⁵⁶ Афиши театральные. 1876. 9, 21 марта.
- ⁵⁷ Цирк. Маленькая энциклопедия. М., 1979. С. 366.
- ⁵⁸ Данилов С. С. Указ. соч. С. 173–174. Федоров С. Г. Цирк Чинизелли и его предшественники // Ленинградская панорама. 1988. № 1. С. 30–31.
- ⁵⁹ Морозов Н. А. Указ. соч. С. 136.
- ⁶⁰ Всеобщий календарь на 1876 (високосный) год. С. 638. По тому же адресу указан книжный магазин Вилькена, числящегося в других справочниках владельцем библиотеки на 5-й линии, 2. См.: Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга. Гоппе и Корнфельд. Ч. IV. С. 23; Справочная книга для Петербурга. СПб., 1884. С. 29.
- ⁶¹ Морозов Н. А. Указ. соч. С. 147, 668.
- ⁶² Биржевые ведомости. 1876. 11 марта (№ 69). С. 4; Цены фондов на бирже // Санктпетербургские ведомости. 1876. 10–23 марта; Отчет правления Общества Рыбинско-Бологовской железной дороги // Там же. 7 марта (66) С. 6; 12 марта; Отчет о биржевых торгах // Там же. 16 марта (№ 75). С. 3.
- ⁶³ Железнодорожные ветви. От Бологого к Рыбинску // Всеобщий календарь на 1876 год. С. 384–385. Большой всемирный атлас Маркса. СПб., 1910. Л. 26; Земля ярославская. Туристическая карта с указанием памятных мест // Турист. 1982. № 10. С. 11–12.

А. Д. Зиновьев

Переживания в Петрограде в июле и августе 1918 года

Публикация С. К. Зиновьева, Н. С. Тихоновой*.

В начале марта 1918 года декретом Наркомюста тюрьма Трубецкого бастиона Петропавловской крепости была закрыта. Однако летом того же года камеры вновь заполнились арестованными. Об этом известно из немногих литературных источников, которые воссоздают весьма мрачную картину. Так, 1 октября 1918 года З. Н. Гиппиус записала в дневнике: «Аресты, террор... кого еще? В крепости Трубецкого бастиона набиты оба этажа. А нижний подвальный (запомните!) — камеры его заперты наглухо, замурованы: туда давно нет ходу, там — неизвестно кто — обречены на голодную смерть? Случайно из коридора крикнули: сколько вас там? И лишь стоном ответило: много, много...»¹. Другой современник, ссылаясь на свидетельства очевидцев, сообщал: «В камере было холодно, сыро и душно. Пребывание в ней было для нас всех сплошным страданием. Мы все наше время проводили в постоянном страхе за нашу жизнь. Редко мы засыпали, ибо мы все ждали, что придут кто-нибудь ночью за нами и нас выведут на расстрел»².

Чем подкрепить или опровергнуть эти страшные слухи? Что же на самом деле происходило в тюрьме Трубецкого бастиона в 1918–1919 годах? На этот вопрос пока ответить трудно. При отсутствии документов убедить могут только доказательства очевидца, лично пережившего заключение в Трубецком бастионе после Октябрьской революции. Такой свидетель нашелся: Александр Дмитриевич Зиновьев содержался в Петропавловской крепости летом 1918 года и по выходе из нее рас-

* Выражаем искреннюю благодарность Кириллу Львовичу Зиновьеву за любезно предоставленный для публикации фрагмент рукописи воспоминаний его деда Александра Дмитриевича, а также за помощь, оказанную при ее подготовке.

сказал обо всем, что с ним произошло. Записи делались за границей в Гунгербурге (ныне Усть-Нарва) в 1919 году. Для нас это — ценнейший источник информации, который дает ключ к дальнейшим поискам.

Интересна личность самого мемуариста, который принадлежал к родовитой фамилии, известной с XIV столетия. Среди членов семьи Зиновьевых были президент Медицинской коллегии, директор Пажеского корпуса, офицеры и промышленники. Прадед автора воспоминаний, Николай Иванович Зиновьев, был комендантом Петропавловской крепости в 1764–1773 годах и похоронен на Комендантском кладбище около Петропавловского собора.

А. Д. Зиновьев был Петербургским губернским предводителем дворянства, губернатором Санкт-Петербургской губернии (1903–1910), шталмейстером Высочайшего двора, членом Государственного совета (1910–1917), гласным Петроградского земского собрания, главноуполномоченным Северного района общества Красного Креста (1914–1917), председателем нескольких комиссий³. Свое последнее место службы в Красном Кресте он оставил в декабре 1917 года.

Во время описываемых событий Зиновьеву было 64 года. Его сыновья — двадцатичетырехлетний Андрей и двадцатидвухлетний Михаил, ротмистры Лейб-гвардии Конного полка, — разделили с отцом все невзгоды 1918 года.

Перед арестом Зиновьевы жили на даче на Крестовском острове во дворце князей Белосельских-Белозерских, который хозяева сдали в аренду испанскому посольству, чтобы избежать грозящей национализации.

В ночь с 16 на 17 июля во дворец явились районный комиссар и красноармейцы, произвели обыск, конфисковали пишущую машинку, две бутылки вина, забрали все бумаги, арестовали Зиновьева и его сыновей. Около пяти часов утра их привели в здание ЧК на Гороховой улице, 2. После предварительного допроса и просмотра конфискованных бумаг арестованных направили в камеру № 96 тюрьмы при градоначальстве. В помещении, рассчитанном на 15 человек, находилось около 30 задержанных, к вечеру их набралось уже 39. Порядок поддерживал камерный «староста» — профессор химии Горного института С. Е. Писарев, о котором автор вспоминал с большим уважением и симпатией.

Ночью Зиновьева вызвали на допрос к председателю Петроградской ЧК М. С. Урицкому. «Урицкий по своей должности лишил себя права на снисхождение, и я не постесняюсь поэтому сказать, что на меня он произвел впечатление злобного и непорядочного человека, — записал мемуарист, правда, тут же заметил, — лично в отношении меня

он был сдержан». Зиновьеву ставилась в вину переписка с гетманом Скоропадским, письмо к которому было перехвачено чекистами. Обращение к украинскому правительству было вызвано необходимостью получить разрешение на выезд в Херсонскую губернию семье сына Дмитрия Александровича и ничего антиправительственного не содержало.

На допросе Зиновьев не скрывал своих монархических убеждений и лишь отмечал, что его пристрастия пассивны, так как советская власть лишила возможности как-либо проявлять свои взгляды и убеждения. Не скрыл он и своего желания покинуть Петроград и перебраться в Гунгербург, где проживала семья его старшего сына Льва Александровича. Урицкий дал Зиновьеву разрешение на выезд, а его сыновьям отъезд запретил. Допрос закончился благополучно, и через сутки Александр Дмитриевич, Андрей и Михаил покинули зловещий дом на Горюховой.

Как вспоминал мемуарист, тогда им казалось, что гроза миновала. Освобождение по указанию Урицкого воспринималось гарантией дальнейшей безопасности. Зиновьевы по-прежнему жили на Крестовском острове и готовились к отъезду. Однако запрещение на выезд Андрея и Михаила крайне осложняло осуществление задуманного. В случае проверки на границе нарушившим приказ председателя Петроградской ЧК грозил расстрел. Кроме того, Зиновьев считал, что «не совсем соответствовало чувству собственного достоинства уезжать тайком, попросту бежать». Решили ждать.

К концу июля в Петрограде появились слухи об участвовавших арестах. Многие знакомые Зиновьевых были задержаны. «Нервность общества возросла», — отметил мемуарист.

Серия покушений на деятелей революции (20 июля убит В. Володарский, 30 августа — М. С. Урицкий, 31 августа произошло покушение на В. И. Ленина) положила начало «красному террору».

Второй арест Зиновьева последовал 4 августа. Вместе с ним попал в тюрьму сын Михаил, Андрей в этот момент отсутствовал и затем вынужден был скрываться.

В Трубецком бастионе Зиновьев находился только с 5 по 7 августа. Однако сведения, приведенные мемуаристом, уникальны. Он назвал общее число арестованных, которое составляло 500 — 600 человек. По сообщению Зиновьева, в одной камере с ним находились 10 заключенных. При таком заполнении 69 камер Трубецкого бастиона и казематов Екатерининской куртины эти цифры выглядят вполне допустимыми.

Автор упомянул имена 12 лиц, находившихся под арестом в Трубецком бастионе. Характерен их социальный состав — дворяне, пред-

ставители буржуазии. Эти данные в дальнейшем должны быть подтверждены архивными изысканиями, но и сейчас они являются важным свидетельством очевидца, проливающим свет на неизвестные страницы истории тюрьмы.

Значительный интерес представляет описание условий содержания арестованных, размещавшихся большими группами в бывших одиночных камерах: отсутствие казенного питания, крайне редкая и нерегулярная раздача кипятка, запрет на прогулки и свидания.

Воспоминания о трехдневном сроке заключения не дают права делать широкие обобщения по режиму тюрьмы. Однако встает вопрос: была ли суровость особенностью заключения в крепости? Сравнение с положением в других петроградских тюрьмах выявляет подобную картину. Вот строки из воззвания заключенных Петроградской пересыльной тюрьмы: «Просим взглянуть на тюрьмы, которые страшно переполнены, и вы найдете там подавляющее большинство совершенно случайных преступников, таких же рабочих и крестьян, которые призываются в Красную Армию <...> Заключенные обречены в настоящее время на систематическое голодное вымирание»⁴. Такие же отчаянные письма шли из «Крестов» и многих других тюрем. Объективные трудности с продовольствием этого времени усугублялись полным пренебрежением к участи заключенных врагов революции, не имевших права на снохождение. Своеволие местных начальников усиливало тяжесть ареста.

На исходе третьего дня заточения Зиновьева вместе с другими арестованными вывели из тюрьмы Трубецкого бастиона к Комендантской пристани и погрузили на железную баржу. Процедура погрузки и весь путь до Кронштадта оставили в памяти мемуариста наиболее тягостное впечатление. Грубость и оскорбления, которым подвергались арестованные еще в крепости, в пути усилились. Многих обыскивали, забрали одежду, отняли все приглянувшееся из передач. «Козлом отпущения» для распоясавшихся матросов был священник Дубровский. Его несколько раз вызывали на палубу, угрожали и избивали. Наблюдая в пути за конвоирами и их жертвами, Зиновьев не мог сдерживать негодования: многие, недавно высокопоставленные лица стали заискивать и пресмыкаться перед своими тюремщиками. «Я глубоко убежден, что все товарищи наедине <...> мысленно говорили себе <...> ишь ты! теперь залебезил! Я слышал тот же заискивающий голос у профессоров, генералов и полковников!»

Поздним вечером баржа прибыла в Кронштадт. Около 350 арестантов высадили на пристань и повели к тюрьме.

Кронштадтская тюрьма оказалась переполненной, и Зиновьев с сыном были помещены в тюрьму при пожарной части. Здесь не было

строгостей Трубецкого бастиона: разрешались свидания с родственниками и передачи. Из разговоров с матросами охраны узники узнали, что в Кронштадт приезжал Л. Д. Троцкий и распорядился на месте решать участь «буржуев» из Петрограда. Береговые командиры будто бы при этом высказались за беспощадное истребление «белогвардейцев», а судовые комитеты, мнение которых было решающим, заявили, что «с них крови довольно».

На третий день в тюрьме появился комиссар и объявил, что «всем украинцам, литовцам, курляндцам, ливонцам и эстляндцам надлежит вписать себя в особые списки» для решения их дальнейшей участи. Зиновьев — владелец недвижимости в Эстонии и почетный гражданин Нарвы — написал заявление о своей принадлежности Эстляндии. В списки он внес и сына Михаила. В тот же день около 160 человек, подавших заявление, были перевезены в Петроград. Вновь Зиновьев с сыном оказались в знакомом здании на Гороховой улице. Последовали формальный допрос и приказание Урицкого немедленно покинуть город. Таким был путь к спасению.

Заметим, что если бы Зиновьевы задержались еще на неделю, то с началом «красного террора» возможность отъезда стала бы весьма проблематичной.

23 августа Зиновьев отправился в долгую и тревожную дорогу к занятому немцами Пскову. Тогда там начиналась граница. Вид города, в котором еще недавно находилось Управление Красного Креста, горько всколыхнул воспоминания Зиновьева о прежней деятельности, о сослуживцах... В Пскове Зиновьев встретился с сыновьями, нелегально перешедшими границу.

После десятидневного карантина Александр Дмитриевич, Андрей Александрович и Михаил Александрович выехали в Гунгербург, где их ожидали привет и ласка близких и родных. «Там забудутся личные невзгоды. Но — увы — не замрет и там горе за поруганную Родину, мукам которой конца еще не видно!» — закончил Зиновьев свои воспоминания.

События двух месяцев: арест, тюремное заключение, постоянно возрастающая угроза для жизни — глубоко пережиты автором. Во внешнем бесстрастном описании фактов, изложенных несколько суховатым языком делового человека, несклонного преувеличивать, прочитывается драма крушения привычного порядка, исчезновения прежних критериев законности. Это особенно болезненно воспринималось чиновником такого высокого ранга, каким был Зиновьев. Вопрос о правомерности репрессивных действий властей, проблема этики поведения вчерашних влиятельных лиц в условиях революционной реальности занимают в мемуарах значительное место.

Действительно, по отношению к Зиновьеву и людям его круга советская власть применяла исключительно насилие, практически не оставляя возможности для выживания. В свою очередь, и мемуарист однозначно не признавал новых правителей, он даже не пытался быть объективным. Важнейшие события времени проходили мимо внимания автора, они опосредованно отразились в описании личной жизни. Даже такой немаловажный факт, как убийство В. Володарского, вслед за которым прокатилась волна арестов, затянувшая и Зиновьевых, в мемуарах не упомянут. В нарочитом невнимании к действиям правительства видится определенная позиция автора.

В 1920 году из Эстонии семья Зиновьевых переехала в Англию и осталась там на долгие годы. В 1994 году правнук мемуариста Севастьян Кириллович Зиновьев посетил Петропавловскую крепость. Поклонился праху своего предка, похороненного на Комендантском кладбище, осмотрел тюрьму Трубецкого бастиона: хотел найти камеру, в которой был заключен прадед. Рукопись из семейного архива помогла в этих поисках.

Записки А. Д. Зиновьева имеют название «Переживания в Петрограде в июле и августе. 1918». Рукопись выполнена карандашом и имеет большой объем: 111 страниц, заполненных изящным убористым почерком. Редкие авторские вставки на полях дополняют и уточняют изложение. От времени текст несколько поблек, бумага пожелтела, на нескольких страницах оказались утраченными нижние строки.

Воспоминания состоят из трех частей. Части не озаглавлены, но каждая из них посвящена определенному событию. В начале записей (21 страница) рассказывается о первом аресте Зиновьевых и об их заключении в тюрьме бывшего градоначальства на Гороховой улице, 2. Во второй части (58 страниц) описаны следующий арест и пребывание в районном комиссариате и тюрьмах Трубецкого бастиона и Кронштадта. Содержанием третьей (32 страницы) стало повествование об отъезде в Псков, о псковском карантине и, наконец, о переезде в Юрьев (Дерпт), а затем в Гунгербург.

Здесь мы публикуем фрагмент воспоминаний Зиновьева, касающийся его заключения в Петропавловской крепости. Надеемся, что он будет прочитан специалистами и всеми, кто интересуется историей Петербурга.

В соответствии с оригиналом в тексте сохранены авторские подчеркивания, скобки и другие пометы.

¹ Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914–1919. Нью-Йорк—Москва, 1990. С. 226.

² Смильг-Бенарио М. На советской службе // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. III. С. 151.

³ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 202. Л. 79.⁴ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 167. Л. 7.

4 августа в воскресенье мы без занятия сидели на Крестовском за завтраком и только что успели его закончить, как кто-то из нас увидел через окно, что дворец оцепляют вооруженными красноармейцами. Через минуту в столовой появились чины местного подрайонного комитета и конвойные. Старший из них, несколько извиняющимся тоном, дававшим понять, что он-де не понимает, кому охота тревожить напрасно людей, объяснил, что имеется ордер на арест всех нас. В предъявленном ордере значилось предписание арестовать «всех мужчин (!!!), проживающих на Крестовском в домах Белосельского»¹.

<...> «Всех мужчин»... — какого возраста? Не сказано! «в домах...» значит во всех? Фактически же ордер предъявляется лишь в двух из многих принадлежавших на Крест[овском] остр[ове] Князю Б[елосельскому] домов. «Всех» (мужчин) ... значит действительно всех? Вовсе нет, арестуют только нескольких «господ», прислугу не трогают. «Арестовать»... что же, только подвергнуть аресту, т.е. задержать дома? Нет! Нас тащат в тюрьму. Кто же использует этот ордер? Комиссар? Какой-нибудь красноармейский начальник? Вовсе нет, использует его первый попавшийся хотя бы и безответственный, орангутанг.

Второе, оговоренное мною выше обстоятельство, не может быть мною доказано, но не вызывает во мне никаких сомнений. Гг. большевики только в редких отдельных случаях делают распоряжения об аресте определенных лиц: в большинстве же случаев приказание дается неопределенное, общее: в такой-то местности (возможно широко: «в домах»... , а не в доме № такой-то) «арестовать»... (и если хочешь обыскать, если хочешь стащить в тюрьму и т.п.) не определенных лиц, а только кого надо считать «буржуями», «белогвардейцами» и т. п. Я убежден, что при аресте 4 августа никем не было приказано, ни письменно, ни словесно арестовать: А. Д. З-ва, с сыновьями, кн. С. С. Б., граф. Н. Н. Гр., В. Ф. Треп[ова] с сыном, В. А. Бутурлина, а было сказано что-нибудь общее, неопределенное, на месте уже самовольно примененное тем Х-мъ [так в тексте — Н. Т., С. З.], который очутился во главе набега. В этом подобные аресты преступнее даже, чем разбойничьи набеги, при которых целью является или захват имущества, или же захват либо определенных, либо указанных атаманом лиц <...>

Возвращаясь к рассказу. Никаких объяснений ни о причинах ареста, ни по содержанию ордера представитель Комиссариата дать не

мог и требовал, чтобы мы немедленно следовали за ним. Сборы наши длились недолго, тем более что предварительного обыска на этот раз не производилось. Княгине Лизе я успел шепнуть, чтобы она предупредила обо всем Андрея, сказав ему, чтобы он скрылся, куда и как только окажется возможным. Из дворца, уже окруженные со всех сторон вооруженными конвойными, мы двинулись сперва к дому Сергея (отца) Б[елосельского]², где к нам добавили В. Ф. Трепова³ и В. А. Бутурлина⁴ — бывшего киевского губернатора; Суковкина⁵, случайно бывшего в гостях у Трепова, не тронули.

С узелками в руках нас шестерых: В. Ф. Трепова, В. А. Бутурлина, Сергея Б., Нику Граббе⁶, Мишу⁷ и меня, окруженных вооруженным нарядом, повели, как водили забранных при ночной облаве по притонам жуликов и бродяг, или — что вернее ввиду вооруженного конвоя — как каторжных арестантов, по Александровскому проспекту через весь Крест[овский] остров, к помещению 5 подрайона Петроградского комиссариата⁸. При этом я невольно мысленно представлял себе то изумление и негодование, которое охватило бы старого князя Константина Эсп[еровича]⁹, если бы он, недавний гордый и полновластный хозяин Крестовского, встретил нас, своего внука и своих ближайших друзей и знакомых! Несообразность и нелепость всей этой сцены была конечно еще более смешна, чем неприятна. Как мелочь, можно добавить, что Сергей Б., соответственно случаю, облекся в свой рабочий огородный костюм — старые штаны и вестон, фланелевую рубашку, кажется, даже без галстука, и дорожную фуражку — и вовсе не походил на себя самого. Моему благодушию и философски-насмешливому настроению суждено было скоро измениться и уступить место и физической усталости и нравственному отвращению.

В комиссариате нас сдали какому-то юному троглодиту. Комиссара не было, и нас оставили в канцелярии ждать его прихода. Эти часы ожидания, впрочем, не были связаны с какими-нибудь потрясениями, кроме скуки; от внешнего мира и от своих мы не были еще совсем отрезаны, чему доказательством вскоре стало появление жившей против Комиссариата добрейшей Э. Р. Макферсон¹⁰, угостившей нас, при содействии своей дочери и племянников (Мертенс) чаем, а затем и посещение Лизы Б.¹¹

Явившийся, наконец, комиссар, оказавшийся, конечно, простым и угрюмым «товарищем», приступил немедленно к записи нас — к общему нашему удивлению и негодованию — к совершенно незаконному, сопровождавшемуся обшариванием и ощупыванием, отобранию от нас всех вещей: денег до последней копейки, документов, бумажников и портмоне, часов и т. п. Он потребовал даже снятия

колец и уступил в этом лишь вследствие энергичного протеста моего и указания на то, что мои венчальные кольца не сходили с пальца. В течение этого обыска со мной случился глупый инцидент, о котором — делать нечего — приходится тоже рассказать. В нем и в том, что я поставлен в глупое, несколько унижительное положение, я был сам виноват. Меня чрезвычайно разозлило и огорчило отобрание моих часов, которыми я донельзя дорожу и оставить которые комиссар, — повторяю, что это вообще был грубый самодур, — совершенно незаконно отказался. В. Ф. Трепов, к которому я подошел после того, как меня обшарили, тихо спросил меня, не постараться ли передать мои часы княгине. (Лиза Б. была в это время с нами). Я говорю: «Конечно, давайте я попробую!» Мне казалось, что я взял их незаметно, и, действительно, в эту минуту никто и виду не показал, что на нас обращено внимание. Между тем, вскоре один из солдат, указывая на Трепова и меня, заявил: «Они им что-то передали!». Комиссар сразу стал кричать: «А! Вот вы как! Обыскать их! Я вам покажу! Я вас в карцер посажу!». При вторичном обыске и ощупывании у меня, конечно, к торжеству комиссара нашлись часы, и меня по приказанию комиссара повели «в карцер», оказавшийся, к счастью для меня, просто тем общим арестантским помещением, в которое были вскоре приведены и все остальные. Сознаюсь, что мне было очень неприятно, на старости лет, попасть в положение провинившегося — и вроде действительно провинившегося — школьника и выслушать окрик: «ведите его в карцер!».

В арестантской мы нашли арестованного, подобно нам беспричинно, владельца мехового магазина г. Мертенса¹², арестованного Козловского и двух евреев, по-видимому (судя по разговорам, слышанным нами в канцелярии), фальшивых монетчиков. Комната была довольно чистой, с окном с решеткой, выходившим в цветник на берегу Невки. На обращение с нами в течение конца дня и вечера нам нет оснований жаловаться; к нам допускали посетителей и разрешали приносить пищу, так что мы могли сытно пообедать и выпить чаю. Относительно нашей будущей судьбы нам только неопределенно говорили, что вероятно-де нас отправят в Петропавловскую крепость. Ночь наступила, в арестантской решительно негде было прилечь, и все с нетерпением ждали того или другого решения нашей участи. Лишь в первом часу ночи открылась дверь, и нам было велено выходить. На улице нас построили и, конечно, под сильным конвоем повели через Петропавловскую сторону в крепость. Шли скорым шагом, что в темноте и при отвратительной мостовой было очень всем тяжело. При разговорах начинались окрики конвойных: «не разговаривать!» В крепости очути-

лись во 2-м часу ночи. Проходя мимо Собора, я опять-таки подумал о том, что бы, глядя на меня — своего сановного и старого правнука, сказал мой прадед — Николай Иванович Зиновьев¹³, в качестве коменданта крепости (при Екатерине Великой), похороненный у алтаря собора.

Нас привели в маленькое помещение какой-то канцелярии, где нас не спеша переписали, причем вновь бросалась в глаза молодость канцелярских чинов. Здесь нас сдали уже другим конвойным и повели кругом, к зданию, оказавшемуся известным тюремным помещением в Трубецком бастионе. Не без интереса я вступил в него, после столько о нем читанного и слышанного! После нескольких переходов по тюремным лестницам мы очутились в тускло освещенном дальней лампой широким коридоре. Остановились у одной из камер с тяжелой дверью и типичным тюремным дверным оконцем. Тут нас и заперли. Очутясь в полной тьме, мы при помощи спичек осмотрелись и разглядели большую, глубокую и совершенно пустую камеру, каменные стены и пол, сводчатый высокий потолок, ввинченная изголовьем к стене железная кровать без матраца, такой же вделанный в стену столик, в углу — кран над раковиной и рядом — стульчак — о, счастье! — ватерклозет, а не параша. Против входной двери — недоступное по высоте окно, выходившее (это мы увидели днем) на какую-то близкую глухую стену; неба не видно; мебели нет абсолютно никакой, как равно какой-либо подстилки. Здесь, следовательно, приходилось так или иначе прилечь или присесть (это последнее было неудобно, хотя бы из-за пачкавших платье выбеленных стен). С нами были присланные нам из дома в Комиссариат маленькие головные подушки. Ждать лучшего было нечего. Пришлось довольствоваться тем, что было, устраивались, как кто знал. К счастью, было нехолодно, и я, подстелив себе тонкий мой Burberry, попробовал растянуться на жестком полу. Думаю, что мне действительно приходилось хуже, чем кому-либо: я был самым старым из всех¹⁴ (Трепов лет на 5–6 моложе меня) и самым худощавым; при лежании на боку — я упирался прямо на концы бедер, а лежа на спине — на слабо защищенные тощими мышцами крестец и лопатки: при малейшем движении или повороте сказывалась сильная боль. Я не удивился бы — хотя этого и не проверял, — если бы в точках опоры у меня после 3-х ночей, проведенных в Трубецком бастионе, оказались здоровые синяки. И все-таки я как-то спал, или дремал: усталость взяла свое. В 3 часа ночи неожиданно был вызван и уведен Мертенс. Очевидно, хлопоты за него увенчались быстрым успехом. К утру, когда тюрьма проснулась, нас ожидала дополнительная неприятность: из этой камеры нас вывели и разъединили: Трепова оставили с Козловским и Бутурлиным в одной из соседних камер, а нас (к счастью, на этот раз всех

четверых) поместили с другими арестованными. Это разъединение казалось впоследствии большими неудобствами при передаче из дому посылок; трудно было разобраться, что и кому послали, а еще труднее было передать что-либо из камеры в камеру.

Вторая неприятность состояла в том, что, вопреки тюремным обычным порядкам, утром не последовало никакой раздачи кипятку. При этом можно сразу сказать, что за все 3 дня нашего пребывания в Петропавловской крепости арестованным (по слухам их было 500–600 чел.), пища ни разу не давалась, раздача же кипятку была крайне редкая, скудная и нерегулярная (в один из дней кипятков принесли после 12 ч. ночи, при полной темноте!). Невольно представляется возможным и даже правдоподобным переданный нам как факт слух о том, что лишение нас пищи, кипятку и другими возмутительными приемами, рассказ о которых последует далее, входило в особый предательский замысел главарей большевиков: вызвать или резкое брожение среди арестованных, их громкий и шумный протест, который мог бы затем послужить и предлогом и сигналом к повальному избиению или расстрелу нас. К счастью, у многих были домашние, прилагавшие нечеловеческие усилия к доставке нам и пищи, и наиболее необходимых вещей: одеял, мыла и немного белья. Посылки эти доходили поздно, почти всегда не в целостности, иногда вовсе не доходили и получались, во всяком случае не всеми, но все-таки частью доходили и благодаря этому наше истощение не достигло крайних пределов; мы сидели впроголодь — отчасти потому, что нам как-никак приходилось, даже получив неособенно обильную посылку, делиться с еще более обездоленными. Но при последнем, как казалось, пределе терпения, все-таки что-то получали.

Новые наши (следовало бы очевидно сказать «товарищи», но так это прекрасное по смыслу слово теперь запачкали, так его опошлили, что ни язык, ни перо его не признают!) братья по несчастью оказались довольно разношерстным обществом. Между нами наиболее общительным и разговорчивым был бухгалтер Народного банка (бывшего Московского купеческого) Марков¹⁵, чрезвычайно добродушный, услужливый и, видимо, доброжелательный человек. Арест его, как, конечно, и многих других, являлся совершенно необъяснимым; будучи служащим одного из отделений Народного банка, т.е. лицом так или иначе подчинившимся большевикам и работающим под их начальством, он, обладая даже подписью банка, следовательно являлся заслуживающим доверия большевиков чином. Тем не менее его арестовывают, сажают в крепость, везут затем в Кронштадт и т. д.

Заговорив об этом, я коснусь заодно и других немотивированных арестов. Начну с себя. По возрасту я никаким призывам не подлежал;

бывшим офицером считаться не мог, т. к. покинул военную службу 38 лет тому назад, саботажником, благодаря тому, что до января 1918 года работал в аналитическом ведомстве Красного Креста, не был; Гогом и Магогом революционной власти Урицким только что признан, несмотря на открыто заявленные монархические убеждения, подлежащим оставлению на свободе. Мои сыновья и С. Белосельский — бывшие, правда, офицеры, но только что допрошенные и отпущенные на свободу тем же Урицким. В. Ф. Трепов — никогда не бывший военным, по возрасту призыву не подлежавший и также недавно допрашивавшийся и оставленный Урицким на свободе.

В. А. Бутурлин — тоже не бывший военным и ни к чему не причастный мирный обыватель. Мертенс — коммерсант, ни к каким спекуляциям не причастный и далеко стоящий от каких-либо партий, политики или служебных дел.

Из арестованных не нашей группы упомяну вскользь о нескольких приходящих на память лицах, несообразность нахождения которых в тюрьме особенно бросалась в глаза: священник Крестовского приюта, подвергшийся потом возмутительному, кощунственному поруганию. Арест его дает собою пример особенно безобразного произвола; он последовал только потому, что сына этого священника, зарегистрированного офицера, в момент ареста не оказалось дома! Местные власти нашли нужным поволочь отца — священника как заложника!¹⁶ Были еще отставной и более ни к чему не причастный генерал Лермонтов¹⁷; душевнобольной старичок (быть может, и отставной военный) необычайно жалкого вида; несколько очень старых, немощных и беспомощных, совершенно растерянных в этой необычайной обстановке лиц и т. д. и т. п.

Этих примеров достаточно, чтобы подтвердить правильность сказанного мною выше: никакой руководящей мысли, никаких решений или указаний старших и ответственных органов большевиков при арестах не было; давалось, по-видимому, только приказание «забрать» как можно больше «буржуев», или «контрреволюционеров», причем выбор жертвы всецело предоставлялся местным исполнителям.

Вернусь к перечислению наших сожителей по камере. Несколько в стороне держался молчаливый и сдержанный человек средних лет, оказавшийся при последующем знакомстве моряком, капитаном Павлиновым¹⁸. Объяснений своего ареста он не сообщал. Очень волновался о дальнейшей своей судьбе бывший офицер (фамилию не помню), только что получивший — через большевиков — назначение заведующего хозяйством какого-то приюта на Петроградской стороне и боявшийся опоздать, вследствие ареста, к назначенному сроку. Рядом с ним на

ничем не прикрытых переплетах железной кровати ничком лежал молодой человек, видимо, старавшийся дремотою заглушить голод. Далее в углу располагались еще двое, ничем не выделявшихся людей неопределенного социального положения.

В течение первой половины дня нами делались попытки доводить установленным в тюрьмах порядком, т.е. через чинов караула, до сведения коменданта о наших нуждах и отдельных законных просьбах, но вскоре нам пришлось убедиться в полной тщетности и безуспешности этих попыток. Чинам караула было, вероятно, запрещено тревожить начальство передачей просьб арестантов, т.к. ответы нам давались неопределенные, и даже солдаты Семеновского полка, относившиеся к нам, как говорили некоторые из заключенных, сочувственно, отзывались на все незнанием. Караульный начальник, которого я при проходе его спросил, полагается ли нам прогулка, грубо и глумясь обозвал меня. Уныло тянулось время, и мы, как дети, подбегали к двери при первом доносившемся из коридора шуме, в особенности стараясь при проходе вновь прибывающих партий арестантов высматривать знакомые лица. В их числе увидели Суковкина, которого, как оказалось, перед приездом его на Крестовский на следующий за нашим арестом день за справками о нашей судьбе немедленно же арестовали, и Драке (младшего), бывшего адъютанта вел. кн. Михаила Ник[олаевича]¹⁹. Присланные из дому одеяла, хотя и немного, но все же смягчали боль при лежании на полу; все-таки усталость сказывалась все более и более, несмотря на всю заботливость, которой окружал меня Миша; постепенно нарастало отупение, по мере все большего и большего сознания своего бессилия и явной нелепости подобного положения.

Этим только и можно объяснить общее оживление, охватившее нас, когда откуда-то появившийся на 3-ий день слух о том, что нас отправят в Кронштадт, стал все более и более подтверждаться. Правда, что одновременно некоторые из нас не могли скрыть при этом извещении нервозности: страшная репутация Кронштадта, истязания и избиения, которым подвергались в нем заключенные, достаточно объясняют эту нервозность. Так, один из заключенных высказал опасение, чтобы нас, на ходу в Кронштадт, не порешили всех зараз. Отвечая на это, я шутил, но серьезным тоном сказал, что, когда нас поведут на баржу, я по типу ее увижу, существует ли подобная опасность; что заведывая во время оно, в качестве Нарвского городского гласного, работами по землеустроению в Нарвском рейде, я знаю громадные баржи, дно которых разом открывается и все содержимое проваливается в море. Оказалось, что мою шутку он принял всерьез: когда мы уже сидели в трюме баржи, он пробрался ко мне и тревожным шепотом спросил: «Ну, что? Такая это

баржа?» В ответ на это я мог совершенно серьезно и уверенно его успокоить.

Около шести часов вечера, действительно, двери камер по очереди стали открываться, в коридоре слышались громовые и грубые голоса охраны, сопровождавшиеся площадной, самой непристойной руганью, обращенной к заключенным. Приказывалось выходить в коридор и строиться. Оказывается, что эти ругательства и приказания, сыпавшиеся градом, исходили не от коменданта или караульного начальника, а от какого-то выглядевшего не то пьяным, не то бешеным матроса, распорядившегося выводом заключенных.

Нам впоследствии назвали его фамилию — Карлов. Я вправе не считать себя трусливым, но должен сказать, что, видя себя безоружным перед этим Карловым, испытывалось такое чувство, что и перед разъяренным и свирепым зверем, помощи против которого вы вокруг себя не видите. С дико бегающими глазами, с сильным ревом и захлебываясь сальными ругательствами, он бесцельно бросался из стороны в сторону, обрушиваясь то на одного, то на другого из нас.

Когда дошла до нас очередь и я выходил в числе прочих из камеры, Карлов вновь выругался и грубо толкнул меня в спину, добавив: «Всех вас прикладами да расстрелять!» При дальнейшем построении, расчете на первых и вторых, поворотах, выравнивании рядов (приемах многими из нас забытых, а многим и вовсе неизвестных) ругань и угрозы расстрела сыпались неудержимо. Замечание, по-видимому, сделанное Карлову кем-то из начальства, вероятно, командиром, — только усилило его ярость. При выводе нас из тюрьмы он продолжал неистово ругаться, в то же время путая команды («правым» вместо «левым» плечом вперед и т.д.) Пройдя через Комендантские ворота, мы очутились на сходнях пристани, у которой нас ждала большая железная баржа, с двумя отдельными трюмами, прикрытыми рядом деревянных щитов. В эти трюмы нам было приказано спускаться <...>

* * *

<...> Невольно припоминается записанный В. М. Пуришкевичем²⁰ на стенах камеры Трубецкого бастиона (нас посадили именно в нее) стих Горация: «Odi...»²¹. «От здорового развития демократических начал возможно ожидать усовершенствования человеческого благосостояния, от демагогии же не родится ничего, кроме зла и смерти».

¹ Князьям Белосельским-Белозерским на Крестовском острове по Александровскому проспекту принадлежали дома №№ 1, 14, 16, 38, 40, 42. В каком из них жили Зиновьевы, установить не удалось.

² Князь Сергей Сергеевич Белосельский-Белозерский (1895–1978), штаб-ротмистр.

³ Владимир Федорович Трепов (1860–1918), отставной тайный советник, член Государственного совета в 1908–1911 годах. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 553.

⁴ Валерий Александрович Бутурлин (18..?–19..?), статский советник в звании камер-юнкера.

⁵ Николай Иоасафович Суковкин, шталмейстер, сенатор.

⁶ Граф Николай Николаевич Граббе (1868–1942), приятель М. А. Зиновьева.

⁷ Михаил Александрович Зиновьев (1896–?), ротмистр Лейб-гвардии Конного полка, сын А. Д. Зиновьева.

⁸ 5-ый подрайон Петроградского комиссариата находился на Крестовском острове, на Александровском пр. (ныне пр. Динамо), 2.

⁹ Князь Константин Эсперович Белосельский-Белозерский (1843–1920), генерал-лейтенант, генерал-адъютант.

¹⁰ Элеонора Робертовна Макферсон проживала по адресу: Крестовский остров, Александровский проспект, 1.

¹¹ Княгиня Елизавета Николаевна Белосельская-Белозерская, жена князя Сергея Сергеевича.

¹² Адольф Федорович Мертенс, купец 1-ой гильдии, проживал на Каменноостровском проспекте, 65.

¹³ Николай Иванович Зиновьев (1717–1773), комендант Петропавловской крепости в 1764–1773 годах.

¹⁴ Александр Дмитриевич Зиновьев (1854–1931). Умер в Риме.

¹⁵ Илья Васильевич Марков, почетный гражданин, доверенный Петроградской конторы Московского купеческого банка.

¹⁶ Речь идет о священнике Александре Александровиче Дубровском, настоятеле при благотворительных учреждениях княгини Белосельской-Белозерской, начальнике городского участка Алексеевского детского приюта Крестовского острова.

¹⁷ Михаил Александрович Лермонтов, генерал-лейтенант, начальник Дворцового управления г. Петергофа, председатель Совета богоугодных заведений.

¹⁸ Андрей Яковлевич Павлинов, лейтенант, проживал по адресу: Каменноостровский проспект, 26.

¹⁹ Виктор Людвигович Драке, полковник гвардии, адъютант Великого князя Сергея Михайловича. (В тексте, очевидно, ошибочно названо имя Михаила Николаевича).

²⁰ Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920), депутат I, II, IV Государственной Думы. В Трубецком бастионе находился с октября 1917 по январь 1918 года в камере № 42, а затем № 69. В одну из этих камер был заключен А. Д. Зиновьев с сыном.

²¹ Так в оригинале. Далее перевод мемуариста.

Е. Н. Мастеница

Забывшие страницы истории петербургских музеев. Толстовский музей в Петербурге – Петрограде – Ленинграде

Музеи, как и люди, имеют свою судьбу. Одним суждена жизнь долгая, яркая и насыщенная, а другим отпущен короткий век, и судьба их складывается драматично, а порой даже трагично. Возможно, такое утверждение покажется спорным, однако обращение к перипетиям судьбы различных музеев дает основание к подобным суждениям. Изучение богатой, но пока еще малоисследованной истории музеев Петербурга позволяет не только осмыслить опыт предшественников, но и воскресить забытые имена ученых, общественных деятелей, посвятивших свой талант и труд созданию новых музеев, которые стали смыслом и делом всей их жизни. В результате появляется возможность восстановить фрагменты многоцветной «мозаики» культурной жизни Петербурга, неотъемлемой частью которой являлись музеи.

Цель данной публикации — проследить историю Толстовского музея в Петербурге. По необходимости мы будем привлекать для сравнения материалы о создании и развитии аналогичного музея в Москве, впоследствии трансформировавшегося в Государственный литературный музей Л. Н. Толстого. Своеобразие возникновения Толстовского музея в Петербурге заключается в том, что писатель бывал здесь наездами и в общей сложности прожил немногим более года. Справедливо мнение Л. И. Кузьминой о том, что Толстого нельзя причислить к «петербургским писателям»¹. Петербург Толстой не любил, не принимал, и, по его собственному выражению, чувствовал себя в городе как «угорелый в угарной комнате»². Изученные нами материалы, хранящиеся в ИРЛИ РАН ОР и Архиве РАН в Санкт-Петербурге, а также в ЦГАЛИ

в Москве, позволяют воссоздать историю первых Толстовских музеев, которые появились задолго до знаменитых литературно-мемориальных комплексов в Ясной Поляне и Хамовниках.

Идея создания дома-музея возникла еще в 1908 году, когда исполнилось 80 лет со дня рождения Толстого, но, поскольку писатель отказался от чествования, она не была реализована. Однако вскоре после его смерти в 1910 году эта идея получила воплощение. Писатель был духовным наставником для многих современников, приверженцев и последователей его философского и нравственного учения не только в России, но и за ее пределами. Стремление увековечить имя Толстого, желание воздать должное его таланту привели к весьма своевременной мысли о создании дома-музея Толстого.

Учредители «желали домом-музеем создать памятник Толстому живой, деятельный, не глыбу камня, а культурный центр с рядом просветительных учреждений, библиотекой, читальней, народной аудиторией для собраний и чтений по литературно-общественным вопросам»³. В докладе на Первом Всероссийском съезде писателей летом 1908 года В. Я. Богучарский говорил о том, что необходимо «увековечить за поколениями настоящими и грядущими богатства, которые дал миру гений Толстого. Увековечить же их — означает прежде всего необходимость их централизовать и систематизировать, создать учреждение, в котором было бы собрано не только все написанное Толстым, но и о нем <...>. В этом музее должны быть собраны также портреты и бюсты Толстого, рукописи его произведений, письма, словом, все, служащее к познанию жизни и деятельности великого человека. Пройдут годы, и этот музей может развиться в «музей Толстого и его эпохи», то есть сделаться одним из центральных учреждений познания идейной истории России»⁴. Знаменательным следует признать тот факт, что во время работы съезда издателям европейских газет было направлено письмо представителей русской прессы с предложением передавать материалы о Толстом во вновь организуемый музей его имени. В этом письме говорилось: «В июне в Санкт-Петербурге состоялся Всероссийский съезд представителей периодической печати. Съездом был избран специальный комитет для разработки резолюции. В настоящее время комитет занят воплощением в жизнь идеи создания музея имени Л. Н. Толстого. Комитет придает большое значение коллекционированию в музее всего, что касается юбилея, — статей и вырезок из газет и журналов как русских, так и иностранных, посвященных Л. Н. Толстому. Произведения Л. Н. Толстого, брошюры, листовки будут с благодарностью приняты Музеем»⁵. Это обращение стало началом замечательной традиции международного обмена культурными ценностями, которая

активно развивалась на основе сотрудничества с музеями и коллекционерами разных стран.

Огромную роль в деле создания музея сыграло «Общество имени Л. Н. Толстого», созданное в Петербурге в 1909 году*. Цель Общества, как записано в Уставе, — «служение славе Льва Николаевича Толстого и изучение его жизни и творений»⁶. Для ее достижения Общество намеревалось открыть «музей, в котором будут собраны рукописи Л. Н. Толстого, издания его произведений на русском языке и переводы на иностранные языки, художественные и иные изображения, реликвии, а также рукописи и печатные издания других лиц, к нему имеющие отношение»⁷.

Среди членов Совета, руководившего работой Общества, были В. Д. Бонч-Бруевич, С. А. Венгеров, И. Я. Гинцбург, В. Г. Короленко, В. Я. Муринов, Вс. И. Срезневский, М. А. Стахович и др. В 1910 году было открыто Московское отделение Общества, которое активно включилось в предварительную работу «по возможности полного собирания для будущего центрального музея всего того, что связано с именем Л. Н. Толстого»⁸.

Хотя дом-музей Толстого мыслился как единый, всероссийский, однако почти одновременно были созданы два толстовских музея: в Петербурге и в Москве. Петербургский, открывший свои двери для посетителей 27 марта 1911 года, был лишь на несколько месяцев старше московского. Обоим предшествовали выставки, послужившие базой для их создания.

Петербургская «Выставка для устройства музея им. Л. Н. Толстого» была открыта в залах Театрального клуба на Литейном проспекте и имела большой успех⁹. Появились отзывы в печати. Например, Бонч-Бруевич в обзоре выставки писал: «По количеству предметов, по значительности и достоинству всего выставленного — выставка имени Л. Н. Толстого должна быть признана одной из самых обширных, из когда-либо бывших в честь и славу того или иного писателя. Надо иметь в виду, что все эти 4319 предметов так или иначе касаются исключительно самого Льва Николаевича. Современники Толстого, эпоха, в которую он жил, живет и работает, совершенно не представлены на выставке, если не считать единичных предметов»¹⁰.

* Идея создания общества была выдвинута «Комитетом почина» — инициативной группой по организации празднования 80-летия Л. Н. Толстого в 1908 году. Однако официально общество было признано властями в 1909 году. После смерти писателя общество изменило название: петербургское отделение стало называться Общество Толстовского музея, а вскоре образованное московское — Толстовское общество в Москве.

Необычайный успех выставки способствовал ее преобразованию в музей, открытый уже после смерти писателя. Совет Общества Толстовского музея взял на себя решение всех вопросов по найму помещения для музея, а также решение всех финансовых проблем. Для музея было найдено временное помещение на Невском проспекте, 102, из шести комнат¹⁴. В дальнейшем он менял адреса, а с 1912 года обосновался в доме № 6/13 по Большому проспекту Васильевского острова¹⁵.

Коллекция формировалась в основном за счет даров и пожертвований. Так, Стахович завещал Толстовскому музею в Петербурге картины Н. Н. Ге и И. Е. Репина. Гинцбург принес в дар воспроизведения в гипсе и бронзе всех портретов Толстого своей работы, В. М. Воинов обогатил музей большим собранием портретов-гравюр, карикатур, коллекций рисунков Л. О. Пастернака. Уникальное собрание фотографий передали в дар музею В. Г. и А. К. Чертковы, а коллекцию рукописей — П. И. Бирюков. «Мечта о создании дома-музея, — писали Срезневский и В. Н. Тукалевский, — благодаря сравнительно большому успеху выставки не казалась тогда далекой, несбыточной, и были люди убежденные, что материальные средства, необходимые для увековечения гения, будут даны народом, славу имени которого он разнес по всему миру»¹⁶.

Первая экспозиция петербургского Толстовского музея была построена, по определению ее создателей, по художественно-музейному принципу, то есть исходя из характера материала, и состояла из подлинных, в том числе мемориальных предметов, систематизированных по видам источников. Копии экспонировались лишь в исключительных случаях, когда не представлялось возможным иметь оригинал. Например, портреты Толстого работы И. Н. Крамского находились в Ясной Поляне и Третьяковской галерее, и о передаче их в музей не могло быть и речи. В отчете Ревизионной комиссии Совета Общества Толстовского музея отмечалось, что «самый музей по составу своих коллекций далеко еще не полон, не достаёт еще описи вещей и каталога имеющихся изданий, книг и газет»¹⁷. Однако при подробном осмотре музея члены Ревизионной комиссии имели случай убедиться «в том любовном отношении к делу, какое было проявлено во всех мелочах устройства Музея и распределения его коллекций»¹⁸.

В первые годы своего существования музей проводил интенсивную работу по собиранию мемориальных вещей, изучению творчества писателя, изданию его эпистолярного наследия. Как отмечал Срезневский, один из основателей и бессменный руководитель петербургского Толстовского музея, приоритетные направления деятельности музея заключались в следующем: «он собирает и хранит то, что имеет прямое и

косвенное отношение к Толстому, издает те рукописи, которые являются неоспоримыми документами жизни и деятельности Толстого, наконец, регистрирует по мере возможности все выходящие издания его сочинений, а также то, что печатается в России и за границей о Толстом»¹⁹. Таким образом, если вначале усилия общества и музея были сконцентрированы на собирании коллекции, то в дальнейшем, в связи с углубленным изучением материалов стали выдвигаться другие задачи: издательская и библиографическая. Музей превратился в научный центр по изучению жизни и творчества Толстого. Благодаря периодическим изданиям «Известия Общества Толстовского музея», а затем «Толстовского ежегодника»* результаты музейной работы обрели известность и стали доступны широкому кругу читателей.

Однако финансовое положение Музея, существовавшего за счет членских взносов, пожертвований, доходов от изданий и входной платы за билеты, продолжало оставаться крайне тяжелым. Ревизионная комиссия Совета Общества Толстовского музея обратилась в Городскую управу с просьбой об оказании музею помощи со стороны городских властей²⁰. Комиссия по народному образованию Городской думы дала весьма лестный отзыв о характере музея и его задачах. В заключении Комиссии отмечалось, что «по числу и разнообразию своих номеров (музейных предметов — Е. М.) музей должен быть признан уже теперь чрезвычайно богатым, — в нем есть уники совершенно исключительной ценности, и таковой является для города Петербурга приобретением огромной важности, будущая судьба которого в интересах не только столичного населения, но и всей России должна быть так или иначе обеспечена»²¹. Городские власти пошли навстречу ходатайству Толстовского Общества и постановили «ассигновать ежегодные субсидии музею в размере 3 000 рублей»²².

Толстовская выставка в Москве в залах Исторического музея была организована в годовщину смерти писателя. Она также имела большой успех. За полтора месяца ее существования с 11 октября по 6 декабря 1910 года на ней побывало около 55 000 человек²³. Успех объясняется не только обаянием имени Толстого, но и богатым содержанием выставки. Так же, как и в Петербурге, выставка дала приток средств для открытия Московского Толстовского музея.

Первая экспозиция в Москве строилась по хронологически-биографическому принципу, который иногда нарушался. Это было вызвано требованием экспозиционной подачи художественных произведений. «Некоторые предметы искусства, требующие для них помещения, рас-

* «Известия Общества Толстовского музея». СПб., 1911. № 1 (июль). № 3–5 (окт.–дек.). «Толстовский ежегодник» М., 1912, 1913.

ставлены по музею независимо от хронологической даты»²¹. В некоторых случаях считалось нецелесообразным разбивать ценные коллекции, как на это указывал Бирюков²². Кроме этого, принцип демонстрации предметов нарушался, по-видимому, в связи с нехваткой помещений. Толстовский музей в Москве находился на Поварской улице в доме № 18 и, как и петербургский, располагался в шести комнатах.

В основе создания Толстовских музеев лежала идея культурного центра, в котором должно было быть собрано все, что служит знакомству с жизнью писателя, изучению его творчества. Однако их основатели главные усилия сосредотачивали не на разыскании и собирании вещественных реликвий и не на охране мемориальных мест, а на концентрации и демонстрации в музеях художественного и эпистолярного наследия писателя. В силу этого экспозиции разворачивались в зданиях, никак не связанных с пребыванием писателя. Музеи были призваны решать в первую очередь научные и просветительные задачи.

Исторический перелом 1917 года кардинально изменил судьбу многих музеев, в том числе и Толстовских. В начале 1919 года петроградскому музею было выдано охранное удостоверение из Комиссариата по просвещению²³. Позднее общее собрание членов Общества Толстовского музея, «побуждаемое желанием сохранить созданный им музей от всяких случайностей, связанных с переживаемыми тяжелыми обстоятельствами», постановило обратиться к Конференции Российской Академии наук с предложением «принять музей на вечное хранение при Библиотеке Академии наук, объединив их деятельность под высоким покровительством Российской Академии наук»²⁴. Ходатайство нашло отклик среди членов Конференции, и Общее собрание Российской Академии наук постановило принять Толстовский музей «на вечное хранение при Библиотеке» с условием, чтобы «он сохранял свою самостоятельность, остался доступным публике и коллекции его не были отчуждаемы»²⁵. Таким образом, Толстовский музей после Октябрьской революции был включен в систему учреждений Академии наук, а Общество Толстовского музея прекратило свое существование в апреле 1919 года. Основанный общественной организацией и созданный на частные средства, он стал государственным и перешел на государственный бюджет. Это изменение статуса Толстовского музея имело свои положительные последствия. Так, была сохранена уникальная и богатейшая коллекция, посвященная жизни и литературной деятельности великого русского писателя. Она включала в себя «2 500 экспонатов, связанных с Л. Н. Толстым (реликвии, сочинения, рукописи, фотографии, живопись, скульптура, графика, торговые изделия), и библиотеки, насчитывающей 15 000 томов»²⁶. Войдя в состав старейшего научного учреждения — Би-

блиотеки Академии наук, Толстовский музей встал на путь «академического» развития. «Он собирает и хранит то, что имеет прямое и косвенное отношение к Толстому, издает рукописи и документы о жизни и деятельности писателя; регистрирует по мере сил все выходящие в России и за границей издания его сочинений и литературу о нем; хотя и в скромных размерах пытается осуществить идейно-просветительную работу»²⁷. Небольшой, но высококвалифицированный коллектив научных сотрудников, возглавляемый Срезневским, приоритетным направлением своей деятельности считал научно-исследовательскую работу, а также содействие «другим ученым доставлением справок, рукописей, текстов, библиографий и т. п.»²⁸.

В первые послереволюционные годы и в начале 1920-х годов Толстовский музей, не имея подходящего помещения, по существу пребывал в свернутом состоянии и не мог активно развивать свою деятельность. Чрезвычайная бедность в денежном отношении, отсутствие мебели, инвентаря, не приспособленного для создания экспозиции помещения — все это сказывалось на работе музея, ограничивая его развитие. Однако, несмотря на все трудности, музей сохранял многие традиции, в том числе идущую из его дореволюционной истории — ежегодного устройства торжественного собрания в день годовщины смерти писателя. После революции первое такое собрание состоялось в Большом зале Российской Академии наук в ноябре 1922 года. Оно было открыто Президентом Академии наук А. П. Карпинским, после чего с воспоминаниями выступили А. Ф. Кони и И. Я. Гинцбург²⁹. В 1923 году вечер памяти Толстого состоялся в помещении Государственной академической капеллы³⁰, в последующие годы он регулярно проводился в Большом зале Государственной академической филармонии или в залах Толстовского музея³¹. Накануне 200-летия Академии наук музей был переведен в новое, более удобное помещение и разместился по адресу: Васильевский остров, набережная Тучкова, 2-а³². Кроме этого, он получил дополнительные субсидии для решения конкретных и срочных задач, которые заключались «в работе по комментированию экспонатов музея, работе по инвентаризации его фондов и библиографической работе»³³. Решение этих задач было чрезвычайно важно для подготовки к 100-летию со дня рождения Толстого, которое музей готовился отметить в 1928 году.

Для подготовки юбилейных мероприятий была образована комиссия по устройству 100-летнего юбилея писателя³⁴ и составлен план подготовительных работ, который предусматривал проведение мероприятий «по линии общественной» (организация торжественного заседания, проведение систематических лекций), «по линии научной» (изда-

ние переписки Толстого с Ге, В. В. Стасовым, «Хронологии творчества и жизни Толстого», подготовленной Срезневским, путеводителя по Толстовскому музею), а также «по музейной линии». Отмечая недостаточную благоустроенность музея и бедность в плане художественных экспонатов, Комиссия «признала желательным пополнить его новыми художественными материалами и произвести в нем ряд работ научного и организационного характера, чтобы придать Музею как с внешней, так и с внутренней стороны более благоустроенный вид»³⁵. Согласно рекомендациям Комиссии, за сравнительно небольшой срок в Музее была проделана огромная работа: частично перепланирована экспозиция и открыт новый раздел «Толстой и его современники», составлен инвентарь экспонатов музея, систематический каталог библиотеки музея, тщательно прокомментированы уникальные экспонаты музея, приобретено новое оборудование. В течение всего предъюбилейного 1927 года регулярно проводились научные заседания, читались лекции, информация о которых сообщалась на страницах газет «Правда», «Красная газета»³⁶. Предпринятые усилия привели к увеличению посещаемости Толстовского музея, росту его научного авторитета и популярности. Так, в апреле 1928 года музей посетило 187 человек, а накануне юбилея, в октябре и ноябре — 2 923 и 2 287 человек соответственно³⁷. Сохраняя академический профиль, музей ориентировался прежде всего на исследовательскую работу научно-биографического, литературоведческого и текстологического плана, но при этом стремился по мере возможности осуществлять и просветительную работу: устраивал экскурсии по музею под руководством работавших в нем специалистов, научные заседания с чтением докладов, посвященных изучению жизни и творчества Толстого, предоставлял возможность знакомиться с литературой о писателе и с его произведениями в библиотеке музея. Несмотря на то, что Толстовскому музею второй половины 1920-х годов еще было далеко от проекта культурного центра с сетью просветительных и общественных учреждений (библиотекой, читальней, народной аудиторией для собраний и чтений по литературе и филологии, вегетарианской столовой и т. п.), каким он мыслился основателям музея, однако его деятельность в рассматриваемый период нельзя не признать весьма разнообразной и плодотворной и, что особенно ценно, продолжающей многие традиции его основоположников.

Поскольку музей существовал под эгидой Библиотеки Академии наук, то одной из его главных функций организаторы считали регистрацию всех выходивших в России и за рубежом произведений Толстого и литературы о нем. С особым усердием и тщательностью эта сложная работа осуществлялась в 1920-е годы под руководством крупного уче-

ного, библиографа и историка литературы Срезневского. Главными были следующие направления: составление общей библиографии, библиографии воспоминаний о Толстом. Эта работа требовала не только обработки огромного по объему материала периодики, но и поиска необходимой информации в зарубежных изданиях. Для этого нужно было устанавливать и развивать контакты с представителями Толстовских обществ за рубежом, с руководителями крупнейших издательств. Таким образом, музей продолжал работу по международному научному и культурному сотрудничеству, что имело большое значение для его успешной деятельности. Продолжая дореволюционные традиции по обмену информацией и сбору библиографии, в 1927 году Толстовский музей вновь обратился с просьбой к иностранным издателям: «Толстовский музей при Российской Академии Наук в Петрограде, придавая большое значение наличию полной коллекции изданий, посвященных Л. Н. Толстому, а также переводам его произведений на любой язык, обращается к вам и просит оказать нам любезность и прислать Толстовскому музею в Петроград ваши издания, касающиеся нашего великого писателя. Мы будем рады предложить Вам наши издания для пополнения Вашей коллекции»³⁸. Срезневский вел активную переписку с нью-йоркским Толстовским обществом на предмет публикации находившихся в Америке автографов Толстого³⁹, а также на счет обмена изданиями. Однако этому не суждено было сбыться.

В конце 1930 года Толстовский музей в Ленинграде перестал существовать. Его ликвидация во многом была связана с начавшейся в конце 1929 года «чисткой» Академии наук, в результате которой были уволены ученые-хранители Пушкинского дома И. В. Измайлов, М. Д. Беляев, многие сотрудники Библиотеки Академии наук, арестованы такие ученые, как С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев, Е. В. Тарле и др.⁴⁰

Характерные для «великого перелома» 1929–1930 годов деформации в социально-экономической и идеологической жизни сказались на развитии музейного дела. Резко изменилось отношение к музеям как к хранилищам памяти, им была навязана функция примитивной наглядной агитации. Направленность работы музеев начала меняться после проведения в 1930 году Первого Музейного съезда, выдвинувшего в качестве главной задачи музейного строительства «перестройку музейной работы на основе марксистской диалектики»⁴¹. Изменение общих тенденций музейного дела и реорганизация Пушкинского дома в Институт новой русской литературы, а также несогласие с этими изменениями представителей старого поколения ученых и музейных деятелей привели к тому, что волевым административным решением Президиума Академии наук было признано необходимым сначала «научно-ор-

ганизационное, а затем и территориальное слияние Толстовского музея с Пушкинским Домом»⁴², вопреки условиям его передачи Академии наук в 1919 году и мнению сотрудников самого музея. Хотя официальное присоединение произошло «в целях удобства управления и организации научных работ»⁴³, но фактически оно означало ничем не оправданную ликвидацию музея как самостоятельного учреждения, что явилось прямым следствием усиления процессов централизации и администрирования в области науки и культуры. Приход на пост директора музея академика П. Н. Сакулина в середине 1930 года не мог помешать тому, что коллекции Толстовского музея были расформированы и распределены следующим образом: изобразительные материалы вошли в фонды Музея Института новой русской литературы, рукописи поступили в Рукописный отдел, книги и собрания периодикиполнили библиотеку Института. Позже, в 1939 году, некоторая часть коллекции, главным образом рукописи, была передана в Государственный Толстовский музей в Москве, располагающийся с 1920 года и по сегодняшний день в особняке на улице Кропоткинской, 11. В 1930-е годы он превратился в крупный литературный музей, обладавший уникальной коллекцией автографов, публикаций, портретов, фотографий, личных вещей Толстого, фоно- и кинодокументов, а также богатейшей библиотекой.

Так завершилась история Толстовского музея в Петербурге–Петрограде–Ленинграде, который явился одним из первых в России литературных музеев, посвященных жизни и творчеству великого писателя. В настоящее время он забыт и даже обойден молчанием в справочной и научной литературе.

Рассмотрение истории создания и деятельности Толстовского музея позволяет сделать следующие выводы:

– существенную роль в деле создания Толстовских музеев сыграло Общество литературного музея, переименованное после смерти писателя в Общество Толстовского музея. Его Петербургское и Московское отделения не только взяли на себя решение финансовых проблем деятельности музеев (учреждение денежных фондов, распространение подписных листов, устройство концертов, спектаклей и литературных вечеров), но и заботились о сохранении и пополнении коллекций;

– решающую роль в создании музея играла личная инициатива и активная деятельность известных ученых, писателей, художников, скульпторов и общественных деятелей. Следует особо отметить самоотверженную и плодотворную работу Всеволода Измайловича Срезневского — директора Толстовского музея в Петербурге–Петрограде–Ленинграде в течение 18 лет. Несмотря на все трудности рассматриваемого периода, ему удалось не только сохранить музей в эпоху

войн и революций, но и проводить на его базе серьезные научные исследования, а также развивать традиционные формы музейной работы: совершенствовать стационарную экспозицию, создавать временные выставки, пополнять и сохранять коллекции, уделяя должное внимание всем без исключения посетителям музея;

– одним из главных направлений деятельности Толстовского музея была собирательская работа, итогом которой стала интересная и во многом уникальная историко-литературная коллекция. Размещение ее в экспозиции музея позволило продемонстрировать автографы Толстого, отечественные и зарубежные издания его произведений, иконографию и иллюстративный материал, уникальные документы;

– Толстовский музей в Петербурге являлся центром просвещения, внесшим значительный вклад в изучение литературного наследия и в воспитание как взрослого населения, так и подрастающих поколений.

⁴¹ Кузьмина Л. И. Лев Толстой в Петербурге. Л., 1986. С. 5.

⁴² Цит по: Кузьмина Л. И. Там же.

⁴³ Срезневский В. Толстовский музей в Петербурге // Солнце России. № 154/46. 1912. 7 ноября. С. 23.

⁴⁴ Богучарский В. Я. Литературный дом-музей Л. Н. Толстого. Доклад Первому Всероссийскому съезду печати. СПб., 1908. С. 6.

⁴⁵ ЦГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 3195-д. Л. 1. Оригинал текста на англ. яз. (перевод автора).

⁴⁶ ИРЛИ РАН ОР. Ф. 302. Оп. 4. Ед. хр. 4. Л. 1.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Ед. хр. 26. Л. 15.

⁴⁹ Толстовская выставка. Каталог. СПб., 1909. С. 2.

⁵⁰ Исторический вестник. 1909. Май. С. 758–760.

⁵¹ Каспаринская С. А. Музеи России и влияние государственной политики на их развитие (XVIII — нач. XX в.) // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела. (XVIII–XX вв.) М., 1991. С. 67–68.

⁵² Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д. Большой проспект Васильевского острова. Л., 1981. С. 51.

⁵³ Толстовский музей в Петербурге / Сост. В. И. Срезневский и В. Н. Тукалевский. СПб., 1912. С. 7.

⁵⁴ ИРЛИ РАН ОР. Там же. Д. 26. Л. 54.

⁵⁵ Там же. Д. 26. Л. 55.

⁵⁶ Толстовский музей в Петрограде за 1913–1916 годы. Пг., 1916. С. 5–6.

⁵⁷ ИРЛИ РАН ОР. Там же. Д. 26. Л. 2–2об.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. Л. 3.

⁶⁰ Обзор Толстовской выставки в Москве // Известия Общества Толстовского музея. 1911. № 3–5. С. 94–95.

⁶¹ Краткое описание Толстовского музея в Москве / Сост. Н. А. Лютецкий. М., 1914. С. 6.

- ²² Бирюков П. Краткое описание Толстовского музея в Москве // Толстовский ежегодник. М., 1912. № 1 С. 264.
- ²³ ИРЛИ РАН ОР. Там же. Оп. 1. Д. 1014. Л. 1.
- ²⁴ Там же. Д. 40. Л. 5.
- ²⁵ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 167. Л. 99.
- ²⁶ Там же. Ф. 158. Оп. 6 (1929). Д. 12. Л. 91.
- ²⁷ Толстовский музей. Л., 1925. С. 5.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 17.
- ³⁰ ЦГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 3153. Л. 17а.
- ³¹ Там же. Л. 4–7, 13–15.
- ³² Весь Ленинград на 1925 год. Адресная и справочная книга г. Ленинграда. Л., 1925. С. 92.
- ³³ ПФА РАН. Там же. Оп. 6. Ед. хр. 4. Л. 11.
- ³⁴ К столетию Л. Н. Толстого. Сборник комиссии по ознаменованию 100-летия со дня рождения Л. Н. Толстого. М., 1927 С. 19–20.
- ³⁵ ПФА РАН. Там же. Оп. 6. Ед. хр. 5. Л. 1–2.
- ³⁶ Там же. Д. 9. Л. 4, 53, 57, 70, 72.
- ³⁷ Там же. Ф. 158. Оп. 6. Д. 3. Л. 8, 13, 14.
- ³⁸ ЦГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 3095. Л. 5. Оригинал документа на англ. яз. (перевод автора).
- ³⁹ Там же. Л. 1 и 1 об.
- ⁴⁰ Об этом см.: Браве В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117–129; а также Перченко Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 201–235.
- ⁴¹ Труды Первого Музейного Съезда. М., 1931. Т. 1. С. 32–33.
- ⁴² ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 (1929). Д. 251. Л. 15.
- ⁴³ Там же.

Сведения об авторах

Людмила Алексеевна Аксенова — искусствовед, старший научный сотрудник, хранитель фонда декоративно-прикладного искусства ГМИ СПб. В музее работает с 1974 г. Основная тема исследований — мебель и иконография русского интерьера. Автор ряда статей и выставок. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Сергей Иванович Афанасьев — историк, старший научный сотрудник ГМИСПб. В музее работает с 1990 г. Основная тема исследований — история гарнизона Санкт-Петербурга и Петропавловской крепости. Составитель сборника «Иван Федорович Тевосян в воспоминаниях ветеранов судостроительной промышленности» (СПб., 1991), автор ряда статей.

Людмила Павловна Баклан — историк, старший научный сотрудник ГМИСПб, хранитель рукописно-документального фонда. В музее работает с 1979 г. Автор ряда публикаций.

Татьяна Владимировна Волобаева — искусствовед. С 1994 г. работает в должности научного сотрудника сектора истории архитектуры ГМИСПб. Автор статей по истории петербургской архитектуры и монументально-декоративного искусства.

Валентина Ивановна Демидова — историк, заведующая филиалом «Музей печати Санкт-Петербурга». В ГМИСПб работает с 1981 г. Принимала участие в создании экспозиции филиала. Автор ряда выставок.

Нина Михайловна Зурабян — археолог, историк, старший научный сотрудник ГМИСПб. Работает в фонде археологии с 1977 года. Тема исследований — археология Санкт-Петербурга и история материальной культуры Северо-Запада. Автор научных статей и обновленного варианта археологической части экспозиции «История С.-Петербурга. 1703–1917», открытой в 1995 году в бывшем Комендантском доме Петропавловской крепости.

Севастьян Кириллович Зиновьев — правнук А. Д. Зиновьева.

Галина Петровна Игнатьева — историк, старший научный сотрудник ГМИСПб. В музее работает с 1965 г. Тема исследований — история Шлиссель-

бургской крепости XVIII — начала XX в. Автор книги «Шлиссельбургская крепость» (Л., 1986, в соавторстве) и ряда научных публикаций, а также экспозиций в крепости-музее Орешек.

Елена Алексеевна Коржевская — искусствовед, хранитель фонда тиражированной графики ГМИСПб. В музее работает с 1981 г. Автор ряда выставок и публикаций.

Андрей Леонидович Ларионов — музеевед, старший научный сотрудник, заведующий сектором хранения моделей кораблей и корабельной техники отдела фондов ЦВММ, ведущий специалист в области истории парусного судостроения и флота. Основная тема исследований — история кораблестроения. Участник создания выставок по истории отечественного флота. Автор ряда статей. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Елена Николаевна Мастеница — кандидат исторических наук. В ГМИСПб работает с 1983 г., преподаватель кафедры музееведения Санкт-Петербургской государственной академии культуры. Основная тема исследований — региональная культурология. Автор научных работ по музейной педагогике, истории музейного дела и петербурговедению.

Елена Владимировна Минкина — филолог, старший научный сотрудник ГМИСПб. В музее работает с 1977 г. Основная тема исследований — роль музейных учреждений в петербургской культуре начала XX в. Автор книги «Особняк Вейнеров» (СПб., 1997), ряда публикаций и выставок.

Людмила Георгиевна Мясникова — филолог, старший научный сотрудник ГМИСПб, хранитель фонда фотографий. В музее работает с 1974 г. Основная тема исследований — история развития фотографии в России. Автор статей по материалам фонда фотографий ГМИСПб.

Галина Юрьевна Никитенко — старший научный сотрудник ГМИСПб, где работает с 1976 г. Основная тема исследований — история улиц и топонимии Петербурга. Автор книги «Большой проспект Васильевского острова» (Л., 1981, в соавторстве с В. Д. Соболев) и ряда статей. Создатель выставки «Васильевский остров. XVIII — начало XX в.» Научный редактор топонимического справочника «Городские имена сегодня и вчера» (Л., 1990). Член городской топонимической комиссии.

Евгений Павлович Перовский — историк, старший научный сотрудник ЦВММ (1953–1958), ГМИСПб (1969–1994), ГММОБЛ (с 1995). В 1963–1967 гг. был контрольным редактором Главной редакции ГШ ВМФ СССР, преподавал

историю военного искусства в ВВМУ им. Ф. Э. Дзержинского. Основная тема исследований — оборона Санкт-Петербурга, Петрограда, Ленинграда. Автор более 20-ти описаний карт и атласов исторического тома «Морского атласа» (М., 1965) и 600 статей, очерков и повестей.

Альбина Михайловна Павелкина — искусствовед, в ГМИСПб с 1951 года. С 1960 по 1984 г. — хранитель фонда графики истории Петербурга. Участник создания основных экспозиций и временных выставок музея. Автор статей об истории города и каталогов. Член международной Ассоциации Дж. Кваренги (Osservatorio Quarenghi). Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Галина Александровна Попова — историк, заведующая научно-консультационным отделом ГМИСПб. В музее работает с 1970 г. Основная тема исследований — история музеев Петербурга. Автор книги «Особняк графини Карловой» (СПб., 1996) и ряда статей.

Сергей Петрович Сафонов — математик. С 1958 по 1989 г. работал на инженерных и руководящих должностях ЛПО «Вибратор». Внук В. Ф. Харламова.

Виталий Дмитриевич Соболев — журналист, внештатный научный сотрудник ГМИСПб. В 1976–1982 гг. избирался председателем Совета содействия музею. Основная тема исследований — история Васильевского острова. Автор книги «Большой проспект Васильевского острова» (СПб., 1981, в соавторстве с Г. Ю. Никитенко) и многочисленных статей по различным вопросам городской жизни. С 1971 г. член Союза журналистов.

Надежда Семеновна Тихонова — историк, старший научный сотрудник ГМИСПб. В музее работает с 1978 г. Тема исследований — общественно-политическая жизнь Петербурга конца XIX — начала XX века и история Петропавловской крепости. Автор публикаций по истории тюрьмы Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, книги «Тайны русской Бастилии» (СПб., 1996, в соавторстве).

Галина Федоровна Урусова — историк, ученый секретарь ГМИСПб. В музее работает с 1973 года. Занимается изучением истории Петропавловской крепости XVIII — первой половины XIX века, автор ряда статей по истории XVIII века. Участник создания экспозиции «История Петербурга» в бывшем Комендантском доме, ряда выставок по истории движения декабристов.

Список сокращений

ВВМУ им. Ф. Э. Дзержинского — Высшее военно-морское училище им. Ф. Э. Дзержинского
 ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ГМИЛ — Государственный музей истории Ленинграда
 ГММОБЛ — Государственный мемориальный музей «Обороны и блокады Ленинграда»
 ГМИСПб РДФ — Государственный музей истории Санкт-Петербурга, рукописно-документальный фонд
 ГМИСПб ФГИГ — Государственный музей истории Санкт-Петербурга, фонд графики истории города
 ГМИСПб ФТГ — Государственный музей истории Санкт-Петербурга, фонд тиражированной графики.
 ГРМ ОР — Государственный Русский музей, отдел рукописей
 ГШ ВМФ — Главный штаб Военно-морского флота
 ГЭ ОИРК — Государственный Эрмитаж, отдел истории русской культуры
 ГЭ ОР — Государственный Эрмитаж, отдел рисунка
 ДК им. В. А. Шелгунова — Дом культуры им В. А. Шелгунова
 ИИМК РАН СПб — Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург
 ИЛПР — Институт «Ленпроектреставрация»
 ИРЛИ РАН ОР — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук, отдел рукописей
 КГИОП, архив НАК — Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Мэрии Санкт-Петербурга, архив Научно-архитектурного кабинета
 ЛПО «Вибратор» — Ленинградское производственное объединение «Вибратор»
 МВД — Министерство внутренних дел
 МИДв — Министерство Императорского Двора
 ОБХСС — Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией
 ППОГПУ в ЛВО — Полномочное представительство особого государственного политического управления в Ленинградском военном округе

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
 ПФА РАН — Петербургский филиал архива Российской Академии наук
 Библиотека РАН ОРКК — Библиотека Российской Академии наук, отдел рукописной и редкой книги и картографии
 РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского флота
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
 РГИА — Российский государственный исторический архив
 РНБ ОР — Российская национальная библиотека, отдел рукописей
 ФСК РФ — Федеральная служба контрразведки Российской Федерации
 ЦВММ — Центральный военно-морской музей
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
 ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
 ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Содержание

Предисловие.....	5
А. М. Павелкина. От Музея Старого Петербурга к Государственному музею истории Санкт-Петербурга.....	9
Е. В. Минкина. Музей Старого Петербурга. По страницам литературно-художественных журналов 1907–1917 годов.....	18
Е. В. Минкина. П. П. Вейнер — музейный работник.....	25
Л. А. Аксенова. Современники о последних годах жизни А. Ф. Гауша (записки музейного работника).....	35
Г. А. Попова. Л. А. Ильин — первый директор Музея Города.....	48
Л. П. Баклан. Блокадный «Дневник города».....	57
В. И. Демидова, Г. Ф. Урусова. Три десятилетия на директорском посту.....	63
Г. А. Попова. История одного документа.....	70
А. Л. Ларионов, Е. П. Перовский, С. И. Афанасьев. Ботик Петра Великого и его модель-реконструкция.....	78
Н. М. Зурабян. Об истории распространения белоглиняных курительных трубок в Санкт-Петербурге.....	88
Е. А. Коржевская. Культурно-патриотическая жизнь Петрограда в годы первой мировой войны (по материалам фонда тиражированной графики ГМИСПб).....	107
Л. Г. Мясникова. Петербургские разносчики в фотографиях (по материалам фото-фонда ГМИСПб).....	118
Г. П. Игнатьева. «Новый Шлиссельбург» в воспоминаниях, дневниках и письмах узников.....	124
Г. Ю. Никитенко. Новые материалы к биографии архитектора А. Ф. Виста.....	138
Т. В. Волобаева, С. П. Сафонов. Династия архитекторов Харламовых.....	141
Г. Ю. Никитенко, В. Д. Соболев. Василеостровский адрес Николая Морозова.....	158
А. Д. Зиновьев. Переживания в Петрограде в июле и августе 1918 года Публикация С. К. Зиновьева, Н. С. Тихоновой.....	172

Е. Н. Мастеница. Забытые страницы истории петербургских музеев. Толстовский музей в Петербурге — Петрограде — Ленинграде.....	187
Сведения об авторах.....	199
Список сокращений.....	202

Contents

Introduction.....	5
A. Pavyolkina. From the Museum of Old Petersburg to the State Museum of the History of St. Petersburg.....	9
E. Minkina. The Museum of Old Petersburg (according to the columns in periodicals of 1907–1917).....	18
E. Minkina. P. P. Weiner as a museum worker.....	25
L. Aksyonova. Last years of A. Gausch (by the reminiscences of his contemporaries). Notes by the museum worker.....	35
G. Popova, L. A. Ilyin. The first director of the City's Museum.....	48
L. Baklan. The journal of the besieged city.....	57
V. Demidova, G. Urusova. Thirty years at the post of director.....	63
G. Popova. The history of one document.....	70
A. Larionov, E. Perovsky, S. Afanasyev. The boat of Peter the Great and its full-sized reconstruction.....	78
N. Surabian. About the history of spreading the kaolin tobacco-pipes in St. Petersburg.....	88
E. Korzhenskaya. The cultural and patriotic life of Petrograd during the World War I (according to the materials from the collection of issued graphic art of the State Museum of the History of St. Petersburg).....	107
L. Myasnikova. St. Petersburg pedlars in photographs (according to the materials from the collection of the State Museum of the History of St. Petersburg).....	118
G. Ignatyeva. «New Schlüsselburg» in memoirs, diaries and letters of its prisoners.....	124
G. Nikitenko. New materials to the biography of the architect A. Vüst.....	138
T. Volobayeva, S. Safonov. The Kharlamovs architects dynasty.....	141
G. Nikitenko, V. Sobol. Nikolay Morozov's address on Vasilievsky Isle.....	158
A. Zinovyev. The experiences in Petrograd in July and August of 1917. Publication by S. Zinovyev and N. Tikhonova.....	172
E. Mastenitsa. The forgotten pages of the history of Petersburg's museums. The Tolstovsky museum in Petersburg—Petrograd—Leningrad.....	187

Альманах «Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга» зарегистрирован Северо-Западным региональным управлением комитета Российской Федерации по печати (Санкт-Петербург)
№ П2165 от «25» октября 1996 г.

Учредитель альманаха «Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга» —
Государственный музей истории Санкт-Петербурга
Издательский орган музея — Научно-редакционный отдел, т. 238-42-15

Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга Выпуск II

Исследования и материалы

Издание подготовлено НРО ГМИСПб

Редакторы Л. Н. Коннова, В. П. Мартыненко, В. А. Фролов

Корректоры Л. Н. Коннова, В. П. Мартыненко

Подписано к печати 24. XI. 1997 г. Формат 60 x 90^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Уч. изд. л. 13,0. Тираж 2 000 экз. Заказ 493.

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН.
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12.

ПОСЕТИТЕ

Государственный музей истории Санкт-Петербурга

1. Музей-заповедник «Петропавловская крепость» предлагает экспозиции: «История Санкт-Петербурга—Петрограда. 1703—1917», «История тюрьмы Трубецкого бастиона», «История Санкт-Петербургского Монетного двора», «История ракетостроения и космонавтики. Газодинамическая лаборатория», экспозиционно-производственный комплекс «Печатня».
2. Шлиссельбургская крепость «Орешек». Экспозиция открыта с 15 мая по 15 октября, с 10 до 18 часов, без выходных.
3. Экспозиция «Ленинград в годы Великой Отечественной войны» в бывшем Румянцевском особняке (Английская набережная, 44).

Помимо этого имеются следующие филиалы:

1. Музей печати Санкт-Петербурга (набережная реки Мойки, 32).
2. Музей-квартира А. А. Блока (улица Декабристов, 57).
3. Музей-квартира С. М. Кирова (Каменноостровский проспект, 26—28).
4. Монумент героическим защитникам Ленинграда (площадь Победы).

Музей и филиалы работают с 11 до 18 часов. Выходной день — среда.